

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

ЖЕНА НА ПОКАЗ

КНИГА ВТОРАЯ

16+

Жена напоказ

Елена Счастливая

Жена напоказ-2

«Автор»

2021

Счастливая Е. С.

Жена напoказ-2 / Е. С. Счастливая — «Автор», 2021 — (Жена напoказ)

Молодой вдове в мире мужчин приходится трудно. Но ещё хуже, когда мысли никак не покидают тот, кто круто изменил мою жизнь. Кто всё сделал для того, чтобы поставить меня в безвыходное положение. Не того я хотела. Стать женой королевского дознавателя! Напoказ. На время. Да любая молодая аристократка королевства испепелила бы меня, помоги ей это оказаться на моём месте! Но вокруг всё плотнее плетётся сеть Собирателя. И, похоже, мне придётся довериться будущему мужу. Ведь иначе не понять, как справиться с уничтожающими меня силами. И почему моё сердце рядом с ним никак не желает биться спокойно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	56
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Елена Счастливая

Жена напоказ-2

Глава 1

– Мне срочно нужен сильный маг-заклятийник. – Я хлопнула сумочкой о стол в кабинете Жеаны Астер, к которой прорвалась немалыми усилиями.

Да ещё и под ненавидящим взглядом клиентки, что как раз дожидалась своей очереди в приёмной. Судя по дорогой ткани и замысловатой отделке платья, женщина та довольно состоятельная. Но у меня сегодня планировался настолько напряжённый день, что пришлось поступиться своей совестью и немного – вежливостью, чтобы просочиться к Жеане вперёд неё.

Лекарка приподняла слегка подрисованные брови. Встала и, дойдя до двери, выглянула в приёмную.

– Простите, мадам дю Шантор. Дело очень срочное. Острые боли.

– Ничего страшного! – с готовностью отозвалась пациентка. – Раз так, я подожду.

Ох, знай, какие “боли” меня мучают уже почти двое суток, она немало посмеялась бы. А вот мне было не до смеха. Я вообще не знала, как к этому относиться, но совершенно точно от таких эффектов стоило бы избавиться поскорее.

Жеана мило улыбнулась мадам дю Шантор и вернулась ко мне, не забыв повернуть ключ в замке, закрывая нас изнутри.

– Почему ты решила обратиться ко мне? У тебя в падчерицах целый декан факультета Заклятий! Она уж точно сведёт тебя с самым компетентным магом...

Она откинулась на спинку своего весьма комфортного кресла, но при этом что-то пометила в записной книжке, что лежала перед ней.

– Это же Дениза! – Я подалась вперёд, понижая голос. – Мы с ней не слишком хорошо ладим. И к тому же... Моя проблема весьма деликатна. Не хотелось бы обсуждать её с припешилниками местриис д’Амран...

– Деликатная? Насколько? – Жеана заинтригованно округлила глаза.

– Кажется, то заклятие привязки, о котором ты говорила... Оно начало активизироваться. Не совсем, конечно. Но понимаешь... – Я вздохнула, даже и не зная, что сказать. – Мне снятся сны.

– Это нормально, – заметила лекарка с весьма ехидной улыбкой на губах. – Почти всем людям снятся сны.

– Вот только не делай такое лицо, словно не понимаешь, о чём я говорю! Это не совсем нормальные сны. И я не хочу их видеть.

Да, стоило озаботиться избавлением от заклятия ещё чуть раньше. Но, как часто бывает, более насущные дела начисто выбили у меня из головы эту проблему. К тому же обычно мы не вспоминаем о том, что нас не беспокоит. Так вот это спящее заклятие и не беспокоило меня. Ровно до прошлой ночи.

А там, как говорится, понеслось... Сначала я просто увидела повторение того злосчастного поцелуя с Ренельдом де Ламьером. Чтоб ему жгучая многоножка в штаны заползла! Ведь я не только увидела, но и ощутила всё так, как будто всё это случилось снова.

И это ещё полбеда! Потому что та подлая часть разума, что отвечает за сновидения, продолжила развитие событий явно не в мою пользу. От полнейшей воображаемой капитуляции в жарких руках месье дознавателя меня спасло только резкое пробуждение.

И я готова была списать всё это на обилие неоднозначных впечатлений от прошедших накануне встреч. Однако весь день после этого меня ощутимо давила какая-то иррациональ-

ная тоска. А в следующую ночь сновидение повторилось. Правда, немного в других обстоятельствах.

Поутру соседней подушке, на которой мог бы спать мой супруг, ну или, на худой конец, любовник, немало досталось. После Аби пришлось убирать перья, что разлетелись из неё во все стороны, – служанка немало поворчала, я слышала. Но что же поделать! У всех есть право встать с постели в плохом настроении.

– Значит, ты считаешь, что дело в проснувшейся привязке? – Жеана покрутила в пальцах хитро устроенную ручку, наполненную чернилами. – Но для этого должны быть причины.

– Они есть! – Я кивнула. – Поцелуй.

– И только? – Кажется, лекарка была немного разочарована. – Хотя... ты права, даже поцелуй может спровоцировать некоторые реакции. Если он был... Хм, сама понимаешь. Достаточно прочувствованным.

О-о! Он был очень прочувствованным! До сих пор поражаюсь, как я вообще позволила меся я-обалденно-целуюсь дознавателю всё то, что он проделал. Надо было огреть его чем потяжелее чуть раньше. Может, сейчас не маялась бы по ночам от фривольных картинок в моей голове.

– Перестань. Ты же лекарь! У тебя наверняка есть подходящие связи. Ведь причины болезней могут быть совершенно разными. Вот считай, что я точно больна!

А как это ещё назвать? Когда мысли никак покидает мужчина, который перевернул мою жизнь с ног на голову, а дальше ещё и собирается хорошенько в ней потоптаться? Который всё сделал для того, чтобы поставить меня в безвыходное положение. Потому что его доводы, вопреки моему нежеланию в них верить, выглядели вполне разумными. И чем больше я над тем размышляла, тем прочнее в том уверялась.

Перспективы у меня теперь грандиозные! Стать женой Ренельда де Ламьера! Напоказ. На время – но всё же. Да любая молодая аристократка королевства отгрызла бы мне голову, помоги ей это оказаться на моём месте!

Но, к сожалению, на моём месте только я.

Жеана покривила губами и сделала ещё какую-то пометку на листе. Выглядело это весьма зловеще.

– Я бы назвала твоё состояние по-другому. Но пусть так, – она загадочно замолчала, быстро записывая в книжку строчку за строчкой. Затем вырвала листок и протянула мне. Но едва я хотела его забрать, как она отдернула руку. – Не скажешь, кто он? Тот, кто лишил тебя спокойствия. Кто целуется настолько потрясаяще, что сумел разбудить заклятие?

Порой хорошо, когда семейный доктор ещё и твоя подруга. К ней можно заехать на чай – обсудить маленькие и безобидные женские вопросы. Но в такие моменты, как сегодня, мне категорически не хватало сухого делового общения.

– Думаю, ты скоро и так узнаешь. – Я всё же выхватила у неё листок с именем и адресом подходящего мага.

– Ну что ж, буду надеяться. – Лекарка пожала плечами. – А пока... Выпишу тебе хорошее снотворное. Но не просто снотворное, конечно. Тебе придётся заехать к особому аптекарю.

Она положила перед собой бланк рецепта – с вензелями её кабинета и пропечатанными строчками для заполнения.

– У меня нет нарушения сна. Я просто не хочу видеть... это, – пришлось напомнить ей на всякий случай.

– Вот для этого тебе и понадобится такой порошок. Как принимать, тут написано. Лишает сновидений начисто. Это поможет тебе пережить время до избавления от заклятия спокойнее.

Вооружившись рецептом, я, вполне довольная тем, как прошла встреча с Жеаной, покинула её приёмную. Правда, напоследок пришлось ещё раз извиниться перед мадам, которая терпеливо дожидалась своей очереди.

Что ж, пришло время избавиться от месье дознавателя в моей голове радикальными способами!

– Вот, этот! – Ренельд взял двумя пальцами сложно огранённый в овал камень насыщенно-рубинового цвета. – Посмотри. По-моему, он идеальный.

Ювелир, который деликатно стоял в стороне, чтобы не мешать клиенту с выбором, даже шею вытянул. Но от того, чтобы потереть ладонями друг о друга, удержался. Хотя Ренельд мог бы поклясться, что его руки слегка дрогнули. Всё потому, что этот рубин был одним из самых дорогих в коллекции мастера Поля Рейона. Остальные же попросту оказались слишком крупными для изящных пальчиков Мариэтты.

А этот камень достаточно насыщенный, чтобы не теряться на фоне её внешности. И когда внутри него вспыхивает свет, оттенком он даже походит на губы графинюшки. Ровно в тот миг, как прервался их с Ренельдом поцелуй. Яркие, пылающие – словно по ним тонким слоем растеклась капля гранатового сока.

Шинакорн, что сидел рядом прямо на обитом дорогой кожей диване, критически принялся к рубину.

“Я бы взял лабьет”, – он обиженно фыркнул и отвернулся.

– Ну кто бы сомневался. – Ренельд покачал головой. – Только чёрный камень вряд ли годится для помолвочного кольца невесты, правда?

“Судя по тому, как твоя невестушка едва не снесла дверь с петель, чтобы от тебя сбежать, она не отказалась бы от чёрного камня. В знак траура!”

– А я гляжу, ты уже полностью на её стороне. – Ренельд осторожно опустил рубин на бархатную салфетку. – Может, переедешь в Эйл? Будешь её охранять. Да и я побуду в тишине.

“Первый же соскучишься и придёшь в слезах просить, чтобы я вернулся. А так... Может, я и не против. У её повара отличный вкус на мясную вырезку”.

Конечно! Мясную вырезку лопать – это тебе не скучать, пока напарник перебирает бесполезные камни, которые интересны только людям.

– Я возьму этот! – Ренельд поднял взгляд на ювелира, и тот степенно подошёл, храня учтивую невозмутимость на лице.

– О! “Слеза зари”! – воскликнул он, выказывая чуть наигранное удивление. – Прекрасный выбор, ваша светлость. Во что прикажете оправить?

– Во что посоветуете?

Мастер задумался.

Признаться, Ренельд мало разбирался в таких вопросах. Он покупал кольцо, да и вообще украшение для девушки первый раз в жизни. Возможно, это стыдно – не иметь подобного опыта. В то время как многие из знакомых ему женщин наверняка рассчитывали на подарки и делали для этого многое... очень многое.

Но Мариэтта отличилась и тут: поцелуем, кажется, не прониклась. Пощёчину влепила такую, что искры из глаз. И откуда только в такой хрупкой вдовушке столько разрушительной силы?

– Золото с платиной, – наконец проговорил Поль. – Будет безупречное сочетание с таким оттенком камня.

– Только, прошу, без вычурности.

– Мадемуазель не оценит? – слегка усмехнулся ювелир.

“Надеюсь, Конфетка вообще не вышвырнет это кольцо в окно”, – вздохнул Лабьет, спрыгивая с дивана.

– Она не любит помпезность. Вы правы.

– Я всё понял! – убедительно кивнул мастер.

Он уселся напротив, аккуратно упаковал рубин в отдельную коробочку и принялся заполнять договор о покупке. Столь дорогой камень так просто в карман не сунешь.

– Как долго будет изготавливаться кольцо? – уточнил Ренельд, наблюдая за шинкорном, который деловито прогуливался по лавке.

Лишь бы не зацепил чего своим хвостом или боком – ещё не хватало оплачивать разбитую витрину.

– Всё зависит от того, насколько вам срочно, ваша светлость. – Поль посмотрел на него поверх пенсне. – Но... сами понимаете, особо короткие сроки изготовления я могу обеспечить вам лишь за оплату сверх суммы, прописанной в договоре.

– Как можно скорее. – Ренельд указал на бумагу взглядом. – Впишите нужные пункты.

“Что, не терпится окольцевать Конфетку? Я всё же подозреваю, что где-то его величество успел прижечь тебе зад раскалённой кочергой. Или тебя уязвило её рукоприкладство?”

– Ты, кажется, должен быть рад. Всем перечисленным обстоятельствам.

“Я буду рад, когда у неё пройдёт желание тебя грохнуть. А у тебя – постоянно делать такой вид, будто тебе всё нипочём. Это же надо было такое придумать! Назвать женщину невестой и забыть перед этим предупредить её, что она невеста”.

– Я посмотрел бы на тебя, когда она снова вильнула бы хвостом и исчезла. А теперь ей некуда деваться. К тому же заклятие привязки не даст позабыть о важном. И более содержательный наш разговор состоится гораздо раньше.

“Вот за это я лично готов хватануть тебя сам знаешь за что”.

– Что, все похабные слова позабыл? – Ренельд мысленно улыбнулся. – Ничего страшного с вдовушкой не случится. К тому же пусть лучше заклятие замкнётся на мне, чем на том, кто действительно его навёл.

“Что-то подсказывает мне, что мадам Конфетка быстро избавится от заклятия. И твоё злорадство будет недолгим”.

– Если оно войдёт в активную фазу, заклятийник, который им займётся, гораздо лучше вычислит формулу. А по ней можно будет попробовать отыскать “хозяина”. К тому же... Графиня хотя бы временно почувствует себя на моём месте. Или на месте того, кого она собиралась опохмелить зельем. Может, впредь сто раз подумает, прежде чем баловаться.

“Я уже говорил тебе, – прорывал Лабьет. – И скажу ещё раз: ты порой такой говн...”

– Всё готово, ваша светлость! – бодрый голос ювелира заглушил его слова. – Подпишите.

Ренельд подтянул к себе договор и начал читать. Как бы он ни доверял мастеру Рейону, а проверить никогда нелишне. Поначалу всё было нормально, но в какой-то миг строчки перед глазами начали расплываться, пока окончательно не стали неразборчивыми. Соринка, что ли, в глаз попала? Ренельд потёр веки и вернулся к началу раздела. Но пара мгновений – и ровные буквы снова размылись, будто на них капнули водой.

“Рен! Эй, Рен! – озабоченно окликнул его Лабьет. – У тебя какие-то нарушения в ауре! Ты слышишь?”

Он приблизился и положил ему морду на плечо. Однако легче не стало. Где-то внутри словно бы вспыхивали горячие искры – в совершенно непредсказуемых местах. Ренельд ещё попытался вернуть зрению резкость – неведомо каким усилием, но получилось плохо.

Зато вместо привычных слов на благородно-кремовом листе вдруг проступили знаки, которые в первый миг показались бессмыслицей. Они появлялись совершенно беспорядочно, будто брызги чернил. И тут же пропадали. Ренельд даже не успевал толком их рассмотреть.

“Что ты видишь? – снова вмешался шинкорн, чуть помогая сосредоточиться. – Я только чувствую, что твоя аура словно стала дырявой”.

– Что значит дырявой? – возмутился Ренельд. Впрочем, пока неважно. – Я вижу знаки. Только не понимаю...

Он вгляделся ещё внимательнее, пытаясь уловить закономерность, но символы уже становились бледнее. Появлялись всё реже: время уходило. И тут стало ясно: это те самые знаки, из которых состояли ловушки аур. Вот один из тех, что записала Мариэтта! А вот второй – и тоже исчез. Остальные не желали пока упорядочиваться. Уже не теряя времени даром, Ренельд схватил стоящую рядом в держателе ручку, Лабыет подвинул к нему чистый лист, и прежде чем буквы древнемагического языка перестали всплывать перед глазами, он успел записать ещё несколько.

Моргнул – и перед ним уже вновь был обычный договор покупки рубина.

– Ваша светлость? – чуть испуганно пролепетал ювелир. – Вас что-то не устраивает?

– Нет, всё хорошо. Просто вспомнил по службе... – Ренельд быстрым росчерком подписал договор и встал, сворачивая листок с записанными знаками. – Жду изготовления кольца в срок. Приеду лично.

Пьер сам проводил его до двери.

– Мадемуазель будет довольна, – проговорил он напоследок.

Выйдя на улицу, я взглянула на башенные часы: до начала суда над Переттом ещё как раз успею заглянуть к этому – пришлось свериться с запиской Жеаны – Марьену Сортъежу. Магу-заклятийнику. Живёт он как раз недалеко. Может быть, для него это дело покажется вообще незначительным и он быстро успеет избавить меня от мерзкого заклятия. А то и без него голова кругом.

Но оказалось, что месье Сортъеж уже два дня как уехал в небольшой отпуск вместе с женой и младшей дочерью. О чём мне весьма вежливо сообщил молодой и весьма самодовольный мажордом.

– Проклятье! – тихо выругалась я, спускаясь с крыльца к своему экипажу.

Возвращение умелого заклятийника не планировалось ближайшие пару недель. И если мне не поможет волшебный порошок, прописанный Жеаной, то за это время я просто сойду с ума. Или, что ещё хуже, окажусь в постели месье дознавателя, чтобы хоть как-то облегчить свою жизнь.

Или, напротив, усложнить. С его светлостью всегда всё сложно!

Что ж, возможно, придётся озадачиться поиском и другого специалиста. Вопрос: как? Чтобы он не оказался вдруг знаком с Денизой достаточно близко. Иначе она быстро обо всём прознает, а это последнее, чего бы мне хотелось. Чем меньше “падчерица” знает о моих, пусть даже и временных, слабостях – тем лучше.

Потому я заторопилась в аптеку по совету лекарки. Та, как ни странно, оказалась почти на самой окраине Жардина и выглядела даже слегка жутковато.

Получив рецепт, аптекарь весьма неторопливо прошёлся вдоль полок, то и дело поглядывая в него. Один за другим он выбирал пузырьки с весьма настораживающим содержанием и ставил на высокую, чуть затёртую стойку – передо мной. Но оказалось, что всё это пить не придётся. Закончив сбор нужных ингредиентов, этот молчаливый невысокий мужичок принялся их смешивать.

Я едва не рехнулась в ожидании, когда он взвесит каждый на точных весах, отмеряя крупинку за крупинкой, и наконец ссыплет всё в одну миску. И лишь затем уже через крохотную воронку – в пузатый флакон, за который мне пришлось заплатить весьма удивительную сумму. Не в самом положительном смысле этого слова.

Теперь это снадобье просто обязано мне помочь!

Я вновь села в свой экипаж и теперь уж направилась к Жардинскому суду: скоро начнётся заседание по делу обвинения Перетта. Вряд ли его будут рассматривать слишком долго. Там даже рассуждать особо не о чем. Тем более если у защитника моего управляющего уже есть все документы, что доказывали бы его невиновность.

У здания суда, где располагалась и прокуратура, как всегда былолюдно. Кто-то добивался встречи с прокурорами своих округов, кто-то – рассмотрения интересующего дела. Помимо Перетта, сегодня судить будут ещё и других “нарушителей”. И всех – запятнавших себя неподобающим использованием магии.

Я спустилась с подножки к пыльному крыльцу и огляделась: Ивлиная, которую я высадила у Санктура утром, должна быть где-то здесь. Она обещала прийти и поддержать меня. К тому же из любопытства ей хотелось увидеть управляющего моей винодельней. Хотя вряд ли у Перетта для этого сейчас достаточно подходящий вид.

К счастью, нужный состав для обработки поливочного пруда и почвы вокруг лоз Ивлиная уже приготовила. И вчера вечером мы даже успели им воспользоваться, осталось дожидаться результата. Теперь же она хотела выяснить какие-то лишь ей ведомые подробности о том, кого она подозревала в причастности к этому скверному случаю.

Но Ивлины пока нигде не было видно. Потому я прошла внутрь: может, она уже успела спрятаться в тени? Пришлось проталкиваться через весьма неприятную прослойку мужчин в серых фраках, что стояли прямо у входа, как будто им больше нигде было встать. И дальше – в глубины здания. Амбре тут стояло, надо сказать, нешуточное. Охлаждающие артефакты не помогали, лишь слабые прохладные потоки исходили от стен, куда они были вмонтированы, но воздух от зноя и обилия людей вокруг нагревался гораздо быстрее.

– Мадам д’Амран! – вдруг окликнул меня адвокат Вобер.

Пытаясь протолкнуться ближе, махнул рукой, а затем указал на дверь какого-то бокового кабинета. Я с немалым трудом проскочила туда и, когда мужчина закрыл за нами дверь, присела на отодвинутый для меня стул.

– Добрый день, месье Вобер. – Я приготовилась слушать. – Как у вас настрой? Надеюсь, решительный.

Адвокат, присаживаясь за стол напротив меня, отчего-то замялся. Глянул на дверь и наклонился ко мне.

– Те документы... Что мне передавали недавно. По исследованию ауры месье Орма... Я не знаю, как это случилось, мадам, и кто мог об этом знать... Но они пропали. Я проверял сегодня утром, положил их в портфель. А сейчас... Они просто исчезли!

Он осёкся, разведя руками. У всегда уверенного в своих силах и умениях адвоката вдруг стал такой растерянный и виноватый вид, что я испытала просто невероятное по своей силе желание придушить мерзкого червяка Фабриса. Наверняка его проделки!

– Как исчезли?! – переспросила я. – Вас ограбили? Или подкупили?

Адвокат, похоже, немало обиделся. Выпрямил спину и дёрнул лацканы фрака вниз. Но мне было уже всё равно, насколько велико его негодование. Ведь даже там, где я рассчитывала на долгожданную удачу, её могло не случиться! И ладно я! Но Перетт за что должен страдать?

– Простите, конечно, миледи, – деловито возразил месье Вобер, – но вы платите мне столько, что меня это полностью устраивает. Полностью! И к тому же я дорожу своей репутацией и дружбой с фамилией д’Амран!

– Фабрис тоже носит такую фамилию, – проворчала я чуть тише, уже всюю соображая, что же делать и откуда в кратчайший срок взять новые документы.

Мои копии лежат в имении, в негораемом шкафу. Хотя их ценность, надо признать, не так велика, как у оригиналов.

– Конечно, предусмотрительно я сделал копии, – вторил моим мыслям адвокат. – Но, боюсь, судью они устроят не в полной мере. Без магических печатей лаборатории, что выдала заключение, без возможности развернуть слепок ауры и продемонстрировать остальным. Копии – это просто голословные бумажки! Я отправил помощника в ту лабораторию, откуда эти документы. Но, боюсь, вернуться он не успеет.

Вот это и плохо... А насколько отсюда далеко до Марбра? Не ближе, чем до лаборатории.

Я неосознанно посмотрела в окно, словно через него можно было увидеть тяжёлые башни королевской резиденции. Попасть туда без особого приглашения даже графине непросто. Стража дойдёт расспросами, волокитой и подобными, весьма раздражающими моментами. Правда, на этот случай у меня в сумочке лежит извещение без даты о встрече с Ренельдом де Ламьером. Хоть какой-то прок от этой бумажки!

Другое дело, что до заседания времени уже в обрез. Не успеть!

Я закрыла лицо руками, но быстро совладала с собой.

– Попробуем опираться на копии документов. Может быть, они всё же будут достаточно веским аргументом? А позже я привезу оригиналы. В этот же день! Или ваш помощник сумеет их раздобыть. Ведь вы снабдили его сопроводительным письмом?

– Естественно!

Ну что ж, если он не окажется достаточно быстрым... Придётся пойти к месье моя-помощь-неоценима дознавателю. Чуть раньше, чем я хотела бы его видеть.

– В случае чего... Я попробую уговорить суд. Возможно, перенести слушание. – Месье Вобер покачал головой.

Перенос слушания – это в любом случае плохо. Это снова дни ожидания, страдания Перетта в камере и повод Фабрису придумать ещё какую-нибудь гадость.

В кабинет деликатно постучали, и внутрь заглянул один из помощников судьи.

– Слушание сейчас начнётся. Прошу вас пройти в зал.

Мы с адвокатом переглянулись и последовали за ним. Даже удивительно, как много желающих послушать дело Перетта сыскалось!

Я опустила на своё место и огляделась. Вот Фабрис, который о чём-то тихонько разговаривает с обвинителем. Вот его жена – на лавке позади. Как всегда, с необоснованно надменным лицом. Платье на ней по последней моде, ещё не ношенное, но из довольно дешёвых тканей. А значит, она просто пытается сделать вид, что с бюджетом их семьи всё хорошо. Она посмотрела на меня с нескрываемой ненавистью. Думаю, если бы у неё была возможность без меры тратить наследство мужа, в её глазах сейчас было бы больше радости.

Двери зала снова открылись – все на миг смолкли, и в тишине раздались размеренные шаги. Я даже не обернулась, но через пару мгновений, когда шёпот и гул вокруг резко стали удивлённо-восхищёнными, рядом со мной сел Ксавье де Ламьер.

– Что вы здесь делаете?! – возмутилась я, чуть склонившись к его плечу.

– Я не мог не прийти поддержать вас.

– Это очень мило с вашей стороны, милорд, но...

Договорить я не успела. И даже, признаться, этому обрадовалась. Потому что своим появлением Ксавье, скорее всего, хотел подтолкнуть меня к более скорому ответу на его предложение. И судя по тому, как он сегодня спокоен, о решении брата ему пока не известно.

На сей раз открылись боковые двери – и в зал ввели Перетта. Адвокат уже ждал его за отдельным столом и тут же поднялся на ноги, встречая своего подзащитного. Месье Орм огляделся, мгновенно нашёл меня – и по его губам тут же расплылась облегчённая улыбка.

Я махнула ему рукой. Но в груди стало так горько, хоть плачь!

Заметив мою тревогу, Ксавье накрыл мои сложенные на коленях руки ладонью. Я вздрогнула и высвободилась как можно более плавным жестом. Но маркиз, кажется, всё равно вспыхнул обидой.

Последним в зал суда вошёл сам судья, мужчина довольно молодой, суховатый на лицо, с острым и ужасно холодным взглядом. Честное слово, даже дамы перестали обмахиваться веерами, когда он осмотрелся, садясь в высокое кресло посередине тяжёлого резного стола. Рядом с ним присели ещё двое мужчин. Префект центрального округа Жардина и судейский секретарь.

Слушание началось. Первым выступал обвинитель – он мне сразу не понравился. Несмотря на вполне добродушный вид толстяка с вполне симпатичным – если бы не двойной подбородок и чуть обвислые щёки – лицом. Его голос был убедительным, слова – достаточно пыльными, чтобы разжалобить всех вокруг.

Бедный, бедный Фабрис! Он до сих пор не восстановился после злостного нападения с применением магии. И только недавно с его шеи сошли страшные следы гнева месье Орма.

Всё время его речи мне хотелось встать и прервать этот поток страшного бреда. Зато Фабрис вполне умело изобразил вид страдающего, сокрушённого невзгодами и хворью человека. Вот же позёр, каких поискать!

Перетт становился всё мрачнее, то и дело поглядывал то на адвоката, который, к его чести, хранил полнейшую невозмутимость, то на меня. А мне нечем было его обнадежить.

Но вот наконец в центр зала вышел месье Вобер. И даже при знании того, что в его бумагах не хватает оригиналов едва ли не самых важных документов, я не могла не проникнуться его профессионализмом. Нет, всё же не зря Эдгар поддерживал с ним хорошие отношения!

Но первая заминка случилась в тот миг, когда пришло время переходить к самому главному аргументу в деле защиты. Месье Вобер слегка потянул время, перебирая бумаги и раскладывая их так, чтобы судье якобы было более понятно содержание этих замысловатых бумажек. Я, наблюдая за ним, так нещадно мяла ткань юбки, что Ксавье начал поглядывать на меня с удивлённым недоумением.

Увлечённый делом адвокат даже вздрогнул, как и половина людей в зале, когда двери снова распахнулись. По полу пронёсся вихрь принесённой с улицы пыли. Стражники кивнули, подтверждая, что всё в порядке, когда к ним обратился вопросительный взгляд судьи. И в тот же миг в зал вошёл Ренельд де Ламьер. А за ним вальяжной рысцой вбежал и Лабьет. Пёс походя глянул на кого-то из зрителей – и тот заметно отпрянул.

А вот все дамы, что были здесь, кажется, резко стали близкими к восхищённому экстазу. В меня сразу вонзилось несколько неодобрительных взглядов, как будто это я позвала герцога, да ещё и успела его прилюдно присвоить!

Месье дознаватель степенно прошествовал между рядами скамей, держа под мышкой не слишком толстую кожаную папку. Остановился перед судьёй и уважительно наклонил голову. Лабьет плюхнулся задом на пол и повёл носом. После чего повернулся к Фабрису и глухо зарычал, обнажая невероятно внушительные клыки.

– Ваша честь, – проговорил Ренельд, и пёс тут же смолк. – Разрешите присоединиться к слушанию.

– Ваша светлость, – слегка озадаченно ответил тот. – А какое вы имеете к тому отношение? Вы свидетель?

– Скорее независимый эксперт.

– Независимый... – скептически хмыкнул кто-то у меня за спиной. – Ну как же.

Я подавила желание обернуться и выяснить, кто же это такой прозорливый и начисто лишённый чувства самосохранения! Я ведь и порчу могу навести. Если захочу.

– Я предоставил некоторые документы к этому делу. Но хотел бы высказаться лично, – продолжил месье сегодня-я-особенно-неотразим дознаватель. – Вот, прошу вас ознакомиться.

– Вы видели эти документы, месье Вобер? Понимаете, о чём говорит его светлость? – Судья подвинул папку к себе ближе.

– Естественно, ваша честь! – с заметным облегчением на лице подтвердил адвокат. – Это документы по исследованию ауры месье Орма. Которые подтверждают, что им не использовались вредоносные заклинания в тот день, когда, по словам месье д'Амрана, тот на него напал.

– Прошу прикрепить к делу, – громко провозгласил судья. – Если на этом подача документов со стороны ответчика окончена, суд переходит к опросу свидетелей.

Ренельд ещё раз кивнул и таким же размеренным шагом прошествовал к соответствующему ряду скамей. Как все, кто там сидел, не разбежались в стороны от шинакорна – неизвестно. Но они заёрзали, заохали, спешно расчищая место для герцога и его мохнатого напарника. Но возня быстро стихла, и через миг Ренельд сел позади. Тихо ответив на довольно холодное приветствие брата, он склонился к моему плечу с противоположной от него стороны.

– Эта шляпка вам невероятно идёт, миледи. – Его дыхание шевельнуло локон за ухом. – Но, боюсь, она заслоняет обзор той даме в третьем ряду.

Вот уж полнейшая ложь! Сегодня я нарочно выбрала как можно более сдержанный фасон. Но всё равно от шёпота герцога во мне всё так и подпрыгнуло. Нутро рассыпалось на ворох горячих искр и покалыванием разнеслось до самых кончиков пальцев.

Так, Мари! Это просто заклинание привязки даёт о себе знать!

– Та дама в третьем ряду сейчас всё равно смотрит исключительно на вас. Весьма плотно. Так что моя шляпка вряд ли ей мешает, – ответила я, чуть повернув к нему голову.

Но лицо герцога оказалось так вопиюще близко, что щекой я едва не ткнулась в его губы.

Клянусь, если он скажет ещё хоть слово, я за себя не отвечаю!

Но если Ренельд и хотел что-то сказать, то не успел, потому что вместо его головы перед моими глазами вдруг появилась огромная чёрная морда Лабьета. Он совершенно по-свойски отпихнул напарника и уставился на меня ужасающе осмысленно, если не сказать – въедливо. Даже почудилось лёгкое напряжение в висках, как будто он попытался пробиться ко мне в мысли.

А вдруг и правда умеет их читать? Это была бы большая неловкость.

– Прости, – буркнула я, – знала бы, что ты придёшь, захватила бы с собой баранью ногу.

Но, похоже, шинакорну было нужно вовсе не то. Он возмущённо фыркнул, подался вперёд и вдруг шумно обнюхал мои волосы, коснулся мокрым носом уха. Но прежде чем я успела вскинуть руку, чтобы оттолкнуть нахальную пёсью морду, он отстранился сам с вполне невинным видом.

– Лабьет, – укоризненно одёрнул его Ренельд. – Вряд ли мадам д'Амран будет рада умыванию твоим языком.

Я только дёрнула плечом и отвернулась. Но чувство, что Лабьет не просто решил проявить ко мне особое расположение, но при этом ещё и что-то выяснить, меня не оставило. И вообще – поведение шинакорна немало взбудоражило зевак в зале. Они тихо забубнили, загомонили, посмеиваясь, – до меня даже донеслось несколько предположений насчёт того, когда же Лабьет успел так меня полюбить.

Сказала бы я им, да станет только хуже.

– Похоже, вы способны свести с ума любого мужчину, даже если он не человек, – с усмешкой на губах заметил Ксавье.

– Кто вас, мужчин, поймёт. – Я поправила и без того идеально обтягивающие руки перчатки.

Судья ударил молотком – и резкий стук вмиг заставил всех умолкнуть.

Начался опрос свидетелей.

Первыми один за другим выходили свидетели обвинения – и только оставалось удивляться, откуда их вообще столько взялось. Ведь в тот миг, когда Перетт слегка придушил Фабриса, поблизости были только двое охранников, которые, впрочем, предпочли не выступать ни на одной из сторон. Зато те, кто и в глаза ничего не видел, со всем пылом рассказывали о неоднократных конфликтах месье д'Амрана и управляющего винодельней.

И мне становилось всё гаже и гаже на душе от этой страшной несправедливости.

Да убереги меня Первородные ещё хоть раз столкнуться с судом! До конца жизни не отмоешься.

Но наконец весь этот скверный спектакль закончился, и дело дошло до свидетелей защиты. Тут всё прошло гораздо быстрее – я и глазом не успела моргнуть, как вызвали меня.

Месье Вобер задавал очень правильные вопросы, которые мы не раз обсуждали раньше. И даже пристрастный разговор с обвинителем следом за этим я вынесла весьма спокойно. Хотя некоторые вопросы не слишком деликатно намекали на то, что меня с Переттом могли связывать отношения не только рабочего плана.

Но вот и меня отпустили – немало измотанная, я направилась обратно. А навстречу мне уже шёл Ренельд. Я заметила, какой тяжёлый взгляд поднял на него Ксавье. И как лицо Фабриса из довольно-розоватого вдруг стало пепельно-серым. Герцог махнул рукой, велая Лабьету остаться на месте. А проходя мимо меня, он лишь приподнял подбородок чуть выше, словно и вовсе не заметил.

Подлое заклятие царапнуло внутри, словно засевавший под кожей крючок. На мгновение мне захотелось хотя бы ответного взгляда месье дознавателя. Но не оборачиваться же ему вслед!

Ренельд сел на изрядно помятый другими свидетелями стул и с лёгким снисхождением посмотрел на обвинителя, который как раз что-то тихо говорил Фабрису.

Месье Вобер с воодушевлением начал опрос, то и дело обращаясь к копиям документов с исследованиями ауры Перетта. Судья тоже переворачивал лежащие перед ним листки, время от времени поглядывая в затылок месье дознавателя, словно пытался распознать, насколько искренни его слова.

Весьма довольный прошедшим разговором, адвокат вернулся к подзащитному, а к Ренельду подошёл обвинитель. Но он, кажется, остался не совсем довольным прошедшим разговором. Месье дознавателя так просто не возьмёшь!

На том его опрос было решено закончить. Всех распустили до вынесения судьёй решения, и люди повалили в холл, гудя и обсуждая дело, которое обещало быть весьма скучным, а на самом деле оказалось весьма занимательным.

Ксавье шёл впереди меня, прямой как палка. Ренельд – чуть позади, а Лабьет бежал рядом, словно хотел меня поддержать. Но наконец маркиз не выдержал и повернулся к брату. А я вдруг оказалась между ними с чувством, словно на меня надвигаются два валуна.

– Не здесь, – первым бросил герцог и указал взглядом на дверь того кабинета, где ещё недавно мы разговаривали с месье Вобером.

И отчего-то я сразу поняла, что с ними мне пока лучше не ходить.

Но, показалось, братья только ушли – я даже не успела представить, как пройдёт их разговор, – как вдруг Ксавье вылетел обратно. Багровый от ярости, с совершенно бездумным взглядом. Он быстрым шагом прошёл через холл и покинул здание суда. На меня даже не взглянул.

Пришлось выждать миг, когда любопытство всех, кто видел это, немного стихнет, когда они перестанут коситься в сторону распахнутых дверей. Затем я неспешно, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, зашла в комнату, где до сих пор оставался месье рублю-с-плеча дознаватель.

В первый миг мне показалось, что он о чём-то говорит с Лабьетом – безмолвно, потому как они очень уж внимательно смотрели друг на друга. И пёс был чем-то недоволен, судя по тому, как раздражённо дёргался его хвост.

– Что вы ему сказали?! – Я довольно громко захлопнула дверь.

Герцог поднял на меня зеленущий взгляд – и мои колени дрогнули, словно желе, которое встряхнули на тарелке. Скажите на милость, и долго я ещё буду страдать от этих премерзких эффектов привязки?

– Я только сказал, что претендую на вашу руку и... возможно, вторую руку тоже. Ведь целая невеста приятнее половины.

Глава 2

– Вот, значит, как. – Графинюшка так и прожгла Ренельда горячим янтарём глаз. – Может, и мне определиться, какие части вашего светлейшего тела принесут мне наибольшую пользу?

– Готов предоставить перечень на выбор, если это поможет нам договориться.

“Ты смотри, она ведь определится, потом недосчитаешься печени. Ведьмочки – они такие...” – радостно предупредил шинакорн, так и вертя носом по воздуху, словно учуял вдруг нечто крайне вкусное.

Графинюшка прошла чуть дальше, не сводя с Ренельда внимательного взгляда. Будто смотрела на него по-новому. Он ни разу раньше не видел, как действует заклятие привязки. Но что-то, очевидно, вело её вперёд – на чистых инстинктах. А в миг осознания саму же и злило.

– Даже не знаю, что вам в себе наименее дорого, – произнесла вдовушка, слегка поразмыслив. – При вашем-то самолюбии.

– Тогда берите целиком, не прогадаете.

Мариэтта вскинула изогнутые плавными дугами брови.

– Боюсь не утащить столько “счастья” разом, – покачала головой без тени улыбки. – Так всё же. Что вы сказали его сиятельству?

– Больше я ничего не успел сказать. – Ренельд присел на край стола и вытянул ноги, закинув одну на другую. Вдовушка скользнула по ним взглядом так, что на миг даже стало неловко. – Однако, думаю, ему, как и вам, просто нужно немного остыть. Но считайте, я облегчил вам жизнь.

“Скорее, усложнил, – проворчал Лабьет. – Ксавье может и на ней отыгаться. Женское коварство, соблазнила двух братьев сразу... И всё такое прочее”.

– Значит, поедешь сегодня с мадам д’Амран для охраны. Тем более поводов больше, чем достаточно.

“Всё же считаешь, что с рыжей что-то случилось?”

– Это нужно выяснить. Но здесь она тоже не появилась, как видишь.

– Каким же образом, позвольте узнать, вы облегчили мне жизнь? – Вдовушка подошла чуть ближе.

“Проклятье, Рен! – Шинакорн страстно приняхался и утробно заурчал. – Она просто сумасшедше пахнет. И явно пытается тебя соблазнить. Если ты вдруг не заметил”.

Ренельд заметил: мысли уже собирались в бодрый хоровод исключительно вокруг изящной фигурки графини. Она была сегодня просто потрясающе хороша. В этом по-деловому сдержанном платье из синего хлопка и шёлка, в шляпке, украшенной только парой коротких перьев и брошью в виде птички с сапфировыми глазами.

Лабьет, совершенно сражённый волной женской притягательности и медово-сладкой ауры Мариэтты, словно блаженный, тут же вывалил из пасти язык. И завилял не то что хвостом, а всем задом.

– Теперь к разговору с вами, где вы откажете ему окончательно, он будет уже готов, – пояснил Ренельд. – А я ещё рискую получить в глаз. Возможно. Но я буду сопротивляться.

Мариэтта остановилась в паре шагов, словно сама себя заставила сохранить безопасное расстояние между ними.

– И вас всё это ничуть не беспокоит? – Она указала взмахом руки на дверь. – Что Ксавье теперь злится на вас. И, возможно, ненавидит меня.

По горячности Ксавье может придумать себе великую обиду. Ситуация не из простых. Но Ренельд всё же рассчитывал, что сумеет обсудить всё с братом более спокойно. Когда тот хоть что-то способен будет осознать.

– Уж простите, что я не бьюсь в истерику и приступе самобичевания, – ответ вышел чуть более резким, чем нужно. – Но я знаю своего брата гораздо лучше вас, хоть вы в какой-то миг, возможно, и собирались за него замуж. Может, по-прежнему собираетесь? Ведь то зелье, существование которого вы до сих пор отрицаете, было предназначено ему?

– Вы решили и мне устроить суд? Чтобы два раза не бегать, – огрызнулась Мариэтта.

– Мы, возможно, скоро станем супругами. И потому мне хотелось бы знать, чего можно ожидать от вас дальше.

– Смотрите, как бы я не начала задавать вам ещё более неудобные вопросы. Сдаётся мне, в вашем прошлом тоже немало ошибок. – Вдовушка приблизилась так опасно, что её слегка приоткрытые губы почти коснулись подбородка Ренельда.

Он опустил на них взгляд. Графиня что, издевается? Или и правда не осознаёт собственных порывов, раз они вызваны заклятием?

“Неловкость... – пискнул в голове Лабьет, отходя чуть дальше. – Вот же гадство, и сбегать некуда”.

– Порой важно просто признать свои ошибки. – Ренельд качнулся назад – от беды подальше. Янтарноглазой, разозлённой беды по имени Мариэтта д’Амран. – И что бы ни было раньше, сейчас я не считаю себя неправым. Вряд ли вы представляете, как много мы с Ксавье ссорились раньше. Как били друг другу лица из-за поводов, гораздо более незначительных, чем хорошенькая женщина.

“Вот комплименты – вообще не твой конёк”. Лабьет демонстративно зевнул, оставив мысли о побеге.

Да и Мариэтта, кажется, наконец поняла, что едва не случилось. Отвернулась, кусая губу, а затем, чуть совладав с собой, вновь посмотрела на Ренельда.

– Возможно, я ошиблась, когда решила, что смогу переиграть больших мальчиков. Ведь никакое зелье не сможет задавить то, что ворочается внутри каждого из вас и называется эго. – Она ткнула кончиком пальца Ренельду в грудь. – Меньше всего я хотела быть причиной вашего раздора с маркизом. Я вам не найденная на чердаке кукла, которую вы с братом из любопытства не смогли поделить. Один хочет раздеть, а другой – открутить голову и посмотреть, что внутри. С любой стороны перспективы нерадостные.

“Вот знаешь, а я её понимаю. – Лабьет подался мордой вперёд и поддел руку Мариэтты. Она улыбнулась, опуская на него взгляд, погладила по красноватым рожкам. – Так что, если ты или твой братец обидите мою Конфету, я вас обоих укорочу на неважные органы”.

Ренельд усмехнулся, наблюдая за ними. Уж соперничать с шинакорном он точно не собирался.

– Вы не кукла, это верно, – ответил он вдовушке. – И я не собираюсь ни вредить вам, ни – тем более – раздевать. Дело у нас с вами весьма и весьма серьёзное. И касается, как вы помните, обеих сторон.

Мариэтта вздёрнула аккуратный носик, явно собираясь немедленно продемонстрировать ещё неизведанную Ренельдом грань своего упрямства.

– Сейчас я не настроена решать такие вопросы, – процедила она. – Мой управляющий, возможно, окажется под стражей на несколько месяцев. И мне хотелось бы завершить хотя бы это дело. Прежде чем взяться за обдумывание следующих.

– Сдаётся мне, тут решать нечего.

– Вы за этим сюда приехали? – сверкнула глазами графинюшка. – Чтобы указать мне на моё место?

– Нет, я приехал взглянуть на то, как проходит суд. Даже, видите, документы прихватил. Очень кстати. А ещё я рассчитывал найти здесь вашу помощницу по виноградному делу. Ивлину дю Пойр. Она позавчера прислала мне письмо и попросила о встрече. Однако не явилась на неё.

– Странно, – сразу нахмурилась Мариэтта. – Сегодня мы вместе приехали в Жардин. Она отправилась по делам, но сказала, что на суд успеет. Но...

“Не пришла, – договорил за неё Лабьет. – Это скверно пахивает, Рен. Рыжую нужно найти”.

Но подробнее вопрос поисков мадемуазель дю Пойр они обсудить не успели, только обменялись встревоженными взглядами. Графиня так и вовсе побледнела, словно уже догадалась, в чём может быть причина пропажи аспирантки.

Но в кабинет заглянул судейский секретарь.

– Его честь готов вынести вердикт, – сухо бросил он и удалился.

Пришлось спешно следовать за ним.

Кажется, зрителей в зале стало ещё больше. Но привлекало их не столько дело Перетта Орма, сколько весьма значительные личности, что принимали в нём участие.

“По-моему, они вообще пришли поглазеть на нас с тобой, – ворчливо заметил Лабьет. И добавил, чуть поразмыслив: – Хотя нет, больше всё-таки на меня”.

И, словно бы в подтверждение его самодовольного предположения, кто-то из зевак весьма открыто ткнул в него пальцем.

Ренельд сел рядом с Мариэттой, загораживая её собой от любопытствующих взглядов собравшихся вокруг горожан. Пусть треплются после, о чём хотят. Уже никакие слухи о нём и графинюшке не будут достаточно вредными.

Наконец привели взволнованного, совершенно измотанного всем этим процессом Перетта. Но управляющий весьма прибодрился, встретившись с графиней взглядом.

“Могу поклясться, – Лабьет внимательно, но без осуждения присмотрелся к нему, – многие самые смелые его мечты связаны с мадам Конфеткой. Но она же его в упор не видит. Смотрит на него, улыбается – и не видит. Вот же не повезло этому меся”.

– Хочу заметить, что и на меня удача в её лице не свалилась, – мысленно усмехнулся Ренельд. – Мадам д’Амран способна жизнь любого мужчины раскрасить весьма неожиданными красками.

“Ты придираешься. На самом деле тебе весело”.

– Да. Если ты вдруг увидишь на моих щеках слёзы, то знай, что они от смеха.

Шинакорн недовольно рыкнул, а в голове Ренельда вдруг мелькнула довольно тревожная мысль о том, что пристрастие напарника к вдовушке принимает неприятный оборот. Он никогда не задумывался раньше, что будет при частом взаимодействии сотканного из первозданной тёмной ауры существа с таким выжигающим светом, как у Мариэтты. Надо бы хорошенько покопаться в структуре ауры Лабьета. Как бы там не обнаружилось каких-нибудь нарушений.

Наконец в зал вернулся и судья. Откинув полу своей мантии, он с достоинством сел в кресло, не сводя взгляда с документа, что держал перед собой.

– Прошу тишины в зале! – неожиданно проговорил он, помолчал, сделал ещё какую-то пометку в листе и вновь встал. Вокруг стало невероятно безмолвно, даже ничья одежда не шуршала. – По всем пунктам обвинения в нанесении вреда здоровью меся Фабрису д’Амрану меся Орм признаётся невиновным. По пункту обвинения в оскорблении личности и унижении достоинства меся д’Амрана меся Орм признаётся виновным. Исходя из этого, руководствуясь статьями двести пять, триста двадцать один и триста тридцать восемь Магкодекса Гриффанружа, меся Орм обязуется выплатить меся Фабрису д’Амрану компенсацию в размере пяти тысяч аргентов в течение месяца с момента назначения.

Ещё миг осознания – и управляющий подпрыгнул на месте, расплываясь в ошарашенно-радостной улыбке. Адвокат улыбнулся тоже, но чуть криво – наверное, от боли, когда Перетт вцепился в его локоть.

– Как?! – возмущённый возглас Фабриса перекрыл даже взбудораженный гомон зрителей. – Всего пять тысяч...

Остальное всё же потонуло в нарастающем шуме. Судейская группа вновь поднялась со своих мест и удалилась. Стража потеряла интерес к месье Орму, но ещё продолжила следить за порядком в зале, хотя бы потому, что недавний пострадавший пришёл в крайне взбудораженное состояние. Он что-то доказывал собирающему в папку бумаги прокурору. Но и тот, кажется, почти его не слушал.

– Ваша светлость! – выдохнула Мариэтта, повернувшись к Ренельду. – Это просто прекрасно! Свет Первородных! Признаться, я боялась...

Она осеклась, заметив, что обеими ладошками вцепилась в его руку. Показалось, что сейчас отстранится, но вдруг резко всем телом налетела на него. От неожиданности Ренельд даже покачнулся. И пришлось обхватить вдовушку за талию, чтобы она не упала окончательно.

– Простите... – буркнула она, придерживая шляпку. – Кто-то меня толкнул.

“Пардон, – ехидно бросил этот “кто-то”, обходя её сбоку. – Даже не знаю, как это вышло”.

Ещё мгновение Ренельд обнимал графиню, но затем отпустил, потому как за её спиной возникло чуть лоснящееся от испарины, совершенно по-идиотски счастливое лицо месье Орма.

– Миледи! – выпалил он, подходя ближе. – Спасибо вам!

И, кажется, уже раскрыл объятия, чтобы заключить в них графиню, но передумал. Всего лишь взял её руку в свои и пылко прильнул к ней губами с таким видом, словно мечтал об этом всю жизнь.

– Благодарить нужно месье де Ламьера, – сдержанно улыбнулась вдовушка. – Благодаря его исследованиям нам удалось так уверенно вас оправдать.

– Спасибо, ваша светлость. – Перетт протянул ему довольно широкую и удивительно сильную ладонь.

Пожалуй, он не так безобиден, как кажется. Ренельд пожал ему руку, чуть наклонив голову в ответ.

“Я бы тоже не стал с ним обниматься. – Шинакорн брезгливо принялся к управляющему. – Похоже, этого бедолагу держали здесь в весьма скверных условиях”.

– Конечно! Фабрис сделал всё, чтобы отравить ему жизнь как можно больше. – Ренельд вновь оглянулся на графского сына. – Другой вопрос, как при его никчёмности он сумел это проверить? И добиться того, что Перетта и правда едва не осудили по всем пунктам?

“Мне видится здесь чья-то довольно мохнатая лапа”, – с самым серьёзным видом согласился Лабьет.

– И как бы эта лапа не приложилась и к виноградникам мадам д’Амран. Кажется, Фабриса стоит встряхнуть.

“Таких встряхивать очень неприятно. Вон будет много, – пёс цыкнул. – Но, видимо, надо”.

– Для начала нужно отыскать мадемуазель дю Пойр, – заключил Ренельд, а затем окликнул Мариэтту: – Миледи, предлагаю месье Орма отправить домой в вашем экипаже.

Графинюшка повернулась к нему, и с её губ тут же сползла улыбка.

– А как же вы? – озадаченно уточнил управляющий.

– У нас с графиней ещё есть оно очень важное совместное дело. Мы поедем в моём экипаже.

– Поезжайте, Перетт. – Мариэтта сразу всё поняла и мягко пожала плечо мужчины, отчего тот, кажется, даже дыхание затаил. – Завтра у вас один день на восстановление после всего этого ужаса и несправедливости. А затем я жду вас в самом рабочем режиме на винодельне. Нам очень многое нужно будет обсудить.

– Как же теперь те лозы, мадам д’Амран? – не забыл о деле месье Орм.

– Надеюсь, совсем скоро с ними всё будет в порядке. Они уже цветут, но болезнь так и не добралась до соцветий.

– Это хорошо, – облегчённо вздохнул управляющий.

И хотел было поправить шейный платок, но его на нём не оказалось. Уж неизвестно, что вообще творилось с ним в эти дни в камере, что он даже некоторой одежды лишился. Зато привычным жестом управляющий пригладил довольно несвежие волосы.

– Нам нужно торопиться. – Мариэтта осторожно взяла Ренельда под локоть и потащила прочь из зала суда. – Я боюсь, как бы с Ивлиной не случилось чего скверного.

– Поясните по дороге.

“Вот и как только эти дамы умудряются влезать в такие неприятности! – возмутился Лабьет, рысцой следуя за графинюшкой. Сейчас он был похож на пажа, который готов нести в зубах её подол. – Их совершенно нельзя оставлять одних!”

Ренельд помог Мариэтте подняться в карету и сел напротив. Кучер гикнул, распугивая толпящихся кругом людей, и экипаж покатиł вдоль улицы.

– Так почему вы решили, что с мадемуазель дю Пойр могла случиться неприятность? – вновь вернулся Ренельд к оставленному разговору.

Мариэтта стянула перчатки, о чём-то размышляя. Ренельд невольно опустил взгляд на её изящные ручки, но вновь вернулся к лицу, попутно отметив, как же всё-таки интригующе это идеально скроенное платье подчёркивает все изгибы её фигурки. Кажется, ничего особо выдающегося – и в то же время полнейшая гармония.

“Рен, ты помнишь собственный вопрос?” – поднял голову Лабьет.

Тот и отвечать не стал на очередной укол напарника.

– Ивлиная очень многое выяснила, пока искала способ излечить лозы. Даже определила причину, – задумчиво пояснила Мариэтта. – И она предположила, кто может за всем этим стоять. Как будто почерк показался ей знакомым... Кажется, это кто-то из её давних знакомых.

“Ну разве можно ходить к давним знакомым, у которых скверная репутация, в одиночку?! – Лабьет гневно заурчал. – Точно этим мамзелям нужно прописать терапевтическое покусывание за места, что отвечают за приключения”.

– И куда она отправилась утром?

– Первым делом она собиралась в Санктур.

Проще искать оттуда, где начался её путь, долгий или короткий – неизвестно. А значит, в Санктур и отправились.

В разгар дня быстро передвигаться по улице было не так-то легко. Потому кучеру пришлось придержать коней, и карета покатила чуть медленнее. Мариэтта, явно страдая от неловкости и давящего на неё заклятия, сосредоточенно уставилась в окно. Можно только представить, как тяжело ей находиться с Ренельдом в одном экипаже! Но она держалась с похвальной стойкостью.

Лабьет тоже держался – но не так стойко, как графинюшка. Лёжа на сиденье рядом с ней, он постепенно подбирался ближе и ближе, пока наконец не положил свою огромную башку ей на колени.

– Хитрый какой, с ума сойти! – с улыбкой проговорила Мариэтта, глядя его по шее и чуть встопорщенному от удовольствия шерстяному гребню вдоль спины.

– Вы не знакомы даже с десятой долей его хитрости, – предупредил её Ренельд, уже догадываясь, зачем Лабьет строит из себя комнатную собачку. Хоть при его размерах это вообще смешно.

– Пока мне достаточно того, что он перестал меня пугать. – Вдовушка вдруг рассмеялась. – Честно говоря, когда я увидела его в первый раз, подумала, что он меня слопает на завтрак.

“Неправда, – поиграл бровями шинакорн, переводя взгляд с лица графини на Ренельда и обратно. – Она слишком худая, чтобы я наелся. И слишком сладкая, чтобы мне не было её жалко”.

– Он на многих производит такое впечатление. В первый миг. Но женщин Лабьет не кусает принципиально.

“Да ну. Я просто не кусаюсь без причины, что ты! Помнишь ту профурсетку, что хотела обчистить твой бумажник однажды утром? Вот её я куснул с удовольствием. Она мне сразу не понравилась”.

– Наверное, поэтому у вас такие сложные отношения с женщинами, – вдруг выдала вдовушка. – Их пугаете не только вы, но и ваш напарник. Я не припомню ни одного слуха о том, чтобы у вас была хотя бы предположительная невеста.

– Вы не правы, – усмехнулся Ренельд, внимательно разглядывая заострившееся от любопытства лицо Мариэтты. – Отношения с женщинами у меня большей частью довольно простые. А насчёт невесты... Всё бывает в первый раз. И вообще... Как бы маги долго ни жили, а я не молодею. Нужно попробовать и это.

“Вот ты кокетка старая, – расхохотался шинкорн. – Набиваешься на комплимент? А не дождёшься”.

Ренельд и сам это знал. Но красноречивый взгляд, что бросила на него Мариэтта украдкой, говорил яснее любых слов.

– Я думала, что в жизни вы предпочитаете более острые впечатления, чем женитьба, – иронично прищурилась она.

– Так это смотря на ком.

Графинюшка мгновенно вспыхнула румянцем и чуть сильнее сжала губы, как будто попыталась удержаться от очередной колкости.

Все немного помолчали. Ренельд вдруг вспомнил о том листке со знаками, что так и лежал у него в нагрудном кармане с утра. Само по себе это случиться не могло – вдруг. Как подарок судьбы. И отчего-то казалось, что такой странный эффект обязательно должен быть связан с Мариэттой.

Ренельд тихо вздохнул, чуть ослабляя контур ауры. Протянул лёгкие потоки силы к графинюшке – найти хоть какой-то след, что навёл бы на правильные мысли. В голову ударило пьяной волной заклęcia, что опутывало её всю. Пронизывало, кажется, каждую частичку её тела. Это, признаться, значительно усложняло исследование.

“Рен, – заговорщически буркнул шинкорн. – Я тут уже пошуршал... Помнишь, я говорил, что твоя аура как будто стала “дырявой”? Там, в лавке ювелира. Так вот это как раз были следы ауры мадам Конфетки. И знаки, которые ты видел...”

– Это её память. Тёмная энергия, собранная в части заклинания, оставила отпечатки на её ауре. А она передала их мне, обернув в свою силу, – закончил мысль Ренельд. – В момент поцелуя.

“Знаешь, раньше я думал, что это бесполезные лизания. Все эти ваши поцелуи, – едко проговорил шинкорн. – А теперь понимаю, что и от них есть толк”.

– Сегодня у вас с мадам д’Амран прямо день открытий, – сухо резюмировал Ренельд.

Потому как воспоминания о почти невинной близости с несносной вдовушкой, которая ещё и сидит напротив в тесноватом экипаже, – это, оказывается, то ещё испытание.

К счастью, дорога через плотно забитый центр города закончилась – и за окном рыжиной на солнце сверкнули стены главного корпуса Санктура.

– Как вы думаете, куда она могла пойти? – Выйдя из кареты, Мариэтта подняла взгляд к его шпилью.

– Думаю, стоит начать с её кафедры.

Вместе они вошли в чуть промозглую нутро Академии. Кажется, эти толстые стены вообще никогда до конца не прогревались. Дальше Ренельд провёл графинюшку до кафедры Магической ботаники – кто-то ведь должен там быть?

Оказалось, лишь секретарь декана в совершенно пустом кабинете перебирал какие-то бумаги и раскладывал их по папкам. Это вдумчивое занятие так увлекло его, что он не сразу заметил, что кто-то вошёл. И потому вздрогнул, когда прямо перед ним возникла любопытная морда Лабьета. А затем уже поднял взгляд на Ренельда и Мари, что держалась чуть позади, за его плечом.

– Добрый день, месье!

– Ваша светлость. – Мужчина выпрямился, забыв положить в папку лист, что держал в руках. – Чему обязан?

– Нет, вы лично мне не нужны. – Ренельд улыбнулся. – Но подскажите, сегодня здесь появлялась ваша аспирантка Ивлиная дю Пойр?

– Да, – секретарь пожал плечами, – заходила утром. Ещё по такому странному поводу...

И он хотел было рассказать дальше, но осёкся, видно не решив, стоит ли и будет ли это интересно гостям.

– По какому? – тут же подогнала его графиня.

– Она искала документы одного адепта. Они учились вместе, но его отчислили на последнем курсе. За весьма неоднозначные делишки. – Мужчина скривился.

Стукнул корешком завязанной папки о стол и отложил её в сторону.

– И что же – нашла? – Ренельд огляделся.

– Нашла, – протянул секретарь. – Развела мне тут такой бардак. И сбежала.

– Как его зовут?

Мужчина вздохнул, явно недовольный таким разговором. Но он, похоже, был достаточно сообразителен, чтобы понимать, что с королевским дознавателем лучше не пререкаться. И ничего от него не утаивать.

– Рауль Донжон, – проговорил он с гримасой презрения на лице. – Но я скорее удивлюсь, если он ещё жив.

– Почему это? – нахмурилась вдовушка.

Мужчина коротко закатил глаза, взял перо из чернильницы, что стояла на краю стола, и быстро записал что-то на листке.

– Потому что он связался с весьма грязными делами – ещё во времена учёбы. Ну и компания ему подобралась соответствующая. Полнейший сброд. Среди таких, конечно, встречаются талантливые маги, но им порой не хватает средств, чтобы получить достойное образование. Потому они и находят своим силам не самое лучшее применение. – Он просушил чернила и протянул лист Ренельду. – Когда ректором был граф д'Амран, он раз в год устраивал отбор среди таких вот одарённых и обделённых. Многих брал учиться за счёт собственного Фонда...

– Да, я знаю, – задумчиво проговорила Мариэтта, уже сунув нос в записку, которую как раз изучал Ренельд. – Но ещё до его смерти эта практика прекратилась. После того, как произошёл немалый скандал с непонятной растратой средств Фонда, что были выделены именно на эти цели.

“Значит, деньги дали, а новых адептов не нашли... – задумчиво проговорил Лабьет. – А может, всё же нашли, но...”

– Просто не довели до ворот Санктура... – по привычке закончил его фразу Ренельд.

И, похоже, сказал он это вслух, потому как и секретарь, и вдовушка тут же уставились на него с лёгким недоумением.

– Спасибо, месье! – Ренельд встряхнул листком, на котором помощник декана записал адрес того Рауля Донжона.

– Здесь он жил в то время, когда учился, – счёл нужным пояснить мужчина. – Но где он сейчас... Вряд ли там.

– Мы проверим! – кивнула Мариэтта.

“Ты посмотри! Кажется, меня хотят сместить с почётной должности твоего напарника”, – притворно обиделся шинкорн.

Мариэтта и правда сейчас выглядела слегка забавно, с этим азартным блеском в глазах и твёрдо сжатыми губами. Заметив взгляд Ренельда искоса, она только вздёрнула подбородок и, небрежным взмахом руки поправив шляпку, пошла прочь.

– Всего доброго, месье, – попрощалась она с секретарём. – Ваша светлость, вы идёте?

Мужчина, который ещё миг назад был занят очень важными делами, проводил её зачарованным взглядом. Стопка папок справа от него покосилась и начала падать.

– Потрясающая женщина, правда? – усмехнулся Ренельд, придержав её.

– Да уж, – проговорил секретарь, но спохватился. – То есть нет, ваша светлость! То есть да, конечно...

Он досадливо нахмурился, вновь принимая серьёзный вид. Ренельд попрощался с ним и быстро нагнал Мариэтту и Лабьета, который не отставал от неё ни на шаг, как будто и правда решил охранять.

– Вы не считаете, что вам нужно вернуться домой? – Ренельд убрал листок во внутренний карман фрака. – Это может затянуться.

– Нет, пока я не выясню, что с Ивлиной... – Графинюшка тряхнула головой, быстро мрачней. – Если она попала в неприятности, это из-за меня.

– Какие глупости! – хмыкнул Ренельд.

– Глупости?! – мгновенно вспыхнула вдовушка.

“Береги голову, – предупредил Лабьет. – А то до конца дней глупости будешь говорить ты. А может, даже нечто нечленораздельное”.

– Вы в этом точно не виноваты, – спокойно продолжил Ренельд. – Мадемуазель дю Пойр надо было сначала поговорить со мной. Но, похоже, её с однокурсником связывали весьма близкие отношения, раз она не побоялась пойти к нему одна. Предупредить или вывести что-то самостоятельно – и тем развеять свои неприятные подозрения.

Только романтические чувства, пусть даже и оставленные в прошлом, способны толкнуть девицу – весьма, надо сказать, разумную – на столь неосмотрительный шаг.

– Думаете, что всё же пошла? – чуть сникла Мариэтта.

И правда ведь, корит себя.

– Я почти уверен. Сентиментальность в таких случаях только во вред.

“Надо же, жизнь всё же научила тебя этой простой истине! – Если бы у шинкорна были руки, он сейчас обязательно поаплодировал бы. – А помнится, с Оли ты готов был наломать дров. Я думал тогда, у тебя мозг совсем скис”.

– Это было давно. Ты сам видел, что теперь всё иначе.

“Я рад, что ваша последняя встреча прошла достаточно холодно. Но, боюсь, тебе она рассказала не всё, что могла”.

– Над этим мне ещё стоит подумать. А пока нам надо найти мадемуазель дю Пойр.

Ренельд велел кучеру ехать по указанному секретарём адресу. Этот район Жардина был одним из самых старых. Можно сказать, исторических. Правда, не в самом лучшем смысле этого слова.

Раньше здесь жили большей частью работники стекольной фабрики. Но затем её перенесли за пределы города, в более удобное место к руслу реки и песчаным карьерам. Многие переехали, некоторые лишились работы, потому с тех пор эта часть столицы считалась не самой благополучной. Но и не страшнее некоторых.

Зато здесь всегда можно было посмотреть на образчики старой архитектуры Жардина, жилых домов и фабричных зданий, где теперь зачастую располагались конторы мелких предпринимателей.

“Похоже, этот Рауль был не из самой обеспеченной семьи”, – заметил Лабьет, оглядывая улицу через окно.

– Надеюсь, его родители что-то о нём знают.

“Порой о некоторых отпрысках родители предпочитают вовсе ничего не знать. Так безопаснее”.

Экипаж повернул на очередном ответвлении улицы, и вдруг Лабьет насторожился. Повёл носом по ветру.

“Я что-то чую!”

– Стой! – тут же крикнул Ренельд.

Карета замедлилась настолько неожиданно, что Мариэтта подалась вперёд, едва не клюнув носом. И, чтобы не свалиться с сиденья, опёрлась ладонью на его колено.

– Что случилось? – Она поправила упавшую на глаза вуальку.

– Лабьет что-то почуял. Нужно проверить. – Ренельд осторожно снял ладошку вдовушки со своего бедра, куда та весьма волнующе съехала – да там и осталась.

Мариэтта резко высвободила запястье из его пальцев, как будто это он всё подстроил, и мгновенно придала своему лицу надлежащую невозмутимость. Плеснула даже капельку негодования. Хотя щёки её и полыхали, словно поджаренные солнцем яблоки. Нет, всё же заклятие привязки – весьма забавная штука. Если бы ещё собственное тело не отзывалось на неосознанные призывы вдовушки так остро.

Лабьет первым вылетел из кареты и сразу неспешной рысцой потрусил вдоль почти пустой улицы, вертя головой и обнюхивая всё, что попадалось ему на пути.

“Где-то тут следы недавно использованного заклинания, – пробурчал он рассеянно. – Тёмная аура”.

Ренельд тоже попытался настроиться на считывание следов, хоть взбудораженная Мариэтта то и дело сбивала ему всё чутьё. Она взволнованно дышала, стучала каблукками по мостовой слишком громко да нет-нет и плескала дурманно-пряной аурой во все стороны. Всё-таки напарник из неё неважный – с таким пропустишь всё на свете, если будешь постоянно на неё отвлекаться.

“Там!” – выдохнул Лабьет, припуская быстрее.

И скоро его шипастый хвост мелькнул в одном из переулков и скрылся. Звонко вскрикнула какая-то женщина – и через миг выскочила из полумрака развилки с круглыми от ужаса глазами.

– Там... – пролепетала она. – Страх какой!

Она ткнула пальцем в сторону тенистого прохода между домами.

– Мадам, не волнуйтесь! – Ренельд взмахнул рукой. – Он с нами.

И горожанка лишь глянула им вслед, прижимая к груди набитую чем-то котомку. Ренельд быстро шёл по шлейфу заклинания, который теперь тоже чувствовал гораздо отчётливее – чем ближе они становились к месту, где то и было использовано. Да, Лабьет был прав: тёмная аура в нём преобладала. И, судя по структуре, напоминало оно действие какого-то отравляющего зелья. Только облечённого в слова.

– Мне что-то нехорошо, – вдруг пропыхтела графинюшка и приложила ладонь ко лбу.

Другая бы схватилась за руку спутника, но эта – нет. Верно, и в обморок лучше рухнет, чем обопрётся на мужской локоть. Или тут дело исключительно в том, чей он?

– Это тёмная аура, к тому же призванная сотворить вред кому-то, – пояснил Ренельд. – Очень густой след. Потому ваша светлая аура так остро на неё реагирует.

“Я нашёл её!” – донёсся до разума далёкий оклик Лабьета.

Ренельд повернул в одну из подворотен – очень похожую на ту, где однажды обнаружил магистра Ливра. И первое, что заметил, – разметававшиеся по грязной земле рыжие локоны. Невероятно яркие в этом затхлом полумраке.

– Нет, нет, нет! – зло заголосила Мариэтта, вырываясь вперёд. – Иви!

– Стойте! – Ренельд схватил её поперёк талии, развернул спиной к месту происшествия и прижал к себе, не давая вырваться. – Там может быть ловушка.

Он склонился к плечу вдовушки, чувствуя, как мелко подрагивает её спина. Графиня дёрнулась ещё раз и затихла.

“Отпусти Конфетку! Здесь нет ловушки! – хмуро буркнул шинкорн. – А девушка жива. Ещё. Но времени у нас, кажется, мало”.

Ренельд присел перед Ивлиной на корточки и склонился к её лицу: и правда дышит. Но её кожа отдавала в нехорошую зелень, веки дрожали, а на лбу выступили крупные капли пота. Такой эффект дают некоторые растительные яды.

– Её нужно скорее к врачу! – вновь заговорила Мариэтта. – Я знаю, кто нас примет.

Время терять было совсем нельзя. Ренельд лишь привычным жестом вынул из-за пазухи диск фиксирующего артефакта. Благо сейчас след был очень чётким. Останется только снять его и сличить со структурой ауры подозреваемого. Когда он отыщется, разумеется. А прежде – с аурами тех магов, кто уже бывал под следствием в подобных делах.

Все они хранятся в архиве жандармерии.

Покончив с этой краткой необходимостью, Ренельд поднял мадемуазель дю Пойр на руки и понёс обратно к карете.

“Я ещё осмотрюсь”, – озадаченно буркнул шинкорн, оставаясь в подворотне.

Но скоро и он вернулся, запрыгнул в экипаж и на сей раз улёгся рядом с Ренельдом, потому как сейчас колени Мариэтты были заняты. Она держала на них голову распластавшейся по сиденью Ивлины.

– Трогай! – рявкнул Ренельд.

И кучер, явно сообразив, что дело нешуточное, сразу покати по адресу, который назвала графинюшка.

К счастью, её знакомая – довольно известная в столице Жеана Астер – ещё была в своём кабинете. Появление взбудораженной толпы посетителей с шинкорном во главе навело немало суматохи в её небольшой, но весьма дорого отделанной приёмной. Лекарка оказалась и правда толковой, расторопной и удивительно немногословной – видимо, от сосредоточенности. Она подтвердила, что дело в отравляющем заклинании, такое под силу лишь очень умелым магам – правда, с обращённой во тьму аурой.

– Вот, всё это нужно купить у аптекаря. Здесь недалеко. Там ещё открыто, – чётко пояснила женщина. – Я сделала ей укол универсального нейтрализатора. Этого хватит, чтобы довести её до постели. А дальше – только то, что я написала в рецепте. И полный покой до выздоровления.

Напоследок лекарка всё же покосилась на Ренельда с любопытством во взгляде. Но расспрашивать Мариэтту ни о чём не стала.

До имения Эйль добрались уже поздним вечером. Под конец пути вдовушка даже начала клевать носом, но постоянно спохватывалась и принималась быстро моргать, делая вид, что всё в порядке.

Лабьет же бессовестно дремал, и Ренельду приходилось толкать его в бок, когда он начинал храпеть.

Неизвестно, как экономка мадам Хибуу узнала, что к дому кто-то подъезжает, но уже встречала всех на крыльце. Кто знает, может, стояла тут уже не один час, взволнованная задержкой графини. Такую любовь и преданность хозяйке не каждый раз встретишь.

Сначала она удивилась, когда первым из кареты вышел Ренельд, уставилась на него с настороженной вопросительностью, но не забыла присесть в книксене. Затем она испугалась, когда тот вынес из экипажа Ивлину, которая так пока и не пришла в себя.

– Гнев Первородных! – переполошилась и бросилась навстречу.

– Зовите слуг, – велел Ренельд, уворачиваясь от рук экономки, как будто та хотела забрать у него девушку. – Пусть отнесут мадемуазель дю Пойр в комнату. Ей нужен полный покой.

– Миледи! – воскликнула женщина, когда с ним поравнялась Мариэтта в компании сонно перебирающего лапами Лабьета. – Что случилось?

Графиня только махнула рукой.

– Я всё объясню вам позже. Сейчас Ивлине нужен уход.

Едва только Ренельд ступил в прихожую, к нему подоспел здоровенный слуга – похоже, из охраны дома. Принял у него девушку и легко понёс по лестнице вверх. Экономка суетливо, словно вспугнутая с насеста квочка, поднялась следом, держа в руках рецепт от лекарки и бумажный пакет со всеми необходимыми снадобьями.

– Останетесь на ужин? – Мариэтта повернулась к Ренельду, когда в прихожей стало наконец тихо.

– Думаю, вам сейчас не до ужина в моей компании, миледи, – криво усмехнулся тот. – Мне нужно вернуться в Марбр. Многого обдумать. А завтра я займусь наведением справок об этом Рауле Донжоне. Если он и раньше промышлял скверными делами, то наверняка хоть раз попался. А значит, какое-то досье на него отыщется.

“Рен, ты испугался ужина? Серьёзно?” Лабьет задрал к нему морду.

– Вы уверены? – Графиня скомкала перчатки в кулачке. – У меня есть комната для гостей. Как раз подойдёт вам. Она большая.

По её бледным губам скользнула улыбка. Даже в миг страшной усталости в ней говорило заклятие, заставляя оставить рядом того, с кем её связало.

– Не стоит утруждать слуг. У них и так много хлопот. С вами останется Лабьет.

“Отличное решение, Рен! – фыркнул шинакорн. – К алтарю, думается, тоже я мадам Конфетку поведу? Нет, я не против... Но люди не поймут”.

– На день? – Мариэтта опустила взгляд на исходящего ментальным ядом пса.

– На сколько понадобится.

“Рен. Выясни об этом ублюдке всё, что можешь, – мрачно проворчал шинакорн. – Конфетка под надёжным присмотром”.

– Я знаю.

Глава 3

Нет! К этому совершенно невозможно привыкнуть!

Проснувшись утром, я повернулась на бок – и упёрлась коленями в нечто твёрдое и шевелящееся. Оно вздохнуло, зашуршало, выпутываясь из одеяла, и вся кровать так и задрожала, будто бы в страхе, что сейчас развалится под этой тушей.

Лабьет никак не хотел оставлять меня одну на ночь. И ладно бы спал на полу у постели. Даже обитой дорогим жаккардом кушетки для этого чёрного монстра мне не было бы жаль. Но шинкорн, не принимая ровным счётом никаких возражений, каждый раз просто забирался ко мне в постель. И я опасалась двух вещей: что он меня ненароком раздавит или что столкнёт с края кровати. А она высокая – и падать больно.

– Лабьет! – взмолилась я, ещё не открывая глаз. – Подвинься! Вот же ты морда рогатая!

Я беспощадно толкнула нагретый на солнце бок шинкорна кулаком, на что тот громко чихнул, забрызгав мне руку... я даже думать не хотела чем. Просто вытерла её о покрывало.

Похоже, месье страшно-заботливый дознаватель снова решил надо мной посмеяться. Ну кроме попытки защититься, разумеется. Благо теперь я не видела его во снах: порошок, прописанный Жеаной, оказался весьма действенным.

Но теперь у меня появилась гораздо более весома причина вспомнить о герцоге. Потому что вынести рядом с собой громко сопящую, громящую всё вокруг и опустошающую мясные запасы моего повара тушу один день – это полбеды. Но пошёл второй. И я с содроганием предвкушала, как Лабьет поедет со мной на виноградники. Если он и там будет передвигаться с тем же изяществом, лучше бы мои лозы погибли от болезни!

Просто какой-то таран на четырёх лапах!

– Ну что? – Я наконец открыла глаза – и тут же наткнулась на внимательный взгляд Лабьета. – Мадам Хибоу, горничные и повар ещё не возненавидели тебя окончательно. Так что, думаю, у тебя сегодня будет продуктивный день?

Пёс закатил глаза и уронил голову на перину. Тяжко вздохнул, но при этом тихонько заколотил хвостом по покрывалу. Я села на постели, глядя в залитое солнцем окно, а Лабьет тут же соскочил на пол и умчался через приоткрытую дверь прочь – на прогулку. О том, в какой именно части сада он носится, можно было легко догадаться по шлейфу ругательств, которые извергали обычно тихие и покладистые слуги, что попадались ему на пути.

Но к тому мигу, как я собралась спускаться, Лабьет вернулся – чтобы сопроводить, как и положено строгому охраннику.

И первым делом я вновь зашла к Ивiline. Служанка, что ухаживала за ней, сразу же встала из кресла и поклонилась.

– Как она? – Я подошла ближе к постели аспирантки.

– Всё так же, – с сожалением пожала плечами её сиделка. – Приходит в себя, но ненадолго. Я даю ей все прописанные снадобья, но они не помогают! Ей ни капельки не становится лучше!

Выслушав горничную, Лабьет тихой рысцой – умеет же! – приблизился к постели девушки и осторожно обнюхал её лицо. Посмотрел на меня, затем снова на неё. И его глаза вдруг наполнились сожалением: больше он ничем не мог помочь. Спасибо хотя бы за то, что отыскал Ивину, иначе она так и погибла бы там, в подворотне.

Тех мгновений, когда она приходила в себя или выплывала из наведённого снадобьями сна, не хватало, чтобы хоть о чём-то её расспросить. Да мне и не хотелось мучить девушку лишними разговорами. Похоже, снова придётся вызвать Жеану. Пусть посмотрит! Ведь что-то с Иви по-прежнему не так, раз ей не становится легче. Может, это заклинание имеет столь продолжительное действие?

– Следи, чтобы она хоть что-то ела. И давай побольше питья! – ещё раз предупредила я служанку.

Та рьяно закивала.

– Конечно, ваша светлость!

Но едва я вышла из комнаты Ивлины, как навстречу мне попалась мадам Хибоу.

– Там месье Орм приехал... – проговорила она без особого удовольствия.

Ухаживания управляющего всегда казались ей чем-то для меня уничижительным.

– Я как раз спускаюсь.

Перетт сидел в гостиной, держа на коленях пышный букет люпинов – самых разнообразных оттенков. Похоже, над ними управляющий немало потрудился накануне. Потому как раздобыть их сейчас не так-то просто.

– Доброе утро, месье Орм! – громко поздоровалась я, спускаясь по лестнице. Перетт подскочил на месте, быстрым жестом поправил ворот и пригладил волосы у виска. – Кажется, мы с вами договорились встретиться на винодельне? Что же привело вас сюда?

– Я уже был на винодельне, ваша светлость. – Мужчина повернулся ко мне и протянул руку для традиционного пожатия. – И вот решил заехать. Чтобы встретиться с той девушкой, что сумела побороть ту болезнь. Это просто потрясающе! Я никогда не видел столь сложной работы по нейтрализации заклятий!

В его голосе послышалось неподдельное восхищение – с лёгким придыханием, словно он открывал мне нечто сокровенное. Ну и Перетт! Значит, на сей раз цветы не мне – и это очень хорошо! Жаль только, Ивлины пока не способна оценить его старания.

– Боюсь, пока что это невозможно. На мадемуазель дю Пойр напали позавчера. Отравили как будто растительным ядом. Но в то же время это заклинание с похожим эффектом. Она очень слаба. Почти не приходит в себя. Но как только это случится, я обязательно передам ей, что вы приезжали.

– Растительный яд? – спокойно и заинтересованно переспросил Перетт. – Я могу взглянуть?

Его деловитый тон заставил меня нахмуриться. Сейчас, вообще-то, не время для любопытства!

– С какой целью?

– Знаете... хотя нет. Не знаете – откуда, – управляющий усмехнулся. – В своё время я немало интересовался этими вопросами. Не из желания кого-то отравить, что вы! Просто изучал свойства самых разных растений. В том числе и ядовитых. Создавал противоядия, комбинировал...

Да-да. Все эти процессы были мне прекрасно знакомы. Эдгар тоже любил эксперименты – самого разного рода. А вот Перетт, похоже, свою тягу к комбинациям теперь применял при создании вин.

– Вы считаете, что сможете помочь?

– Я не уверен, конечно. Но хотел бы.

Лабьет, что всё это время стоял чуть позади меня, совершенно невозмутимо обошёл Перетта вокруг, осматривая, принохиваясь и так явственно о чём-то размышляя, что у него даже уши шевелились. Тот безропотно позволил себя осмотреть.

– Это пёс его светлости? – всё же уточнил он, словно у кого-то ещё мог быть ровно такой же пёс.

– Всё верно. – Я улыбнулась. – Похоже, вы показались ему вполне безобидными. Я так думаю. Раз он до сих пор ничего вам не откусил.

Перетт натянуто улыбнулся и с явной опаской покосился на шинакорна, который уселся на ковёр рядом и теперь переводил взгляд с него на меня и обратно.

– Это радует, – мужчина на всякий случай отошёл чуть в сторону.

– Раз так, то пройдёте. – Я махнула рукой в сторону лестницы. – Кто знает, может, вам и правда откроется то, что не заметила Жеана Астер.

Перетт почти на цыпочках вошёл в спальню Ивлины, будто боялся её разбудить. Служанка с недоумением уставилась на меня, затем на него, затем ещё и на Лабьета, который явно собирался очень пристально за всем следить. Прямо дуэнья мохнатая!

И меня снова одолело ощущение, что некоторым образом он всё передаст своему напарнику. Сроду я не видела таких сосредоточенно-вдумчивых псов. Порой даже забываешь, что он не человек.

Почти сразу за нами вошла и мадам Хибоу – с несколькими плошками на подносе, небольшим чайничком и толстостенной кружкой, в которой парил какой-то травяной отвар. Перетт сразу повернул голову в её сторону и принюхался, отчего даже стал слегка похож на Лабьета. И, судя по одобрителю молчанию, ему всё сразу стало понятно. Вот сколько лет знала управляющего, а о подобных его талантах и не подозревала.

– Позвольте? – Он вопросительно взглянул на меня. – Я осмотрю.

И с видом заправского врача сполоснул руки из кувшина для умывания. Прежде заботливо опустив принесённый букет люпинов в вазу.

– Что значит осмотрю! – возмутилась экономка, с грохотом ставя поднос на стол. – С каких это пор месье Орм стал доктором?

– Пока мне достаточно, что месье Орм хорошо разбирается в растениях, – слегка осадил я женщину. – И сможет что-то понять.

Ивлины приоткрыла мутные глаза и облизнула сухие губы. Похоже, она вообще мало понимала, что тут происходит.

– Я ещё не растение, – буркнула она вдруг и нахмурилась, когда Перетт приблизился к ней.

– Ваше сиятельство, – снова предупреждая буркнула Селина. – Какой стыд!

Она страдальчески закатила глаза, а я махнула на неё рукой, веля замолчать. Управляющий осторожно обхватил ладонями лицо Ивлины, приблизился, всматриваясь в глаза. Отвёл от виска волосы, ощупал голову сначала за одним ухом, затем за другим. И спустился ниже.

– Вы где-нибудь чувствуете боль? – тихо спросил у аспирантки, которая настороженно наблюдала за его движениями, но не пыталась противиться.

Может, у неё на это просто не было сил.

– У меня почти всё болит, – просипела она.

– А где-то особенно?

Она покачала головой.

– Простите, мадемуазель. – Перетт осторожно взял её руку и поднял. Провёл ладонью по груди, где обычно находится край ворота платья. А затем ощупал шею.

Мадам Хибоу гневно засопела.

– Ваше сиятельство! – Она подошла ко мне ближе. – Разве это прилично? Неженатый мужчина, не врач – и везде её шупает.

– Не везде, – резковато отозвался Перетт. – Если нужно будет везде, я попрошу вас. Или позовём врача.

– Что вы ищете? – всё же спросила я.

– Действие яда похоже на Лилак Спинум. Лиловая бездна колючка. Весьма ядовитое растение, которое очень тяжело достать. Оно изредка растёт там, где через землю просачивается сила Бездны. Расщелины, разломы в самых старых скалах... – он вдруг осёкся, сосредоточенно свёл брови и протянул руку в сторону. – У вас есть пинцет?

– Пинцет! Быстро! – скомандовала я.

Служанка подобралась, подбежала к небольшому трюмо и уверенно нашла на нём пинцет. Перетт забрал его и, склонившись совсем близко к лицу Ивлины, отвёл рыжие пряди от её шеи.

Аспирантка пискнула и зажмурилась. А через миг Перетт выпрямился, торжественно держа перед собой тонкий, но весьма солидный по размеру шип.

– Вот! – Он протянул его мне. – Как я и говорил. Лилак Спинум. Врач мог распознать симптомы отравления по общему виду и состоянию. Но я так полагаю, что помимо этого был удар заклинанием. Да и вы торопились – и потому на детальный осмотр у неё не было времени.

Да, всё так и было. Мы налетели на Жеану, как сумасшедшие, требуя срочно чем-нибудь помочь Ивлине. Где уж тут ощупывать её в укромных местах!

– Теперь снадобья будут действовать как надо? – уточнила я, приглядываясь к весьма скверной на вид колючке.

– Должны. – Перетт пожал плечами.

Но снадобье выпить Ивлины уже не успела: после почти интимных манипуляций месье Орма она мгновенно уснула. И теперь мне казалось, что ей и правда полегчало.

Лабьет подошёл тоже и страстно обнюхал слегка испачканный в крови шип. Дёрнул ушами, огляделся в комнате и вдруг ринулся к столу. Через миг вернулся, держа в зубах чистый лист бумаги. Мы не сразу поняли, чего он хочет. Но шинакорн указал взглядом на орудие отравления аспирантки, затем настойчиво потряхнул листом.

– Он предлагает его завернуть! – облегчённо воскликнула я. – Да, пожалуй, этот шип нужно показать месье де Ламьеру.

Перетт, который как раз уже складывал из бумаги небольшой конверт, вдруг помрачнел. Глянул на меня искоса, и на его щеках явственно дёрнулись желваки. Вот только ревности его мне не хватало!

Я предложила ему присоединиться ко мне и Оли за завтраком, но он внезапно отказался, сославшись на то, что ещё немного понаблюдает за мадемуазель дю Пойр. Но и сестра, которая ещё гостила в Эйле, не составила мне компанию. Когда я вошла в столовую вместе с Лабьетом, она как раз уходила. Уже собранная для выхода в люди.

– Что у вас там за страсти творятся? – поинтересовалась она. – Ходите толпой.

Шинакорн, обойдя её сбоку, глухо проорчал, будто высказал недовольство. Оли заметно отшатнулась от него.

– Мы пытались спасти Ивлину. Теперь, думаю, всё будет хорошо. Ты куда-то собралась?

Я села на своё место во главе стола и с неудовольствием отметила, что утренняя газета уже чуть помята. Не люблю, когда её читают вперёд меня!

– Да. – Оли натянула перчатку и беспечно махнула рукой. – Я собираюсь в Жардин. Мне нужно заехать в книжную лавку. Торговец обещал раздобыть для меня несколько весьма полезных и довольно редких книг. Нужно подготовиться к осени. Ари вернётся с родителями из путешествия, и мы продолжим занятия.

Что ж, для весьма образованной бывшей магиссы работа гувернанткой в состоятельном доме – не так уж плохо. К тому же, как я успела узнать, в городке Хотпрейр, где она как раз и жила недалеко от дома отца, у неё уже довольно давно есть некая пассия. С довольно славными перспективами для замужества. Впрочем, сестра насчёт своих увлечений всегда была немногословна.

От воспоминаний о её рассказах про месье роковой-мужчина дознавателя у меня сразу испортилось настроение. Только представить, что их связывало! Нет, лучше не представлять: в горле сразу становится мерзко. А треклятое заклятие привязки начинает выжигать мне всё в груди.

– Ты ведь дашь мне экипаж? – больше для вида спросила Оли.

Наверняка уже распорядилась его подавать, сославшись на моё согласие. Я только утвердительно промычала в ответ, читая первую полосу газеты. Оли убежала, а Лабьет, проводив её взглядом, ещё и в окно выглянул: убедиться, что она села в экипаж и уехала со двора.

– Что, к напарнику своему хочешь? – Я покосилась на него и вернулась к чтению. – Знаешь, я тоже этого хочу.

Лабьет уставился на меня, явственно приподняв брови, а затем вдруг разулыбался – именно так я расценила тот миг, когда он вывалил язык из пасти и жарко задышал.

– Не обольщайся, это я про тебя, – пришлось уточнить. Пёс чуть сник. – Что-то не торопится месье дознаватель тебя забирать. Конечно! Я бы на его месте тоже отправила тебя в чужой дом, чтобы там тебя кормили. Одно разорение!

Лабьет тихо обиженно фыркнул. Подбежал, сунул всю свою немаленькую морду в газету, словно что-то мог там разобрать. Его нос оставил на бумаге влажное пятно.

– Вот и везде тебе нужно влезть! – Я увернулась от его настойчивых поползновений. Но когда посмотрела на тот заголовок, куда тыкался шинакорн, так и осела на стуле.

Ренельд

Прекрасно! Просто прекрасно! Ренельд бросил на стол газету, которую Тибер принёс ему ещё утром, но до которой руки и глаза дошли только к полудню. А вот не зря у помощника был такой загадочный и разгильдяйский вид! Похоже, ознакомиться со свежими новостями он успел раньше. Вот теперь стала предельно понятна эта его фраза:

– Если ещё нужно что-то сделать по расследованию, ваша светлость... Куда-то съездить, то я готов. Вам теперь, наверное, теперь некогда будет этим заниматься.

“Некогда заниматься”! Вот за глумление стоит отправить Тибера в жандармейский архив. Пусть ищет там всё, что сможет, на Рауля Донжона и его знакомых, которые могли бы вывести на его след. Занятие как раз для успокоения нервов и снижения уровня весёлости в крови.

Ренельд снова взял газету в руки и перечитал заголовок.

“Новая страсть герцога Энессийского? Или будущая супруга?”

Возможного преемника короля теперь часто видят вместе с вдовой графа д’Амрана... Пара выказывает крайнюю заинтересованность друг другом... Герцог оказывает графине всяческое содействие... Их видели вместе... Напарник королевского дознавателя явственно выражает самую искреннюю привязанность к молодой вдове”.

И продолжение рассуждений в этом же духе. А ко всему этому прилагался довольно умелый и приятный портрет Ренельда и Мариэтты в зале суда.

Кажется, ничего оскорбительного – автор статьи подбирал самые осторожные выражения да и отобразил в ней, в общем-то, правду. Однако Ренельда всё равно не покидало ощущение, что кто-то потряхнул перед толпой его исподним. А молве только и дай пищу посвежее. Глазом не успеешь моргнуть, как сплетни превратят невинное совместное времяпрепровождение двух взрослых людей в прилюдную интрижку и выражение страсти.

Похоже, репутации почтенной мадам Конфетки грозит если не крах, то весьма болезненное падение. А ведь всё должно было быть представлено самым чинным образом. Официальная помолвка, разосланные на торжество приглашения...

Хотя чему тут удивляться, если с Мариэттой любые планы то и дело летят кувырком. Теперь придётся принимать ещё более быстрые решения. Пока все эти слухи не обрели опасного масштаба.

– Тибер! – рявкнул Ренельд, выходя из кабинета и на ходу накидывая фрак. – Я отлучусь. Ненадолго. На сегодня у меня не запланировано встреч. Так что я по-прежнему жду от тебя самого подробного отчёта о поездке в Стекланный угол.

– Да, я как раз готовлю, – заметно помрачнев, ответил Тибер. – Но скажу сразу: там мне почти ничего не удалось разведать. По тому адресу живёт...

– Всё потом. Когда вернусь.

Конечно, все эти сведения очень важны: если по адресу, где когда-то обитал Рауль Донжон, до сих пор живут его родственники или хотя бы знакомые, то даже самые скудные сведения могут значительно продвинуть поиски.

Сейчас Ренельд собирался навеститься в лавку ювелира Поля Рейона – надо бы уточнить, сумеет ли он изготовить кольцо ещё быстрее указанного в договоре срока. А затем можно отправить главному редактору газеты “Жарди Мето” пылкое послание с предупреждением и рекомендацией спрашивать разрешения, прежде чем публиковать столь провокационные материалы.

Поль Рейон оказался весьма рад видеть Ренельда, проводил на уже знакомый кожаный диван и с интригующим выражением лица скрылся за дверью мастерской.

– Я уже собирался отправлять вам послание, ваша светлость. Завтра, – приглушённо раздался его голос. – Хотел дать кольцу полежать, чтобы свежим взглядом, так сказать, оценить его и, может, отшлифовать линии... Но оно готово.

– Очень быстро. Удивительно, – рассеянно ответил Ренельд, всё пытаясь сфокусировать собственное внимание на какой-то одной мысли.

Либо о расследовании, либо о том, как он в скором времени поедет к Мариэтте с самым официальным предложением. Вывести её в сад, что ли, – во избежание возможных травм?

– Это всё вдохновение! – Мастер вернулся, держа в ладони строгую коробочку.

Протянул её Ренельду и замер в ожидании.

– Вдохновение, говорите. – Тот покачал головой, приподнимая крышечку.

Солидная сумма в чеке, верно, может вдохновить кого угодно.

– Просто... – ювелир слегка замялся, как будто решал, стоит ли об этом говорить. – Я как увидел вашу избранницу... Меня просто оглушило! И невозможно было заставить выйти из-за стола, пока я всё не доделал. Она...

Ренельд поднёс благородно посверкивающее кольцо ближе к глазам.

– Да, она именно такая, – улыбнулся невольно.

И кольцо идеально ей подходило. Простые чёткие линии, тёплый, но не жёлтый оттенок сплава. И лишь сдержанный орнамент охватывал камень, слегка закручиваясь спиралью вокруг него. Свет утопал в глубине сочного рубина и переливался в нём вишнёвыми бликами.

– Вам нравится, ваша светлость? – трепетно уточнил мастер.

– Да, конечно! – Ренельд захлопнул крышечку. – Но прошу вас. О ваших измышлениях насчёт моей “избранницы” не распространяться. Что бы ни писали в газетах.

– Разумеется, ваша светлость! – округлил глаза Поль.

Поездка к ювелиру слегка помогла упорядочить мысли. Что бы ни говорила теперь Мариэтта, как бы ни злилась от новостей, которые наверняка тоже прочитала утром, а обратного пути у них, кажется, нет.

Ренельд вернулся в Марбр и, сжимая в ладони резную коробочку с кольцом, поднялся в свой кабинет. Тибер сидел подозрительно притихший, но, как только увидел его, сразу приподнялся со своего места.

– Ваша светлость... Вас ожидают...

Ренельд огляделся в приёмной: пусто.

– Кто?

– Там. – Помощник ткнул пером в сторону двери. – Очень настойчивая мадемуазель. Она была тут недавно. Оли Паграйс. Сказала, что вы ждёте.

– И ты поверил? – тихо рыкнул Ренельд. – Пожалуйста, в следующий раз применяй голову по назначению! Если дама говорит, что она моя хорошая знакомая, это вообще ничего не значит.

Помощник сник, но спорить не стал. Впрочем, его можно было понять. Оли Паграйс могла кого угодно убедить в чём угодно. А уж тем более – заставить мужчину думать, что он особенный, и это щекотание самолюбия тоже использовать в личных целях. Даже если это не так. Даже если он далеко не первый в её списке предпочтений. И, похоже, лишившись магии, она развила в себе это умение до совершенно нового уровня.

Оли и правда была внутри. Стояла у окна и смотрела вниз, где по двору в жарком мареве сонно прохаживались придворные и гости Марбра.

– Добрый день, мадемуазель Паграйс. – Ренельд прошёл к несгораемому шкафу и, набрав на магически защищённом замке код, убрал в него кольцо.

Так безопаснее.

– “Мадемуазель Паграйс”, – хмыкнула Оли. – Знаешь, а я готова поверить в то, что ты низвёл меня до уровня дальней знакомой.

– Так и есть. Мы не виделись несколько лет.

– Это верно. Но я поняла... после нашей недавней встречи, – она слегка повернула голову, отчего свет ясно очертил её профиль, – поняла, что снова не могу выбросить тебя из мыслей.

Ренельд, обходя стол, остановился, прислушиваясь к звучанию её слов. Тон спокойный. Без надрыва и подступающей истерики – некоторые дамы порой любят давить именно на это. Чтобы мужчина сразу впал в растерянность. В её голосе не было даже капли мольбы – словно она просто высказала сложившийся факт.

– Убедить себя можно в чём угодно... – ответил он, передумав садиться в кресло. – Если очень хочется.

Оли криво улыбнулась и подошла чуть ближе, но остановилась, разглядывая его издалека.

– Это ты про себя говоришь? – Она дёрнула бровью. – Мариэтта... Зачем ты связался со вдовой? Да ещё и собираешься на ней жениться. Даже купил кольцо – ведь в той коробочке кольцо для неё, верно? Ты можешь поманить любую магиссу пальцем, и она бросит всё, чтобы только встать рядом с тобой. Ну или лечь – кому что больше нравится.

– О, неужели ты считаешь, что все рассуждают так же, как ты? – Ренельд чуть наклонился вперёд. – Тебя тоже поманили пальцем, когда ты решила, что рядом с принцем теплее, чем рядом со мной? Что тебя вообще ещё держало в наших отношениях, когда ты вовсю крутила роман с Лорреном?

– Мы всё выяснили. – Оли пожала плечами. – Да, я оказалась в трудном положении. И не могла понять, что чувствую на самом деле.

– Ты не могла понять, что лучше: стать возможной женой маркиза или любовницей принца? И правда, тяжёлый выбор!

– Любовницей... – хмыкнула девушка.

– А кем же ещё? – Ренельд развёл руками. – Или ты думала, что Лоррен женится на тебе? На девушке, которая не имеет достаточно высокого титула, чтобы претендовать на это?

– Он поддержал меня, когда я лишилась магии! – повысила голос Оли. – В отличие от тебя!

– Да! Потому что ты бросилась искать утешения у него. А меня обвинила в том, что я просто таков, каким родился. Не с твоей ли руки по Санктуру пошли именно эти слухи?

– Сколько раз повторять! Я не имею к этому отношения! Тем более, если бы я начала пускать, как ты выразился, слухи, твой отец стёр бы меня в порошок.

– У тебя был неплохой защитник, – прервал её Ренельд. – Но Лоррен погиб. Наверное, тебе очень жаль.

Он усмехнулся, чувствуя, как неохотно внутри стихает волна гнева. Проклятье! Зачем она снова явилась и начала всё это ворошить? Казалось бы, давно уже прошло, а сейчас вся эта смесь чувств, ярких и отравляющих одновременно, вновь всколыхнулась в памяти, будто всё случилось вчера.

Наверное, он до сих пор многое не мог понять. Отследить тот момент, когда всё свернуло не туда.

– А тебе? Хоть немного было жаль, что всё так закончилось? – Оли всё продолжала рас-
паляться. Как будто воспоминания до сих пор задевали и её тоже. – Может, прояви ты чуть
больше участия...

– Я не хотел того, что ты затеяла. И предупреждал тебя, что с тёмной аурой шутки плохи, особенно при ограниченном резерве светлой энергии. Я сам толком не умел управлять потоками... – Ренельд усилием заставил себя прерваться. – Зачем мы вообще снова об этом говорим? Что ещё ты не выяснила тогда? Я только отчасти виноват в том, что случилось. Виноват в том, что не был достаточно настойчив, чтобы тебя переубедить.

– Ты виноват в том, что я любила тебя слишком сильно, чтобы остановиться. Не попытаться изменить баланс твоей ауры. Ведь так тебе было бы лучше... – Оли всё же потупилась. Подошла к столу и налила себе воды в стакан.

Выпила резким движением и замерла, почти касаясь локтем руки Ренельда.

– Это ты так решила, что мне будет лучше. Но поверь, что и с тёмной аурой я живу неплохо. И нашёл себя.

– Да? – Оли посмотрела на него искоса. – Если бы ты оставил прошлое за спиной, то не решил бы жениться на Мари. Разве не потому ты с ней, что она напоминает меня?

Было бы обманом не признавать, что поначалу Мариэта и правда напоминала Ренельду её сестру. Он много раз ловил себя на этой мысли, на ощущении дежавю – в отдельных жестах графини, словах, наклоне головы или тому, как она улыбается. Но со временем это прошло.

– Вы совсем разные.

– Ты так хорошо успел её узнать? Вы знакомы меньше месяца! – воскликнула Оли. – Она стала женой графа д'Амрана. Как? А теперь... у неё есть всё. Она словно я несколько лет назад – идёт той дорогой, которую избрала, и не видит препятствий. Как будто движется по моему списку стремлений. Она даже с тобой встретилась. И сумела то, что не смогли многие другие женщины.

Оли осторожно провела ладонью по предплечью Ренельда вверх, на грудь, и остановилась, юркнув кончиками пальцев под ворот жилета. Её плавные движения даже как-то заворачивали, заставляя ожидать, что будет дальше, как далеко она решит зайти.

Да, Оли – это не Мари, которая пугается собственных порывов, чувств и эмоций, каждый раз выпуская колючки в тот миг, когда перестаёт себя понимать. Оли осознаёт, что делает, и её желания ясно написаны на лице.

– Ты ничего не знаешь. И лучше тебе в это не влезать, если ты и правда просто проходила мимо. Просто приезжала в гости к сестре. И просто останавливалась у неё на пару дней. Та часть жизни, что нас связывала, давно прошла. Теперь ты просто сестра той, кого я хочу защитить.

– Я не могу это принять. Иначе не была бы здесь.

Ренельд прислушался к шагам и приглушённым голосам, что раздались за дверью. Повернул к ней голову – и упустил тот миг, когда Оли потянулась вверх и прижалась губами к его губам. Поймала его лицо в ладони, и на какое-то мгновение в голове ударило вспышкой разом возникших перед внутренним взором эпизодов. Самых разных – связанных с ней. Удивительно, как память может бережно хранить всё это, чтобы подбросить в нужный миг.

Ренельд поймал запястья Оли и толкнул, пытаясь отстраниться, но она изогнулась, прижимаясь лишь теснее, – всего одна короткая заминка перед тем, как оторвать её от себя. Лишний вдох.

– Ваша светлость, – проскрежетал войт на столе. – К вам...

Дверь едва не грохнула, отворившись так резко, что по кабинету пронёсся сквозняк.

– Я сам доложу, – хриплый голос Ксавье ударил в спину.

Поцелуй уже прервался, оставив на губах лёгкую горечь дыхания Оли. Прогорклый привкус давно отжившего своё прошлого. Девушка теперь стояла в стороне, и мало кто мог бы сказать, что ещё мгновение назад она была к Ренельду так вопиюще близко.

– Знаешь, а заставить тебя в провокационных ситуациях с женщинами становится моей привычкой. – Похоже, Ксавье всё же успел что-то увидеть. – Однако, если вспомнить, что ты уже сделал предложение другой – моей! – женщине, всё это выглядит весьма паршиво.

По кабинету поплыл резковатый хмельной душок.

– Разгар дня, а ты напился? – Ренельд подошёл к брату, приглядываясь и пытаясь понять, насколько всё серьёзно.

– Что ты! – Тот вытаращил глаза. – Это я ещё не протрезвел.

– Так пойдёшь и проспай, пока спьяну не увидишь здесь того, чего нет. – Ренельд попытался подхватить его под локоть, но тот вырывался. – Зачем ты вообще пришёл в таком состоянии?

В конце концов, боевые маги под хмелем могут быть опасны не только для окружающих, но и для самих себя. Но беспокоило ещё и не это. А то, что Ксавье вообще столько выпил: он никогда не славился тягой к хмельному. Сейчас же он выглядел так, словно не отрывался от бутылки уже несколько дней кряду.

– Я в отличном состоянии! Как раз для разговора с тобой обо всём, что ты сделал. И, кажется, ещё собираешься сделать!

Ксавье обогнул его по неверной дуге. Окинул притихшую Оли подозрительным взглядом. Та всем своим видом теперь выражала чистейшую невинность.

– Я не собираюсь разговаривать с тобой, пока ты пьян, – уточнил Ренельд.

– А придётся!

Братец повернулся к нему и с короткого замаха неожиданно ударил. Но хмель давал о себе знать. Движение вышло не слишком точным и быстрым. Ренельд успел отклонить его кулак, качнулся назад, усилием сдерживая напор разозлённого боевика.

Оли тихо взвизгнула и бросилась прочь. Но она никогда не была пугливой – значит, просто хочет сбежать.

Ренельд оттолкнул Ксавье, собираясь догнать её, остановить и хотя бы попытаться убедить ничего не говорить Мариэтте о том, что здесь произошло. Но брат схватил его за плечо, и Оли скрылась за дверью.

Ксавье рванул Ренельда назад. Угрожающе затрещала одежда. Тёмная аура вскинулась опасным всплеском, в глазах потемнело от гнева и какого-то бессилия. Ведь Ксавье сейчас сложно что-то втолковать. Он ничего не поймёт, не захочет – просто потому, что упивается своей горечью и злостью.

Ещё один удар кулака, уже более точный, метнулся в лицо. Усиленное магией сокрушительное движение размылось – кажется, от него не уйти.

Успев высвободиться из захвата, Ренельд шагнул вбок – касание вышло вскользь. Но вслед за ним плашмя сразу на всё тело обрушилась упругая воздушная волна, вынуждая сделать шаг назад. Со стола слетели все бумаги, тяжёлое кресло качнулось, но устояло.

– Стой! – Ренельд выставил вперёд руку.

Ещё не хватало разнести на камни эту часть Марбра. Король будет в бешенстве и расколется на черепки головы виновникам веселья.

Пытаясь найти равновесие, Ренельд ухватился за выступ под окном. И тут в кабинет заглянул Тибер. Быстрым взглядом окинул разруху кругом.

– Ваша светлость! – шагнул было дальше, но привлёк к себе внимание Ксавье.

Ещё один умелый магический удар – и дверь, захлопываясь, отшвырнула помощника назад. Он взмахнул руками – створка с огромной силой ударила ему по предплечью. Тибер взвыл и слепо отшатнулся обратно в приёмную.

– Не вмешивайся! – бросил ему вдогонку Ренельд.

Проклятье! Придётся обеспечить ему хорошего лекаря. Самого лучшего. Рука, возможно, сломана.

Но заминки хватило, чтобы перевести дух после промявшей грудную клетку – так показалось! – магической атаки.

И когда Ксавье вновь повернулся к Ренельду, тот уже был готов.

– Успокойся, – предупредил он.

Но братец ударил вновь – ещё более яростно. Туго сбитые воздушные вихри видимыми сгустками бросились вперёд. При удачном попадании противник будет оглушён надолго. Если вообще останется цел.

Но вихри замедлились: Ренельд поднял руку, выпуская перед собой плотный щит тёмной энергии. Созданные заклинанием снаряды ослабли и растворились в нейтрализующем потоке. И это, похоже, привело Ксавье в крайнее бешенство.

И он ударил огнём.

Это самый последний приём, потому как выжигает всё. Порой в золу – зависит от силы мага. А брат был очень силён. Таких во время сражений противники пытаются убить первыми. Так и случилось когда-то с принцем Лорреном. Слишком мощной была атака, что обрушилась на тот корабль, где он был. Многих тел не нашли.

А сейчас в глазах Ксавье стояла совершенно бездумная ярость. Ренельд не стал больше щадить его. Шагнул навстречу, поднимая обе руки к груди, и резко выдвинул перед собой раскрытые ладони. Голубоватое пламя разлетелось на рваные всполохи. Пришлось ловить их в поглощающий кокон, чтобы не подожгли обшитые деревом стены кабинета. Ренельд сжал кулак, и повисшие в воздухе языки огня погасли.

– Выродок, – процедил Ксавье.

Но он сейчас не владел собой – лучше пропустить это слово мимо ушей. Ещё один сумеречный виток выпущенной на волю, словно плетью, магии – и Ксавье покачнулся, охваченный заклинанием поглощения. Его ошетилившаяся сотнями невидимых горячих клинков аура начала сжиматься, гаснуть и холодеть, пронзённая жгутами противоположной – тёмной – силы.

– Проспись, – уронил Ренельд.

И мгновенно потерявший силы брат кулём свалился на пол.

Стало тихо. Руки подрагивали от усилия не допустить разрушительного всплеска тёмной энергии, что так и рвалась наружу. Но обучение в Санктуре, как ни крути, прошло не зря. За это время удалось научиться не применять её во вред. Для обороны она тоже подходила неплохо – нейтрализовала заклинания, рождённые светлыми аурами. Хотя сейчас Ксавье был на грани. Ещё немного – и тёмная часть его магической сущности взяла бы верх.

Ренельд быстрым шагом подошёл к несгораемому шкафу и вынул оттуда коробочку с кольцом. Едва оглядев одежду и убедившись, что она не порвана и не испачкана, вышел в приёмную.

Тибер сидел на своём месте, нахохлившись, и держался за ушибленную руку, но не уходил.

– Цела? – уточнил Ренельд.

– Вроде, – буркнул помощник. – Где его сиятельство?

– Его сиятельство временно не сияет. Будет спать довольно долго. Позови слуг или стражу, пусть отнесут Ксавье в его комнату и не выпускают, пока я не вернусь.

– Хорошо, – сердито проворчал Тибер.

– Сам иди к лекарю. Мало ли.

Ренельд сам велел подавать ему экипаж. Видок у него сейчас, конечно, потрепанный и даже взмыленный. Оли уже отбыла в Эйл, а значит, успеет поговорить с Мари. Что расскажет? Вот бы знать точно. Но вдовушка вспыльчива, а от заклятия привязки особенно восприимчива к неверности того, к кому её влечёт. Как бы не вышло беды. И как бы всё это не рухнуло в пропасть, из которой уже не выберется.

С мадам Конфеткой ни в чём нельзя быть уверенным, но это будоражит настолько, что хочется сбиться на бег, чтобы успеть. Увидеть её, объясниться наконец и разрешить эту двусмысленную, выводящую из себя ситуацию.

Уже сидя в карете, покачиваясь на неровностях дороги, Ренельд не раз доставал из внутреннего кармана фрака коробочку, открывал и смотрел на переливы гранатовых бликов внутри рубина.

Откуда это страшное волнение? Или даже страх – что откажет. Какое-то безумие! Ведь он совсем этого не хотел: ни женитьбы, ни вдовушки, ни вечерних поездок за город, чтобы, как распоследний влюблённый, преподнести избраннице кольцо.

Но необъяснимая тревога только нарастала вместе с тем, как Ренельд ближе подъезжал к имению Эйл. От поцелуя Оли осталась только злость – и жгучая горечь оттого, что это недоразумение может всё испортить.

Глава 4

Ренельд

До дверей имения добраться не удалось. Ренельд вышел из экипажа у крыльца и сразу попал под наблюдение вездесущей мадам Хибоу. Она дежурно улыбнулась, однако уже с большей приветливостью, чем раньше. И даже, можно сказать, с лёгкой хитринкой, что залегла в неглубоких ямочках на её щеках. Что-то знает, если не всё. Что ж, женщина она образованная, газеты читать умеет. Главное – охрану вызвать не грозит. Это обнадеживает.

Но не успела ещё мадам Хибоу и слова сказать, как их обоих сразу насторожил приглушённый шум. Вволнованные женские голоса, перекликаясь, становились то громче, то тише. Проклятье, неужели Мари так разгневана тем, что рассказала ей Оли? Вот прямо настолько, чтобы до ссоры, неприятия, отрицания – или что там сейчас обуревало её обострённые заклинием чувства.

– Ваша светлость... – начала было экономка озадаченно. – Пройдёте?

Она махнула рукой на приоткрытую дверь. То ли не хотела, чтобы он слышал склоку, то ли, напротив, сомневалась, а не стоит ли ему вмешаться.

– Что там происходит? – Ренельд качнул головой в ту сторону, где из сада доносились совсем не мирные звуки.

– Приехала мадам д'Амран. А чуть раньше её сестра... Они пошли прогуляться.

– Я посмотрю, если позволите.

Ренельд кивнул заметно взволнованной экономке, и та не стала его останавливать.

“Стер-рва!” – скоро донеслось до разума знакомое ворчание.

И Ренельд прибавил шаг, высматривая среди густых мандариновых зарослей беседку, скамейку или хоть какое-то укрытие, откуда доносился этот вороний гвалт. Полнейшая неразбериха из рычания Лабьета и возмущённого клёкота женщин.

– Пусти! – всхлипнула Оли. Точно она.

– Лабьет! – угрожающе низко рявкнула Мари, как истинная хозяйка дома, которая не допустит на своей территории никакого беспорядка. – Что с тобой? Отойди! Кыш, ну?

“Кому это “кыш”?” Эх, Конфетонька, жаль, что ты меня не слышишь, – мученически вздохнул шинакорн. – Как же сложно-то! Эй! Ну не сумочкой же! Конфета! Цыц! У тебя там что, камни?!”

Лабьет чёрной машиной, спешно перебирая лапами, вывалился на тропу прямо перед Ренельдом. Едва не снёс того с ног, но вовремя остановился, гневно дыша и явственно хмурясь. По-своему, по-шинакорьи.

“Рен! Проклятье, Рен! Ты здесь! – Лабьет бросился к нему, но уже аккуратнее. Боднул толстенным лбом в живот. – Забери меня отсюда!”

– Ты же сказал, что я буду плакать и просить тебя вернуться. – Ренельд сложил руки на груди, нарочно не утешая пса. Ещё прислушиваясь к тихим причитаниям женщин где-то за стеной из стриженного в форме шаров кустарника.

“А ты не за этим приехал? – озадачился Лабьет. – Постой... Уж не в связи ли с тем бредом, что несла Оли только что? Все уши мадам Конфетке изъездила”.

Кто бы сомневался, что так будет. Наверное, ещё и поджидала её прямо у крыльца, чтобы сразу выложить всё, что случилось.

– Бредом?

“Ну да... – Шинакорн шлёпнулся задом в траву, опасливо поглядывая в ту сторону, откуда прибежал. – Что-то про неутраченные чувства. “Я запуталась, не могу забыть. Хотела поговорить с ним...” И про поцелуй тоже было. Скажи, что это неправда!”

– Это правда. Про поцелуй. Про остальное – лирические измышления самой Оли.

“Что?! – шинакорн подскочил. – Ты в своём уме?”

Лабьет страдальчески зарычал и, если бы был человеком, наверняка шлёпнул бы себя ладонью по лбу.

Ренельд направился дальше, собираясь вмешаться, пока сестра Мари не развела страшную драму вокруг дневного происшествия. За поворотом тропы и правда стояла хитро выкопанная скамья, на которой валялись зонтик от солнца и ридикюль Мари. А ещё бумажный свёрток, похоже, с несколькими книгами внутри.

Оли стояла спиной к Ренельду, а плотный подол её платья зиял здоровенной дырой. Через неё было бы видно довольно многое, если бы она не была заслонена головой Мариэтты, что склонилась над пострадавшими тылами сестры.

– Больно? – участливо спросила она графиня. – И чего он на тебя кинулся?

– Потому что он бешеное исчадие Бездны! – чуть плаксиво ответила Оли. – И только прикидывается милым пёсиком.

“Сама ты исчадие, – обидчиво буркнул шинкорн, следуя за Ренельдом. – Это она ещё мало получила. Хотя твои штаны, Рен, тоже напрашиваются на пару дыр”.

Графиня вздрогнула, услышав шаги. Выпрямилась, а Оли, подхватив обрывки ткани, прикрылась ими, как могла. Однако Лабьет неплохо потрудился! Теперь придётся потрудиться швее, что будет латать это платье. Вот только пострадавшую от нападения шинакорна гордость Оли залатать было некому.

– Ваша светлость, – сдержанно кивнула вдовушка. – Позвольте узнать, что вы здесь делаете? Прибежали защитить своего озверевшего напарника? Знаете, я думала, что вы оба благоразумнее. Оба. Хотя и сомневалась в этом.

– Ренельд... – чуть испуганно и как будто даже смущённо вздохнула Оли.

И по её многозначительному виду Мариэтта могла бы додумать много лишнего. Если бы смотрела на сестру, а не на Ренельда – в упор, совершенно уничтожающе. Её аура обтекала его обжигающими потоками, словно решала, какую часть тела прижечь первой.

– Добрый вечер, дамы, – чуть резковато ответил тот. – Думаю, я имею право на невинный визит в этот дом. В связи с некоторыми обстоятельствами.

Мариэтта горько усмехнулась, а Оли приподняла бровь, явно недоумевая, откуда в нём взялась такая холодная уверенность. Но сейчас он не намерен был давать ей возможность перетянуть инициативу на себя. С Оли они поговорили достаточно, им больше нечего было решать, всё ясно. А вот с вдовушкой – не помешает.

– Не столь невинные встречи для вас на сегодня закончены, я так полагаю? – Можно было поклясться, что от тона вдовушки прихватило морозом листья на ближайших кустах.

– Я хотел бы с вами поговорить. – Ренельд подошёл ещё чуть ближе, явственно ощущая твёрдость коробочки с кольцом, что острым углом вжималась в грудь. – Без посторонних.

Он красноречиво посмотрел на Оли, и та сжала зубы.

– Посторонних?! – Мариэтта вскинула брови. – Правда? У вас очень странные представления о...

– Прощу вас. Мадемуазель Паграйс. Оставьте нас.

Оли громко фыркнула и прошла прочь, стараясь ещё сохранить достоинство при том, что при каждом шаге через прореху на её юбке мелькал кусочек нижнего белья.

“У Конфетки ножки лучше, – заметил шинакорн, провожая её взглядом.

– Я не хочу с вами разговаривать, – проговорила Мариэтта, когда её сестра удалилась. – Но вас это не интересует, наверное.

Она отвернулась, явно стараясь скрыть то разочарование, что сейчас всё отчётливее проступало на её личике.

– Я просто хочу, чтобы вы выслушали и меня тоже. Вам не кажется, что это было бы справедливо?

– Справедливо?! – повысила голос Мариэтта. – Справедливо называть меня своей невестой, пускать слух в газету о... нас с вами. А потом целовать мою сестру в своём кабинете, потому что между вами “что-то ещё осталось”? – она вдруг резко смолкла, хмуро оглядывая Ренельда. – Почему вы вообще в таком виде? У вас платок съехал. И вот тут порвано.

Вдовушка махнула сумочкой так резко, что показалось, будто сейчас бросит её ему в голову.

– Вселенская справедливость меня потрепала, – Ренельд усмехнулся. – Поможете?

Он поддел распущенный конец шейного платка.

“Это нечестно, Рен. Запрещённый приём! – напомнил Лабьет. Впрочем, весьма довольным тоном. – Ты знаешь вообще, как ей сейчас хочется тебя коснуться?”

Ренельд на это надеялся. Но вдовушка явно не была намерена оправдывать хоть какие-то его надежды.

– Справитесь сами! – Она вскинула подбородок. – А лучше уезжайте! И напарника своего, вредителя, заберите! Он едва не покусал Оли!

“Жаль, что я её не покусал! – мстительно воскликнул тот. – В этих толстых юбках зубы вязнут. И от них привкус во рту потом противный!”

– Дело ваше, конечно. – Ренельд пожал плечами. – Но если вы меня не выслушаете, мне придётся вас похитить. Знаете, в некоторых странах есть такой обычай... Невесту на плечо – и в горы.

– У вас в предках есть горцы? – Мариэтта скривила губы, критически оглядывая Ренельда. – Надеюсь, песни петь не будете, как они? Мне кажется, у вас плохой слух. Или очень удобная патология – называется «избирательная глухота».

“О! – радостно поддакнул Лабьет. – Я уже который год бьюсь над твоим диагнозом, Рен. А мадам Конфетка раскусила тебя быстрее”.

Ренельд усмехнулся, покачав головой. Кто бы говорил! Да вдовушка сама порой слышит только себя – когда ей это удобно, когда не хочет принимать очевидное. Но сейчас она хотя бы перестала его прогонять, а острое негодование в её медовых глазах сменилось раздражённой заинтересованностью: и хочется спросить, и гордость не позволяет.

– Обещаю выслушать всё, что вы пожелаете сказать мне в ответ. Но после того, как выслушаете меня.

Мариэтта оглянулась в сторону дома, хмурясь и покусывая губу. А затем вдруг протянула ему руку. Какие у неё всё же маленькие изящные ладошки, особенно в тонких атласных перчатках. Как она вообще этими ручками ворочает такие дела, и притом ещё осталась в здравом уме?

– Хорошо, – запальчиво проговорила графиня, чуть подавшись вперёд. – Всё до последнего слова. Даже бранного.

– Вы не бранитесь, – недоверчиво сощурился Ренельд, едва удерживаясь, чтобы немедленно не схватить её ладонь в свою.

– О-о, вы плохо меня знаете, ваша светлость!

“Да, Рен, ты плохо её знаешь, – лениво подтвердил Лабьет, слегка толкая Ренельда боком. – Когда я уронил на неё ширму, она выдала мне часть своего тайного лексикона”.

– По рукам! – Тот пожал руку вдовушки – как мог, осторожно. – Постараюсь не упасть в обморок.

Они ещё некоторое время мерились взглядами, не отпуская друг друга. А затем Мариэтта всё же выдернула свою руку из пальцев Ренельда и пошла дальше по тропинке вглубь сада.

“Ну, не стой столбом, Рен!” – Лабьет, едва не пританцовывая, отправился за ней.

Вот же мохнатый перебежчик! И бабник, каких поискать. Ещё пару минут назад ругал Мариэтту и просился домой, а теперь вновь готов слюнявить ей руку.

Скоро они вышли к террасе, что примыкала к западной части солидного графского дома. Этой короткой прогулкой Мариэтта явно хотела дать себе время обдумать всё, что услышала, и, может, чуть успокоиться.

Она расположилась в высоком плетёном кресле, вытянула ноги так, что они чуть показались из-под подола. Пока Ренельд поднимался по ступеням за ней, вдовушка сбросила запылённые туфли и, склонившись, легонько размяла лодыжку. Зрелище вышло каким-то удивительно интригующим.

Лабьет покрутился у её ног и лёг рядом, позволив графине упереться ступнями в его бок.

– И давно вы практикуете такие нежности? – озираясь на террасе, поинтересовался у него Ренельд.

“С сегодняшнего дня, – буркнул тот. – Вообще, мы и правда зверски устали, пока обошли все эти виноградники. Её управляющий, этот месье Орм, чокнутый! Кажется, он каждой лозе дал отдельное имя, поглотил меня пламя Бездны, если я вру! Впрочем, я могу уступить место тебе. Будешь смотреться экзотично”.

– Не стоит.

Ренельд опустил в соседнее кресло – весьма, надо сказать, удобное. Вид с террасы открывался приятный: густая зелень, над кронами мандаринов – полоса неба, уже едва заметно тронутого вечерней медью.

– Ну, можете начинать свой душещипательный рассказ о том, как вас охмурила девушка, которая даже магией не владеет. – Мариэтта сняла перчатки. – Жаклин, принеси нам чай, будь добра!

Бесшумно вышедшая на террасу девушка присела в книксене и тут же удалилась.

– Никакого душещипательного рассказа не будет. – Ренельд посмотрел в сад. – Потому что я не собираюсь оправдываться. В какой-то миг я и правда засомневался, что всё осталось в прошлом. И поддался на её провокацию.

– Ну так, может, оно и не осталось? В прошлом.

Мариэтта до сих пор явственно злилась. Хмурилась так сосредоточенно и всеми силами старалась не смотреть на собеседника. Возможно, дело в заклятии. Иначе она реагировала бы не так остро.

– Теперь я в этом уверен. Хоть несколько лет после того, как мы расстались, я не знал точно. Предпочитал об этом не думать.

– Так что же между вами было? – Вдовушка кивнула служанке, когда та поставила на столик между креслами поднос с чайной посудой, а затем разлила ароматный напиток по чашкам.

– Всё довольно просто и сложно одновременно. Я считал, что влюблён и что это взаимно. А Оли выбирала, кого она любит больше: меня или принца Лоррена Таури. Он тоже учился в Санктуре как раз в то время. Только старше меня на два курса.

Мариэтта, кажется, едва не поперхнулась чаем.

– Принца?! – едва выдавила, отдышавшись.

“Да, у Оли были масштабные планы по завоеванию огромных территорий его постели”, – ядовито процедил Лабьет, не открывая глаз, по-прежнему позволяя вдовушке использовать себя вместо пуфика. Поразительная покладистость!

– Представьте себе. Думаю, в какой-то момент она просто захотела, чтобы я был наглядным пособием для её изучения взаимодействия тёмной и светлой части аур. Потому ещё сохраняла наши отношения.

– А вы прямо жертва!

– Я не жертва. Я идиот.

– Самокритично, – с лёгким удовлетворением хмыкнула графиня.

“У него бывает, – зевнул Лабьет. – Жаль, что слишком редко”.

– Я должен был понять раньше, – продолжил Ренельд, игнорируя замечание шинакорна. – Но не понял. И позволил Оли провести один эксперимент, чтобы опробовать её наработки по заклинаниям смещения и компенсации аур. И некоторых артефактов.

– Тогда её аура разрушилась? – голос Мариэтты чуть сел.

– Да. Всё пришлось замять. Вмешался отец: он очень рьяно охранял мои особенности. Может, даже строже меня самого. Но это не отменяет того, что я разрушил ауру Оли. Не смог сдержаться. – Ренельд помолчал, прислушиваясь к тому, как вдовушка сердито дышит.

– И сегодня не смогли.

– Этого больше не повторится. Оли больше не удастся надавить на воспоминания, что нас связывали. Возможно, для неё это только самообман. В худшем случае – желание не допустить нашего с вами союза.

– Вы что же, хотите её обвинить? – Мариэтта хлопнула ладонью по подлокотнику.

– У меня такая работа. Искать виновных. Если вы забыли!

– На себя в зеркало не пытались смотреть? – ещё больше взвинтилась вдовушка.

– А я не отрицаю своей вины и попустительства. Поверьте, на наш с вами договор это никак не повлияет!

– Раз так! Раз договор... – Графиня пару раз гневно вдохнула и выдохнула. – Надеюсь, впредь своих любовниц вы будете прятать лучше...

– Каких любовниц? – на миг Ренельд даже растерялся.

“Каких любовниц? – взбодрился Лабьет. – Все любовницы будут лично мной спущены с лестницы!”

– Тех, что у вас обязательно будут, если мы всё же заключим этот... союз. Знаете, в таком случае мне не хотелось бы выглядеть дурой с вот такими рогами. – Вдовушка показала взмахом рук.

– Давайте вопрос наличия у меня любовниц или у вас любовников мы обсудим после? – едва удалось удержаться от лишней резкости.

– Это я с вами вообще не собираюсь обсуждать! Мне достаточно того, что я уже знаю.

Проклятье Первородных! Да как с ней вообще разговаривать?! Проще поступить так, как поступил бы Лабьет, – дать ей хорошего шлепка по мягкому месту.

Ренельд даже встал с кресла. А раз встал, нужно что-то делать.

– Что ж, раз вы всё знаете... – Он достал из-за пазухи треклятую коробочку, которая едва не промяла ему грудь за это время. – Вы станете моей женой?

Остановился перед Мариэттой и поднял резную крышечку.

Мариэтта

Гнев Первородных, он даже кольцо принёс! Месье я-глыба-льда дознаватель – и кольцо. Замечательное такое – и не поспоришь. С драгоценными камнями вообще сложно спорить. Особенно с их непререкаемым обаянием. Я смотрела на этот потрясающе красивый перстень, и у меня в голове что-то медленно щёлкало. Наверное, счётчик суммы, которую выложил Ренельд де Ламьер за эту демонстрацию своей подавляющей милости.

Нет, в наличии вкуса и проницательности герцогу не откажешь: если бы я сама заказывала для себя кольцо, оно было бы примерно таким же. Знал, на что давить, гад такой! Самоуверенный, грубый деспот! Ещё и стоит так близко, что хочется перелезть через спинку кресла и постыдно сбежать подальше... Нет, не от него, а от собственных желаний, что постепенно перекрывали даже гнев от его слов. От леденящего расчёта в каждом из них.

Но я наконец медленно вздохнула, стараясь сохранить невозмутимость, а затем подняла взгляд на замершего надо мной в ожидании герцога.

– Я так полагаю, что вы спросили для вида. И мне всё равно придётся его принять? – спросила вполне ровно.

Ренельд приподнял брови, словно вообще не такого ответа ожидал.

– А вам не нравится? Я могу заказать другое. По вашему эскизу и каждому пожеланию, что вы выскажете.

Нет, он что, серьёзно?! И, главное, каким же спокойным тоном это сказал – как будто обсудил фасон жилета под фрак в мастерской. Надо бы у него поучиться самообладанию. Но вот истинные чувства герцога вполне можно было считать по тому, как его глаза потемнели до черноты малахитового узора.

– Мне всё равно. Если у меня нет выбора, то и это сгодится.

Я встала и накрыла ладонью руку Ренельда, в которой он держал коробочку. Сжала её, захлопывая крышку, и у герцога дернулся глаз, когда та прищемила ему палец. А пружинка в ней на совесть! Просто чудесно!

– И что же? Вы даже не скажете “да”, как это положено женщинам, которые получают предложение о замужестве? – процедил он, высвобождаясь из маленького капкана и оставляя кольцо в моей руке. Кожу так и прострелило тёплым покалыванием от скользящего соприкосновения с его – горячий и чуть шероховатой.

– Пусть те девушки, что получают предложения о замужестве по всем канонам и со всем на то желанием, отвечают “да”. Плачут от счастья и бросаются на шеи избранникам.

– Могли бы и броситься... для разнообразия, – с мрачной ухмылкой заметил его светлость. – Вам так или иначе придётся на людях изображать счастливую невесту. Вы же не хотите, чтобы все в первый же день догадались о том, что на самом деле представляет из себя наш с вами брак?

– А вы готовы изображать счастливого жениха? – Я покрутила коробочку в пальцах.

– Думаю, я могу пойти на такую жертву. – Ренельд проследил за моим движением. – А кольцо всё же рекомендую вам надеть сразу. Можете сделать это сами.

Лабьет, что стоял рядом, осторожно виляя хвостом и явственно прислушиваясь к нашему разговору, громко страдающе вздохнул. Хотя после того, как он прочитал заметку в газете, я уже ничему не удивлюсь. Даже если он вышивает гладью и печёт кексы.

Я, не сводя взгляда с его хмурой светлости, достала кольцо из коробочки и протянула ему. Ренельд приподнял бровь.

– Да ну? – прищурился недоверчиво.

Лабьет толкнул его в бедро лбом так, что он даже слегка покачнулся. Но сохранил невозмутимый вид, явно послав напарнику безмолвное ругательство.

– Не укушу, не бойтесь, – добавила я.

С той же ехидной ухмылкой на безупречном лице герцог уверенно подхватил мою руку и надел кольцо на палец так ловко, словно проделывал такое уже не в первый раз. И, будто этого было мало, вдруг склонился и коснулся тыльной стороны моей ладони губами. От мурашек, что пробежали по коже, волоски на предплечье тут же предательски приподнялись.

– Вам идёт, – шепнул он так проникновенно, что я страдальчески подняла глаза к небу.

А кого винить? Сама согласилась на эту пытку! Сердце колотилось в груди, слегка стеснённой жёстким корсетом, и, кажется, распевало какую-то глупую песню. Хотя разум, обидчиво нахохлившись, продолжал твердить, что это всё формальность и мне пора к заклятийнику. Вот прямо завтра нужно поискать другого!

Когда его светлость наконец отпустил меня, мы замерли друг напротив друга в некоторой неловкости. Я невольно опустила взгляд на его небрежно – слишком небрежно! – повязанный платок. И на небольшую прореху по шву фрака на плече.

– Так что же с вами всё-таки случилось? Вы так торопились сюда, что на полном ходу выпали из кареты?

Я подхватила концы платка и принялась за весьма сложный, но красивый узел. За время замужества научилась: Эдгару было приятно такое внимание.

Ренельду, наверное, тоже: он покорно приподнял подбородок, поглядывая на меня сверху вниз.

– Скажем так, это результат воспитательных мер, которые мне пришлось применить к брату.

Да что же это такое! Они снова поругались? В список срочных дел я мысленно добавила разговор с Ксавье. Придётся как-то всё это ему объяснить. Может, после этого он хоть немного успокоится?

– Он жив, надеюсь?

– Жив и умиротворён. По крайней мере, до того момента, как проснётся.

Я вздохнула, заканчивая с платком. Осторожно заправила его концы под ворот жилета и качнулась назад, оценивая результат своих трудов.

– Раз уж вы здесь... Можете поговорить с Ивлиной. Сегодня утром месье Орм очень ей помог. Отыскал причину того, почему она толком не шла на поправку даже после снадобий. Вам стоит взглянуть! Может, это поможет отыскать этого Рауля Донжона. А пока вы с ней разговариваете, я могу отдать ваш фрак служанке – она зашьёт. Очень умелая!

– Думаю, ничего страшного... – начал было герцог.

Но я уже взялась за лацканы и потянула фрак с его плеч вниз. И только потом меня догнала мысль: что я вообще делаю?! Ах, да! Раздеваю месье дознавателя на собственной террасе! А пах он совершенно потрясающе: по-мужски резковато, с лёгкой примесью пыли, осевшей на тёплой коже, и какого-то дорогого лосьона, которым, наверное, сбрызнулся после умывания.

Его светлость высвободился из рукавов, продолжая внимательно оглядывать моё лицо. Кажется, он стал чуть ближе? А я замерла с его фраком в одной руке, совершенно теряясь, что делать или говорить дальше...

Но что-то же делать надо! А герцог словно бы нарочно ждал именно моего шага.

Я так и чувствовала, как внутри растёт невыносимое напряжение. Меня будто толкают в спину: ну, давай же! Коснись его! Заройся пальцами в тёмные волосы и прижмись к его губам своими. К сожалению, я ещё очень хорошо помнила, каковы они на вкус, какими они могут быть мягкими и настойчивыми. Только сейчас эти воспоминания вдруг усилились до такой остроты, словно Ренельд де Ламьер только что меня целовал, отстранился – и я понимаю, что мне мало. Мало! Но всё закончилось. Пальцы ещё комкают рубашку на его груди, а губы холодит лёгкий ветерок, пробежавший по террасе.

Но одна поблажка этим позывам женского организма – и моё положение может стать ещё плачевнее. Ведь ничего нельзя придумать хуже, чем вешаться на шею мужчине! Особенно такому, как месье дознаватель.

Я чуть наклонилась вперёд, и герцог сразу подался мне навстречу. Вот, значит, как! Похоже, он вовсе не прочь взять то, что предлагают. А как же наш договор?!

Я выждала ещё немного, ощущая, как меня касается тепло кожи герцога, но в тот миг, когда пересеклось наше дыхание, качнулась вбок и взяла со столика колокольчик. Позвонила в него, и за приоткрытой в гостиную дверью сразу послышались шаги.

Лабьет угрожающе заурчал, сделал круг по площадке, едва не снеся кресло; на столике звякнула посуда от его топота. Казалось, он просто невероятно раздосадован и даже бьёт себя шипастым хвостом по бокам.

– Надеюсь, подобные игры вы не станете повторять, когда мы поженимся, – чуть хрипло проговорил Ренельд, поправляя безупречно повязанный платок.

– Игры?! – невинно переспросила я. – Мне вот сейчас вообще не до игр. Особенно с вами. Я не знаю, что вы там себе придумали, ваша светлость!

Похоже, месье охочий-до-поцелуев дознаватель в очередной раз со вкусом почесал своё эго. А я тут, между прочим, с заклятием борюсь! Знал бы он, как это тяжело, когда разум и

собственное тело вступают в нешуточную борьбу. Но до свадьбы я от этой пакости избавиться должна... Иначе спокойная фиктивная супружеская жизнь превратится для меня в сущий кошмар.

– Мадам? – раздалось позади после деликатного покашливания.

Я повернулась к служанке и протянула ей фрак.

– Пожалуйста, передай Лоизе. Пусть зашьёт как можно скорее. И пусть мадам Хибоу велит накрывать к ужину.

– Я не останусь, благодарю, – тут же резко ответил герцог. – Поговорю с мадемуазель дю Поир и сразу поеду назад. У меня там... Ксавье в лёгком заточении. Возможно, он уже протрезвел.

– Вы боитесь за брата или что я вас отравлю? – Отчего-то его очередной отказ остаться на ужин даже слегка меня задел. На месте повара я точно обиделась бы. – А может, моё лицо портит вам аппетит?

Лабьет страстно потёрся боком о мою ногу, словно бы убеждая, что это совсем не так и я вообще должна простить его дурака-напарника за все эти слова.

– Учитывая, что однажды я уже отведал вашего зелья, мне лучше поостеречься, – ещё более холодно ответил его светлость. – Но нет, дело не в этом. И не в вашем лице тем более.

Я подавила желание снять перстень и немедленно бросить ему обратно. Но всё же нашла в себе силы дежурно улыбнуться.

– Тогда я провожу вас к Ивлине.

Лабьет потрусил впереди, словно это он здесь хозяин дома, который всё знает. Хотя, если вспомнить, сколько он бегал по замку и вокруг него, скорей всего, он успел разведать его лучше меня самой.

Аспирантка и правда чувствовала себя уже гораздо лучше. Думаю, месье Орм знал об этом, но сегодня, перед тем как мы распрощались, он сказал, что обязательно заедет завтра – справиться о её здоровье. Она сидела в постели, оперевшись спиной на подушки, и читала книгу – с самым сосредоточенным видом. Судя по всему, какой-то справочник растений. Но, увидев месье дознавателя, Иви даже на месте подскочила. Тут же провела рукой по сплетённым в свободную косу волосам, пытаясь пригладить слегка торчащие в сторону прядки.

Меня изнутри словно горячей волной окатило: да почему же каждая женщина, чей взгляд падает на месье дознавателя, сразу же неосознанно пытается ему понравиться? Хоть и знает наверняка, что это вообще не важно. Что с ним не так? Или это со мной что-то не так, раз меня это злит...

– Ваша светлость. – Аспирантка кивнула.

– Не беспокойтесь, мадемуазель, я ненадолго, – взмахнул тот рукой.

Лабьет добежал до стола у окна и, удивительно ловко открыв ящик, указал напарнику взглядом на то, что лежало внутри. Ренельд подошёл, достал конверт и вытряхнул себе на ладонь длинный шип.

– Это было у Ивлины под кожей, – пояснила я. – Колючка с какого-то ядовитого растения.

– Лилак Спинум, – подсказала аспирантка. – Оказывает постоянное отравляющее воздействие, когда его сок попадает в кровь. А каждая колючка – это маленький сосуд. Со временем может убить.

Ренельд поднёс шип ближе к глазам.

– Это указывает на вашего знакомого, о котором вы хотели рассказать мне при встрече? Он напал на вас?

Ивлинка слегка тряхнула головой.

– Не он! – ответила чуть более резко, чем нужно. – Я поехала к его родителям, хоть что-то выяснить о том, где Рауль может быть. Но даже дойти до их дома не успела. Меня просто утащили в эту подворотню. Оглушили заклинанием, а очнувшись я уже в доме мадам д'Амран.

– Если вы не видели, кто на вас напал, – Ренельд бросил шип обратно в конверт, – почему вы решили, что это не Рауль Донжон? Если он наблюдал за виноградниками, которые пытался испортить – по чьему-то указу, вероятно, – значит, мог знать, что вы занялись их излечением. И, возможно, сумеете выйти на его след. Тем более использовать в качестве отравляющего инструмента часть растения – это ли не замашки магов-природников?

– Это вам кажется, месье де Ламьер! – настояла Ивлиная. – Я почти уверена, что его хотели подставить!

Ренельд задумчиво посмотрел на Лабьета, и тот тихо заскулил, словно тоже выражал сомнения во всей этой ситуации.

– Где можно достать эти шипы? Собрать самому? Или есть какие-то лавки, где их продают?

– Их достать очень трудно, – нахмурилась Ивлиная, сосредоточенно размышляя над чем-то. – Сами по себе растут только на планах Бездны. А в нашем мире – крайне редко. Почти невозможно отыскать, а продавать невыгодно. Потому что это чистейший яд. Его даже в лекарствах нельзя использовать!

– И всё же откуда-то он взялся, – вмешалась я, отчего-то осознав, с каким интересом за этим всем наблюдаю, хоть и помочь ничем особо не могу.

Если вся эта неприятная ситуация сложилась вокруг моих виноградников, может случиться так, что всё гораздо сложнее, чем просто чьё-то желание мне навредить.

– Конечно, они бывают в лавках алхимиков или даже артефакторов, продаются из-под полы. Но в очень небольших количествах. – Ивлиная взяла со столика стакан с водой и немного отпила. Всё же после такого потрясения она ещё слаба. – Но есть такие маги-природники, которые... разводят Лилак Спинум сами. Ну, и некоторые другие виды растений из Бездны. Среди них есть очень ценные ингредиенты для самых разных снадобий и зелий... Но при этом приходится пользоваться тёмной частью ауры.

– И вы знаете таких умельцев? – ещё больше насторожился месье дознаватель.

– Рауль Донжон как раз был из таких, – нехотя ответила Ивлиная.

– Но при этом вы считаете, что отравил вас не он... – Ренельд задумался, поглядывая на Лабьета, который смирно, словно вырезанный из кости солдатик, сидел рядом с ним. – В общем-то, тут я даже готов с вами согласиться. Теперь. Использовать в качестве оружия то, что сам же и выращиваешь, – странно. Но и это нельзя исключать. Но вы утверждаете, что Лилак Спинум выращивают те, у кого преобладает тёмная аура. И если с аурой Рауля Донжона всё обстоит именно так, то его разум может быть изменён. Он может быть уже не тем, кого вы знали раньше. И действия таких людей не всегда логичны.

Ивлиная потупилась, перебирая пальцами складки одеяла. Наверное, она и сама это понимала, но всё же надеялась, что это окажется не тот, к кому она, возможно, раньше испытывала какие-то чувства.

– Его светлость всё обязательно выяснит, – постаралась я её приободрить. – И он, насколько я знаю, никого не обвиняет без серьёзных на то оснований.

– Моё дело разобраться. А обвинять будет прокурор, – заметил Ренельд.

Ну вот, всё испортил! Аспирантка вскинула на него блестящий взгляд.

– Я знаю одного алхимика, у которого не так уж давно видела небольшой запас некоторых частей растений из Бездны. Не шипов Лилак Спинум, не думайте. Возможно, он может знать, где Рауль. Или знать того, кто знает...

Мы с месье дознавателем переглянулись – и он тихо вздохнул, а за ним вздохнул и Лабьет, пошаркав шипами хвоста по полу. Цепочка тех, “кто знает”, могла растянуться неведомо насколько. И только Рауль мог вывести нас на заказчика всего того бедствия, что едва не сгубило мой виноград. И что до сих пор ему угрожает.

Ренельд подал Ивлине лист бумаги и чернильницу, чтобы та записала адрес и имя нужного алхимика.

– Если вам в чём-то нужна моя помощь, месье, – зачем-то сказала я.

И тут же натолкнулась на вопросительно-снисходительный взгляд.

– Вам бы лучше вообще не разъезжать по городу лишний раз, – бросил Ренельд. – И нигде не появляться без охраны. Это опасно. Но, к сожалению, мне придётся забрать Лабьета.

Пёс многозначительно проурчал – жалостливо так, с подвыванием. Уставил на меня печальный взгляд, и даже его постоянно вздёрнутые острые уши слегка опали. Он бодро подскочил с места и подбежал ко мне. Мокрым носом поддел мою ладонь, вынуждая погладить его. Такой большой мальчик, а всё же и ему нужна ласка. Одновременно с этой мыслью я невольно подняла глаза на месье дознавателя, который наблюдал за нами с выражением учтивого терпения на лице.

– Ну что ж, придётся мне как-то спать без тебя, малыш, – проговорила я, склоняясь к морде Лабьета. – Жаль. Вот только появится в постели настоящий мужчина – и его уведут из-под носа.

Ивлино тихо прыснула, опустив голову, при этом не забыв покоситься на Ренельда, а тот озадаченно кашлянул.

– Зря вы пускаете Лабьета на кровать, – отчитал он меня. – Со временем он прогонит оттуда вас.

– Это мы ещё посмотрим, кого он прогонит, да? – Я подмигнула псу.

Тот поддержал меня радостно разинутой пастью, в которой поблескивали совсем не шуточного размера зубы. Ничего, мы ещё сдружимся с Лабьетом так, что он будет отгонять от меня всех неугодных. Особенно всяких там слишком привлекательных и самовлюблённых дознавателей!

Закончив разговор с Ивлиной, Ренельд забрал записку с адресом и именем “того самого” алхимика. А мне, как примерной хозяйке и тем более – грех Первородных! – невесте, пришлось провожать его на крыльцо. Где мы втрём с печальным Лабьетом и остановились в ожидании экипажа.

– Если хотите, я вышлю к вам охрану из Марбра, – совершенно неожиданно предложил Ренельд, поправляя только что надетый фрак.

Лоиза зашила небольшую прореху на совесть: не знала бы я, что она там была, так и не заметила бы ничего.

– Думаю, моя охрана справится не хуже. – Я дёрнула плечом и повыше натянула шаль: откуда-то повеяло прохладой. Наверное, от прудика в саду. – Или вы хотите ежедневно получать отчёты о том, что я ела на завтрак?

– Не отказался бы, – хмыкнул герцог. – Нет, ваш завтрак мне без надобности, но вот кто находится вокруг вас, приезжает, уезжает, о чём с вами разговаривает – это было бы знать полезно. И люди из тайной охраны королевского двора с такими делами справляются лучше всего.

Вот и не заметила, как стала настолько важной особой, что моей безопасностью готова озаботиться сама тайная охрана!

– Я всё же предпочту, чтобы вы не знали, сколько раз я чихнула или какого цвета на мне чулки...

– Какого цвета на вас чулки, я и сам никому не разрешил бы выяснять, – вдруг выдал месье дознаватель. – Вы всё же моя невеста. И, как вашего жениха, меня слегка волнует ваше состояние...

Что?! Я повернулась к нему всем телом.

– Последнее время со мной всё в порядке. Аура в нормальных рамках...

– Я не об этом. О другом вашем состоянии. Которое наводит меня на мысль о том, что договор о фиктивности нашего брака мне очень трудно будет соблюдать. – Он чуть скосил на меня взгляд. – Я всё же мужчина. И когда привлекательная... – Подумал и добавил: – Очень привлекательная женщина явно намекает мне на некоторую близость, пусть это и просто поцелуй, мне не всегда удаётся сдержаться. Так что хотелось бы выяснить на берегу. С вами что-то не так? Я как будто чувствую некоторые искажения в контуре вашей ауры.

Он что, и на такое способен? Да, Ренельд де Ламьер имеет в помощниках магов самого разного направления, но чтобы самому чувствовать заклятия...

– Думаю, ничего критичного. Но если вы переживаете, я обращусь к доктору, – ответила я с такой сдержанной беззаботностью, что сама себе удивилась.

Ещё не хватало, чтобы герцог узнал, что на меня действует привязка, которая замкнута на него. Весьма малоприятная. Вот и сейчас мне страшно хотелось придвинуться к нему ближе. Ещё хоть на миг почувствовать этот чарующий запах мужской силы и – почему бы и нет! – власти.

Но к крыльцу уже подъехал экипаж Ренельда, и тот сразу ко мне повернулся. Лабьет вскочил тоже и встряхнулся.

– Тогда до встречи. Я возьму на себя все заботы по оповещению гостей о нашей помолвке. Список тех, кого вы лично хотели бы пригласить на бал, можете выслать мне. Ну и... – Герцог слегка усмехнулся. – Вам придётся довольно спешно заняться выбором наряда. Все счета тоже высылайте мне. И прошу вас ни в чём себе не отказывать.

– О, это просто невероятно мило с вашей стороны, месье. – Я улыбнулась так, что щёки затрещали. – Но пока вы мне не муж. А потому своё платье я оплачу сама. К счастью, имею возможность.

– Дело ваше, – развёл руками герцог.

И вдруг шагнул ближе, придержал меня за руку, сжав мои пальцы своими так, что я явственно ощутила помолвочное кольцо на безымянном. Проникновенно заглянув мне в глаза, Ренельд подался вперёд, и не успела я испугаться, как совершенно невинно, почти невесомо коснулся моей щеки губами.

А он начинает входить в роль! Счастливым жених, мимолётные нежности... Только вот перед кем их сейчас выказывать? Перед кучером, который смотрит в спины своих лошадей?

Глава 5

Поездка к отцу явно пошла мне на пользу. После суматохи последних недель провинциальная, почти сонная жизнь слегка успокоила мою крайне взбаламученную душу. Только оказавшись в родном доме, я поняла, как же это мне было нужно – оказаться вдалеке от обычных дел, от опасностей, что, кажется, поджидали меня на каждом углу. И, конечно же, от Ренельда де Ламьера, от мыслей о котором меня точно не могли спасти никакие порошки Жеаны. Конечно же, с вестью о помолвке стоило съездить к отцу вместе с моим так называемым женихом. Однако прежде я решила хоть немного подготовить родителя к этому.

Можно было бы взять с собой хотя бы Оли. Но она, узнав, что я теперь невеста Ренельда, ожидаемо на меня разобиделась. Уехала сразу на другое утро, и теперь я даже не знала, примет ли приглашение на бал в честь помолвки.

Отец же такую новость принял весьма стоически. Расспрашивал мало, больше интересовался тем, как у меня идут дела и не донимают ли меня дети почившего мужа. Кажется, он пока просто не мог поверить в то, что я ему сказала.

Но это не самая большая беда. От одной мысли о том, чтобы попросить месье очень занятого дознавателя съездить к будущему тестю познакомиться, мне становилось не по себе. И я решила отложить этот миг как можно дальше.

Пара дней почти в уединении – и я возвращаюсь в Эйл, полная сил и надежд на то, что с оставшимися неурядицами справлюсь вполне легко.

И как одно из подтверждений всего, что ещё осталось постоянного и надёжного в этом мире, на крыльце меня встретила мадам Хибоу.

– Ваше сиятельство, – она даже спустилась мне навстречу, – как доехали?

– Прекрасно. Но всё же хотелось бы немного дождя. Дорога очень пыльная. Просто мечтаю о ванне!

Я провела по щеке ладонью, явственно ощущая, что ещё немного – и от пыли её стянуло бы, как высохшую глину.

– Ох, мадам, – знакомым обеспокоенным тоном запричитала экономка.

Моё приподнятое, несмотря на усталость, настроение стремительно поползло вниз. Стоило вернуться – и меня на пороге поджидают очередные новости.

– С Ивлиной всё в порядке? – на всякий случай уточнила я.

– Да, мадам, – махнула рукой Селина. – Она с утра уже уехала на винодельню. Представляете! За ней заехал месье Орм!

Отчего же не представить. Кажется, Перетт всё больше и больше проникался очарованием аспирантки. В последний визит на виноградники я не обнаружила на своём столе традиционного букетика. Зато обнаружила его в вазе на прикроватной тумбе в комнате Ивлины – когда вернулась.

– Тогда что случилось?

– К вам утром с визитом приезжал незнакомый господин. Маг, судя по всему, – начала рассказывать мадам Хибоу по пути в мою комнату. – Сказал, что по важному делу от мадам Астер. Но вас, конечно, не было. Я предложила ему подождать. Вы же предупредили, что вернётесь сегодня к обеду. Но он отказался. Сказал, расположится в гостинице Пайета. И попросил выслать к нему посыльного, когда вы приедете.

Вот только незнакомцев-магов мне не хватало! Да и по какому поводу он мог приехать от Жеаны? Разве что...

– Имя он своё назвал? – Я вошла в комнату и сразу распахнула окно пошире. Из затённых мандариновых зарослей внутрь тут же полилась чуть влажная прохлада.

Мадам Хибоу на миг задумалась.

– Имя-то у него такое... Благородное... Гаспар Конассьянс, – выдала она, явно довольная тем, что с ходу запомнила непростую фамилию гостя.

А я отметила, что явно где-то её слышала. Вот только в связи с чем? Кто знает. Может быть, в газете читала: там порой пишут о научных достижениях отдельных магов. Если он знаком с Жеаной, значит, скорей всего, имеет отношение к медицине. Или косвенно с ней соприкасается.

– Что ж, отправьте к нему посыльного. Пусть сообщит, что я вернулась.

Но пока расторопный сын мадам Хибоу ездил в город, чтобы известить месье Конассьянса о моём приезде, я успела-таки принять ванну и даже перекусить с дороги. Потому мага встретила уже посвежевшей и готовой говорить о деле, что привело его ко мне.

Гаспар оказался мужчиной высоким, долговязым, уже перешагнувшим за черту среднего – даже для мага – возраста. На его худощавом лице выделялись две черты: нос с солидной горбинкой и потрясающе ясные голубые глаза. Да, раньше мы не встречались, иначе я запомнила бы.

– Добрый день, мадам д'Амран, – голос мужчины оказался довольно высоким, но приятным.

Я предложила ему присесть напротив за стол в моём кабинете. Если он приехал говорить о том, о чём я думаю, то нигде лучше не спрятаться от посторонних ушей, чем здесь.

– Что же привело вас ко мне?

– Дело в том, – улыбнувшись удивительно открыто, проговорил Гаспар, – что до меня дошли, скажем так, слухи о вашей проблеме. С заклятием. А я как раз маг-заклятийник. Так вот меня очень лично, в виде большого исключения, попросили помочь вам разобраться с этой неприятностью.

– Жеана попросила... – уточнила я на всякий случай.

Потому как нечто в выражении глаз да и вообще всего лица месье Конассьянса наводило меня на некоторые подозрения.

– Что? – как будто не понял маг. – Ах да, я и говорю, что я от мадам Астер.

– Она не передавала письма?

– Возможно, она хотела как-то вас уведомить. Но вы, насколько я знаю, были в отъезде. Я могу показать вам все необходимые сертификаты. С магическими печатями. Более того, порой я выполняю некоторые поручения при дворе. Если это вас успокоит.

Он сразу сунул руку в солидный тёмно-коричневый саквояж, что был при нём.

– Да, хотелось бы взглянуть. Не в обиду, конечно. – Я тихо постучала кончиками пальцев по столу, наблюдая, как Гаспар выкладывает передо мной довольно пухлую папку с бумагами. – И я могу положиться на вас? Что вы не передадите никому ни слова о том, что я вам расскажу?

– Абсолютно! – кивнул маг. – Кстати! Поздравляю вас с помолвкой. Вчера прочитал в газете.

Так, а я пропустила. Впрочем, неважно. Раз Ренельд решил взяться за организацию помолвки сам, то вот пусть и занимается.

– Благодарю... – Я откинулась на спинку кресла, медленно листая все документы, которые подтверждали, что месье Конассьянс и правда маг-заклятийник самого высшего ранга. – Даже не знаю, с чего начать... Но всё это довольно неприятно и немало нарушает нормальное течение моей жизни.

Ренельд

– Я видел Рауля Донжона с неделю назад. – Уличный мальчишка поднял голову от туфли Ренельда, которую усердно полировал щёткой, и опасливо оглянулся. – Он появлялся в таверне “Белая рыба”. С кем-то говорил. Не из местных. А больше я его не видел.

Он вновь вернулся к делу.

– И никаких слухов о нём не ходило? – Ренельд чуть опустил край потрёпанного навеса над креслом, где сидел, чтобы оставаться в тени.

– Слышал, он съехал со своей старой квартиры. – Сопливый доносчик шмыгнул носом и яростно потёр под ним тыльной стороной ладони, отчего на щеке остался чёрный росчерк от ваксы. – Я могу поспросить, где он сейчас. У парней, кто оттирается в других районах Жардина...

Он с надеждой поднял взгляд на клиента. Таких значимых у него, верно, сроду не было. Не то чтобы Ренельду срочно нужно было почистить туфли. Тем более – не на улице. И уж тем более не в этом округе. Но сейчас просто не осталось других вариантов, как отыскать Рауля Донжона. Ведь чем больше удавалось про него разузнать, тем подозрительнее всё это становилось.

Родители, к которым ездил Тибер, не видели сына уже почти год и знать не знали, где он может быть. Либо врал.

Алхимик, который закупал у друга Ивлины некоторые ингредиенты, тоже не встречался с ним уже больше месяца. Поговаривали, не так давно он связался с неким влиятельным человеком, от которого получил выгодный заказ и потому другие дела на время оставил.

Но после всей шумихи, что поднялась вокруг Собирателя, он как будто стал чего-то бояться. На людях появлялся всё реже, часто менял квартиры, забираясь всё дальше на окраины Жардина.

– Поспрашивать нужно. И как можно более подробно. Всех, кто может что-то знать. – Ренельд поднялся с жёсткого дощатого кресла, чувствуя, как слегка онемели мышцы. – Вот тебе за труды. Если узнаешь ещё что-то полезное, получишь вдвое больше.

Он достал из-за пазухи несколько монет и сунул в чумазую ладошку чистильщика обуви.

– Где я вас найду? Ну, если что-то узнаю. – Мальчишка с довольным видом встряхнул кулак, в котором приятно звякнуло.

– Просто не уходи из своего округа. Я сам тебя найду.

Ренельд перешёл на другую сторону улицы и быстро сел в свой экипаж. Лабьет тут же поднял голову, принялся и явно сморщился.

“Терпеть не могу запах дешёвой ваксы. Отшибает нюх на раз-два. Аж слёзы из глаз. Ты что-нибудь разузнал?”

– Рауль недавно был в городе. Однако это не означает, что и теперь он здесь. Кого-то он явно боится. Потому и скрывается.

“Знаешь, ему действительно есть кого бояться. Хотя бы тебя. Или меня. – Шинакорн зевнул. – Напуганный таракан может далеко заползти.

С этой мало обнадеживающей мыслью они и вернулись в Марбр.

– Надеюсь, пока меня не было, ничего важного не случилось? – Ренельд вошёл в свою приёмную, на ходу снимая фрак.

– Нет, всё спокойно, – не отрываясь от чтения каких-то бумаг, ответил Тибер. – Ну, насколько в Марбре вообще может быть спокойно. Однако ваша матушка интересовалась, где вы.

– Пока не докладывай ей, что я вернулся.

В кабинете Ренельд открыл окно.

Сегодня было не только жарко, но ещё и влажно, что давало хоть некоторую надежду на то, что к ночи пойдёт дождь. Небо затянуло тревожной дымкой. С запада неспешно напозлали пышные облака.

“Тебе пора устроить себе здесь постель. – Лабьет деловито прошествовал к своему месту. – В кабинете ты бываешь чаще, чем в своих покоях”.

– Пока я не разберусь, как это всё связано...

“Надеюсь, мадам Конфетка сумеет тебя отсюда вытащить. – Шинакорн покрутился и улёгся в пятне света от окна. – Лично я на твоём месте предпочёл бы этому просиженному креслу постельку жены”.

– О постельке, как ты выразился, речи у нас не идёт. – Ренельд усмехнулся.

“Ты такой забавный, когда обманываешь сам себя”.

– Зато я не буду прогонять тебя с кровати – и ты сможешь наслаждаться обществом своей конфетной возлюбленной сколько угодно.

“Аха-ха! – картинно расхохотался Лабыет. – Остановите кто-нибудь мой смех! Живот надорву”.

И насусленно замолчал, когда из приёмной донеслись приглушённые голоса. Но при этом весьма взбудораженные. Ренельд уже хотел нажать на диск войта, чтобы спросить у Тибера, что происходит, как тот вошёл сам. Слегка встрепанный, с округленными от удивления глазами.

– Ваша светлость, к вам мадам д’Амран.

“Слава мясным обрезкам, она пришла!” – Лабыет тут же оживился.

Подскочил с места, встряхнулся, словно бы приводя себя в надлежащий вид.

Мариэтта тут же влетела в кабинет, словно маленький ураган. Светло-зелёное дневное платье делало её похожей на травинку, подхваченную ветром. Зато янтарные глаза так и обжигали негодованием.

– Доброго дня, ваша светлость, – поздоровалась она так, словно пожелала жениху несварения желудка.

– Мари, – выдохнул Ренельд, а затем уже понял, что назвал её просто по имени. – Вы не предупредили, что приедете.

– Вы тоже забыли меня кое о чём предупредить!

Вдовушка мстительно прищурилась – и следом за ней вошёл весьма подавленный и разозлённый Гаспар Конассьянс. Похоже, порученное дело приняло не слишком приятный для него оборот. Ренельд махнул рукой, велая Тибери уходить, и тот с явным сожалением закрыл за собой дверь. Ещё бы! Такое зрелище пропустит. Возможно, даже кровопролитное – судя по настрою графини.

– Вот, можете забрать своего шпиона, – выдала графиня, качнув головой в сторону месье Конассьянса, и ударила по ладони снятыми перчатками. Так, словно вместо них была дубина.

“А я говорил тебе, Рен, это скверная затея! – пробубнил Лабыет. – Из королевского заклатьяника плохой актёр. Посмотри, он же прямой, как твой путь к женитьбе. Ничего не может утаить”.

– Что случилось? – стараясь сохранить невозмутимый вид, поинтересовался Ренельд.

Мариэтта хмыкнула, воздев глаза к потолку, а Гаспар подошёл ближе и при этом зачем-то обернулся, словно кто-то стоял у него за спиной.

– Ваша светлость, я всё рассказал мадам д’Амран, – вздохнул он. – Ваша невеста грозила натравить на меня охрану. А это, знаете ли...

– Я понял, – прервал его Ренельд. – Прошу простить меня, что всё закончилось этим. Я уверен, что и графине тоже очень жаль. Мы поговорим позже. Можете идти.

Гаспар раздражёно поклонился и, бросив на вдовушку последний мрачный взгляд, удалился. С явным облегчением.

“Вот так и теряют друзей, Рен”, – заключил Лабыет, проводив его взглядом.

– Скажите, – процедила Мариэтта, проходя дальше в кабинет, – вы за кого меня держите?

Она остановилась напротив Ренельда, разгорячённая собственным негодованием, что наполняло её глаза огнём, а щёки заставляло пылать румянцем. Остро захотелось ущипнуть её за этот упрямо вздёрнутый подбородок. Слегка поддеть его, чтобы яркие губы Мариэтты раскрылись для поцелуя.

– С утра я держал вас за свою невесту и учтивую хозяйку, которая не станет угрожать расправой королевскому магу.

– Какая разница, королевский он или нет? Он пришёл в мой дом через обман! – Вдовушка выдохнула, уже понемногу успокаиваясь. – Тем более я уже извинилась перед ним.

“Ну что ж, значит, всё не так плохо... – облегчённо вздохнул шинкорн. – Заклятийников, знаешь ли, обижать весьма чревато”.

– Это, кстати, был не совсем обман. – Ренельд прошёлся мимо тихо сопящей графини. – Ваша знакомая Жеана Астер действительно в курсе. Я разговаривал с ней. И именно она сказала мне о том, что на вас заклятие.

– Что? – возмутилась Мариэтта с новой силой. – Жеана не могла рассказать...

Она осеклась, нахмурившись, словно о чём-то догадалась. И в следующий миг её аура, получившая подпитку гневом, плеснула в стороны осязаемой волной. К счастью, не обжигаящей.

“Вот и всё, – хмыкнул Лаббет. – Занавес. Весь театр можно распускать на каникулы”.

А сам подобрался ближе, водя носом по воздуху, явственно греясь в лучах силы графини, насыщаясь ею всласть. Теперь весь вечер проведёт на шкуре у камина, вытянув лапы, словно в подпитии.

Мариэтта не стала его прогонять, однако одарила подозрительным взглядом. Чем немало расстроила. Шинкорн досадливо фыркнул, но всё же решил подобраться ещё чуть-чуть.

– Так всё же оно есть. Заклятие. – Ренельд остановился и посмотрел на вдовушку через плечо.

Отпираться бесполезно: можно сказать, сама призналась. Пусть и пришлось пойти на несколько хитростей. Зато теперь всё должно стать немного проще.

– Ах вы!.. – Мариэтта сделала к нему шаг. – Сколько вы ещё будете совать нос в то, что вас не касается? Могли бы и сказать, что месье Конассьянс приехал по вашему поручению.

“Ой, думается, тогда Гаспар покинул бы её дом очень быстро. В сопровождении парочки нелестных выражений, которые она попросила бы тебе передать”.

Ренельд коротко рассмеялся.

– Не-ет. Вы состроили бы невинный вид и выпроводили его. Разумеется, напоив чаем на дорожку. – Он сделал пару шагов обратно. – Вы не доверяете мне. Потому мне пришлось пойти на скрытый шаг. Однако не только с целью узнать о вас больше. Вы привезли Гаспара сюда, прежде чем позволить ему вмешаться, и тем убедили меня в том, что собственная безопасность вас всё же волнует.

– Теперь вы, наверное, очень мной гордитесь!

“Лично меня мадам Конфетка точно не подвела! Я рад, что она утёрла тебе твой высоко задранный нос, Рен, – важно проговорил Лаббет. – Но тут главное – не пережать. Иначе она закроется ещё больше”.

Он всё же ткнулся мордой в руку графини. Та рассеянно почесала его за ухом, и Лаббет блаженно вздохнул, словно дождался наконец прощения за некоторую провинность.

– Я рад, что вы оказались достаточно бдительны, – кивнул Ренельд. – Но всё же я надеюсь, что обратитесь за помощью к месье Конассьянсу. Он и правда сумеет многое понять. Возможно, даже отыщет тот след, что приведёт нас к тому, кто наложил заклятие.

– Знаете, в какой-то момент я подумала, что это ваших рук дело. – Мариэтта отступила к столу, когда он приблизился ещё немного. – Слишком большая осведомлённость.

Лаббет недовольно заурчал.

“Рен, пока не говори ей. Рано”, – предупредил на всякий случай.

– Я знаю. О тебе ей знать и правда рановато, – успокоил его тот. И сразу ответил Мариэтте: – Смысл?

Получилось слишком сухо, слишком через силу. Потому что с каждым мигот, что Ренельд видел перед собой вдовушку, мысли в голове ворочались всё более вяло. Словно заклятие было на нём самом. Похоже, снова аура шалит. И эти шалости пока не удавалось предугадывать.

– Чтобы заставить меня плясать под вашу дудку, – в том же тоне ответила Мариэтта.

– Если бы я хотел, то уже сделал бы это. – Он улыбнулся.

И через миг вдавил Мариэтту бёдрами в стол. Она резко отклонилась назад, часто дыша, и в то же время словно бы окутала его собой: своей силой, тонким ароматом волос, теплом кожи и дыхания.

– И как мне это расценивать? – изогнула бровь, осторожно упираясь ладонью в грудь Ренельда.

– Как предупреждение, что о таких вещах, как заклятие привязки, вам стоит рассказывать мне сразу. Признаюсь, я знал. – Он склонился к её лицу. – Почти с самого начала – когда ощутил всплеск силы, что всегда сопровождает такие заклинания. И надеялся, что вы расскажете мне сразу. Но вы решили скрыть. Ещё немного, и последствия этого оказались бы для вас... нежелательными.

– Что ж... – Вдовушка горько хмыкнула. – Учитывая эффекты этого заклятия, они как раз были бы желательными. Но...

Её голос дрогнул мягкими вибрациями, которые она явно не могла контролировать. В воздухе словно что-то щёлкнуло – и Ренельд подхватил Мариэтту ладонью под затылком. Едва касаясь кожи, провёл губами вдоль её скулы и подбородка. Чуть ниже – по шее, чётко ощущая токи её силы. Графиня замерла, сжав в кулачке рукав его рубашки. Тихо выдохнула, явно удерживая себя от того, чтобы податься навстречу.

Аромат её ауры стал сильнее, жгучие нити света пронзили ауру Ренельда, разрезая привычную, спокойную тьму. Внося тревожное смятение и остроту в каждое ощущение. Всё окончательно померкло в жаркой мути, что наполнила голову вместо разумных мыслей.

“Рен! – откуда-то издали донёсся голос Лабьета. – Рен! Руки прочь. Эй!”

Что-то дёрнуло его за одежду. Назад. Мариэтта качнулась следом, раскрывая губы, и с них сорвался тихий разочарованный вздох.

“Вот это ты поплыл... – протянул шинакорн. – Меня в пристрастии к сладенькому обвинял. А сам-то!”

– Похоже, если мы не перейдём к регулярной терапии, всё будет становиться только хуже. – Ренельд шагнул назад, разрывая любое соприкосновение с Мариэттой.

А она спешно отвернулась, словно опасалась, что даже пересечение взглядами толкнёт её на безумство.

“Не хочу тебя расстраивать, Рен, но, кажется, теперь мадам Конфетка будет держаться от тебя подальше, – критически заметил шинакорн, глядя ей в спину. – Какая уж тут терапия. Игры с заклятиями вообще редко когда заканчиваются хорошо”.

– Я не понимаю, что со мной случилось. – Ренельд провёл чуть подрагивающей рукой по волосам. – Как будто это заклятие вдруг отразилось на меня. Похожее действие было у вдовушкиного зелья... Постой-ка!

Вот же Гаспар! Все эти пристальные взгляды напоследок были вовсе не случайны. А его умений вполне хватило, чтобы провести всё тонко и незаметно. Вот же морда заклятийная!

“Подожди, пока он поможет Конфетке. Потом его убьёшь”, – кровожадно прорычал пёс.

– Знаете, я была лучшего мнения о вашей сдержанности, – вдруг проговорила графиня.

Похоже, уже пришла в себя. Даже её голос теперь звучал ровно, хоть она ещё избегала прямо смотреть на Ренельда. Может быть, ей было противно – кто знает. Но на её лице отражалась явная досада от всего случившегося.

– Мне жаль. Думаю, тому, что случилось, была внешняя причина, которая не зависела от нас с вами. И чтобы это не повторилось, прямо сейчас отправляйтесь к Гаспару. Он очень толковый маг.

“Ну очень толковый и мстительный...” – процедил Лабьет, кружа рядом с Мариэттой и при этом тревожно её обнюхивая.

– О, я как раз собиралась это сделать! – растягивая губы в едкой улыбке, согласилась вдовушка.

– Я провожу.

– Нет! – Она предупреждающе вскинула руку. – Не стоит. Меня может проводить... Тибер! Да, так будет лучше всего. Вашего общества на сегодня мне более чем достаточно! Ваша светлость...

Она холодно кивнула и вышла из кабинета так быстро, что Ренельд даже не нашёлся, что ещё ей ответить. Впрочем, сейчас самое время скорбно помолчать. Потому что эту сумасшедшую неловкость, которая только что случилась между ними, Мариэтта явно не скоро ему забудет.

“Надо как-то загладить, – задумчиво резюмировал шинакорн. – Есть идеи?”

Ренельд глянул в окно, чувствуя, как горячим покалыванием мелкие осколки ауры графини всё ещё пробегают под кожей.

– Над идеями стоит поразмыслить. Но кое-какие есть.

Скоро Тибер доложил, что мадам д'Амран и правда пошла к месье Конассьянсу. Пробыла она там довольно долго. А может, просто заклятийник не торопился к Ренельду с отчётом.

Тот уже успел погрузиться в дела, когда Гаспар всё же пришёл.

– Как ты? – спросил с порога.

И его взгляд при этом как будто стал виноватым. Всего на миг.

– Катись в Бездну. – Ренельд посмотрел на него искоса. – Что за шутки? Тебя так задело то, какой приём тебе оказала мадам д'Амран?

“Погонял бы я его по Марбру, – вздохнул Лабьет. – Да лень тратить время на такого мелкого пакостника”.

– Ну прости... – Гаспар развёл руками. – Я был зол. Эта твоя графиня просто... – он помолчал, явно подбирая подходящее слово. Но, похоже, тех, за которые он не получил бы кулаком в лицо, не нашлось. – Она любого с ума сведёт, в общем. Знаешь, в какой-то миг я поверил, что она привяжет меня к стулу и начнёт пытать. Сама.

“О, надо было соглашаться. – Шинакорн ревниво уставился на мага. – Ему понравилось бы”.

– И за это ты решил поставить меня в двусмысленное положение? – Ренельд откинулся на спинку кресла, глядя, как маг садится напротив.

– Я всего лишь бросил в тебя слабым заклятием отражения. И, судя по тому, какой взволнованной и злой пришла графиня ко мне, эффект вышел чуть сильнее, чем я рассчитывал. – Гаспар всё же не смог сдержать довольную улыбку.

– Я думаю пересмотреть поощрения для тебя, насчёт которых собирался поговорить с его величеством.

– Перестань! Мы квиты.

Заклятийник взвёл очи горе, когда Ренельд протяжно посмотрел на него исподлобья. Ему вообще следовало бы радоваться, что за такие выходки он поплатился только парой оправданий.

– Что ты понял о заклятии? – пришлось прекратить пустые пререкательства.

– Оно не такое простое, как я думал поначалу, – сразу посерьёзnel Гаспар. – Есть подозрения... – Он вздохнул. – Что его может снять только хозяин. Формула сложная и мне не зна-

кома. Кажется, похожа на многие, что я видел, но некоторые части её будто потеряны. Поэтому цепь прерывается.

– Что это значит? В нём ошибки?

Ренельд даже подался вперёд, опершись локтем на стол.

“Бедная моя Конфета! – простонал Лабьет. – Узнаю, кто виноват, отгрызу всё лишнее”.

– Нет, они просто теряются в тёмной части ауры. Словно их прячут, маскируют... – Гаспар понизил голос. – И знаешь, что я понял? Когда присмотрелся лучше.

– Что? – без особой надежды уточнил Ренельд.

– Это напоминает те знаки, что ты дал мне для анализа. Строение некоторых элементов прямо точь-в-точь...

Он многозначительно замолчал, приподняв брови, явно ожидая ответной реакции собеседника. Ренельд медленно выдохнул, растирая лоб пальцами. Только этого ещё не хватало! Что вообще может быть хуже?

– Хочешь сказать, у магических ловушек и этого заклęcia один и тот же создатель?

– Именно, – кивнул маг. – И, боюсь, он теперь знает, что заклęcie находится в активной фазе, а значит, может попытаться его замкнуть. Раз уж такова была его цель. Но, как ни странно, есть и положительная сторона: в этом случае вскрыется полная формула, тогда его проще будет снять. И может быть, даже это поможет продвинуться в деле сбора формулы ловушки.

– Ты в своём уме?! – Ренельд сжал ладонь в кулак и грохнул им по столу. – Предлагаешь позволить Собирателю связать себя с Мари?

Гаспар вскинул руки в капитулирующем жесте.

– Нет! Я не самоубийца, чтобы предлагать тебе это. Но как тот, кто пробудил заклęcie, ты вполне можешь завершить его сам.

“Знаешь, Рен, – усмехнулся Лабьет, с явным интересом выслушав Гаспара, – я в целом не против, если бы ты попытался... Но думаю, против будет Конфетка”.

Глава 6

– Всё же очень рад, что вы выбрали именно этот цвет атласа. – Портной ещё раз обошёл вокруг меня, разглаживая складки на пышной юбке помолвочного платья. – Чудесно освежает! Вы согласны, мадемуазель?

Месье Паскаль повернулся к Ивлине, которая сидела на диванчике чуть поодаль и с интересом меня разглядывала.

– Полностью согласна. – Она улыбнулась. – Я же говорила, что оттенок цветущей глицинии будет лучше всего.

Я повернулась боком, оценивая силуэт в огромном зеркале примерочной комнаты.

Всё же мастер Паскаль в очередной раз доказал, что он один из лучших в своём деле! Всё сидело просто идеально. Юбка ровно такой пышности, как надо, каждая оборка и складка на своём месте. Остались только детали, скрепление некоторых швов – и вечерний туалет для бала в честь моей – грех Первородных! – помолвки будет готов.

Чуть припылённый сиреневый цвет не придавал мне лишней наивности, но и не выглядел мрачным – всё же я невеста! Отделка лифа, подола и рукавов кружевом и атласной тесьмой не смотрелась слишком вычурно – как я и просила. Зато дорогие ткани и безупречный крой говорили сами за себя.

В общем, контрольной примеркой я осталась полностью довольна. И, как любой женщине, которая ценит красоту вещей не меньше их практичности, собственное отражение в зеркале ощутимо приподняло моё настроение.

– Принесу перчатки! – спохватился мастер. – Посмотрим с ними.

И спешно вышел.

Я повернулась к Ивлине, которая смотрела на меня с лёгкой задумчивостью и даже улыбалась – своим мыслям.

– У тебя новый кулон? – спросила как бы невзначай. Хотя заметила его ещё утром.

Раньше Ивлины не слишком жаловала украшения – может, у неё их попросту не было. А вот сегодня она красовалась обновкой, судя по блеску сложной серебряной цепочки и небольшой подвески в виде замысловато оплетённой усиками грозди винограда. Весьма символично, надо сказать... Наверняка тот, кто его подарил, был бы не прочь преподнести и золото, к примеру, но побоялся. А значит, во взаимности симпатии ещё не до конца уверен.

– О! – Ивлины тут же схватилась за миниатюрную гроздь. – Это подарок месье Орма. В благодарность за помощь в излечении виноградника.

Что ж, вряд ли Перетт не догадывался, что за помощь в излечении я уже пополнила счёт аспирантки на весьма значительную сумму. Но такой подарок для девушки, похоже, был более приятным и значимым. Её глаза наполнились явственным теплом, а выражение лица тут же стало чуть отрешённым.

– Очень мило! Месье Орм всегда очень внимателен к тем, кто ему небезразличен, – намекнула я на всякий случай. – Мне показалось, вы с ним проводите довольно много времени вместе.

– По работе, – чуть торопливо уточнила Иви.

Я отвернулась, пряча улыбку. Да-да, при зарождении отношений многое можно списать на работу и необходимость находиться рядом.

Однако где же месье Паскаль?

Словно услышав мой призыв, мастер сразу вернулся. Почему-то с двумя коробками: побольше и поменьше – и весьма озадаченным видом. Ту, в которой, скорей всего, лежали перчатки к платью, он отложил в сторону. А вторую оставил.

– Ваше сиятельство... – Подошёл степенно и как будто даже чуть торжественно. – Это передали вам. Ваша охрана проверила – говорят, всё в порядке.

Я чуть склонилась, разглядывая поблескивающий золотом вензель на крышке. Его знали все уважающие себя аристократы Гриффанружа. “Ювелирная мастерская Поля Рейона” – именно это означали завитки тиснёной эмблемы.

– Нет никакой записки? – Я взглянула на мастера.

Тот пожал плечами. И мне стало жутко любопытно, что это за очередной подарок на мою голову. Хотя, судя по форме коробки, скорее на шею. Месье Паскаль поднял крышку – и даже Ивлиная, которая подошла, чтобы тоже взглянуть, тихо ахнула.

– Это что, вайлеты? – посмотрела на меня, наморщив лоб. – Знаете, я вайлеты видела только в Санктуре. На занятиях по магической минералистике. Да и то они были очень маленькие. Прямо-таки малюсенькие.

Те, из которых состояло сдержанное, но оттого не менее роскошное ожерелье, тоже были не с кулак. Но при этом такого размера, что ясно говорили о статусе того, кто их приобрёл.

Я невольно нахмурилась, заметив, что в небольшом кармашке на внутренней стороне крышки всё же лежит конвертик. Выдернула его, а затем достала записку.

“Вам они пойдут больше, чем мне”.

Вот же месье люблю-широкие-жесты дознаватель! Я едва не расхохоталась.

Даже без записки можно было догадаться, от кого этот подарок с двойным дном. Но Ренельд де Ламьер не мог смолчать. С того вопиющего столкновения в Марбре мы с ним не виделись. Однако это не означало, что я не вспоминала о нём постоянно, каким бы делом ни была занята. Жаль, порошки Жеаны лишают меня только снов, а не всего этого безобразия, что творится в моей душе и мыслях!

Ивлиная помогла мне надеть ожерелье, и оно идеально легло не только к цвету моей кожи, о чём я уже знала, но и к оттенку платья.

– Постойте! – вдохновенно воскликнул портной.

Умчался куда-то, а затем вернулся с длинным отрезом плотной атласной ленты. Приложил её к лифу платья и удовлетворённо кивнул сам себе.

– Если вы не против, я дополню отделку этим. Будет просто безупречное сочетание.

– Конечно. – Я осторожно коснулась прохладных камней. Они пронзили кожу лёгким покалыванием. – Тут я вам полностью доверяю.

Скоро мы распрощались с мастером Паскалем. Но прежде чем сесть в экипаж, Ивлиная кое о чём вспомнила.

– Я сейчас! – Она глянула на противоположную сторону улицы. – Забегу вон в ту пекарню...

Пекарню? Я проводила её взглядом. Не припомню, чтобы Ивлиная особо любила выпечку. Но сегодня она ещё собиралась на винодельню, а вот Перетт, насколько я знала, очень уважал некоторые сладости. Никак для него старается...

Я уже успела о многом поразмыслить, водя ладонью по коробочке с ожерельем, когда поняла, что аспирантки нет слишком долго. Наверное, пора отправить за ней кого-то из сопровождающих, что стояли у дверцы кареты в ожидании. Теперь один из мужчин во время поездок всегда находился внутри. Другой – на козлах рядом с кучером. Но едва я высунулась в оконце, чтобы распорядиться насчёт Иви, как она вернулась.

И судя по тому, какими бледными были её щёки и ошарашенным взгляд, повергли её в такое состояние вовсе не цены на булочки с марципаном.

Она торопливо юркнула в карету, но захлопнула дверцу как раз перед носом охранника, который собирался сесть следом. Я подняла руку, веля ему пока остаться снаружи.

– Что случилось?

Ивлиная покусала губу, глядя на кулёк с выпечкой в своих руках, покачала головой, словно сама не могла поверить в то, что видела.

– Я... По дороге обратно, – затараторила она громким шёпотом, – меня перехватил Рауль.

– Что?! – Я подалась вперёд, ощутив желание дёрнуть аспирантку за волосы, чтобы привести в чувство. – И ты не позвала на помощь?

– Он ничего мне не сделал! – вытаращила глаза Иви. – Просто хотел поговорить. Сказал, что не вредил мне. Тогда. И он знает, что месье де Ламьер ищет его. И ещё ищут другие люди – которые, возможно, хотят его убить.

– Я тоже могу сказать что угодно! – пришлось чуть осадить её. – Может, он просто хочет оправдаться! Наверное, догадывается, что ты взялась его выгораживать.

– Я не выгораживала! – возмутилась аспирантка. – Он просил передать... Месье де Ламьеру, что хочет с ним встретиться. Прежде чем его схватят и заключат под стражу, хочет поговорить и что-то объяснить. Вот!

Она достала из сумочки – гораздо меньшей, чем обычная её рабочая торба, – свёрнутый вдвое листок.

– Что это?

Я забрала его и прочитала, что там написано. Место и время встречи – район Жардина, как и можно было бы предположить, не самый благополучный, место заброшенное... Отчего-то мне сразу стало нехорошо, как представила, что Ренельда там может поджидать ловушка. Почему нет? Вряд ли его расследование безразлично тому, на кого он ведёт охоту. Да тому же Раулю...

– Я сама передам это месье де Ламьеру.

Ивлиная опустила руку, передумав возвращать себе послание.

– Да. Вас к герцогу допустят быстрее, чем меня. – Она усмехнулась, но совсем не весело.

И отчего-то мне стало немного обидно за Перетта. Стоило лишь Ивлине столкнуться с некогда любимым ею мужчиной, и она забыла, кажется, обо всём на свете. Солнечно-задумчивое выражение сошло с её лица, а глаза наполнились темнотой воспоминаний.

Я велела сразу ехать в Марбр: велика вероятность, что Ренельда удастся застать именно там.

К счастью, в королевской резиденции, кажется, уже все подряд знали меня в лицо. Как и о том, что теперь я – ни больше ни меньше – невеста возможного наследника престола. Конечно, это значительно облегчало любое дело или встречи, но в то же время было настолько непривычным, что становилось не по себе.

Однако с большим сожалением Тибер сообщил мне, что его светлость давно уже уехал. И вот какая незадача: как раз, чтобы встретиться со мной в моём же доме.

В очередной раз наши интересы вступили в немалый конфликт.

– Что ж, очень жаль. – Я развела руками. – На случай, если мы с его светлостью вновь разминемся, передайте ему, что у меня для него очень важное сообщение. По поводу расследования.

Тибер оживился и с готовностью закивал:

– Конечно, ваше сиятельство!

Какой всё же милый молодой человек... Кажется, Ренельд зря его прижимает, не даёт подняться – похоже, решил как следует помотать на побегушках, прежде чем доверить какое-то серьёзное дело. Деспот зеленоглазый!

Распроставшись с помощником, я поспешила обратно: неровен час и правда месье дознаватель не дожждётся меня. Хотя встречи с ним при моих-то фееричных ощущениях от заклания – удовольствие ниже среднего. А этот хваленый Гаспар язык-сломаешь-Конассьянс что-то не торопится расшифровывать формулу. Сколько дней прошло, а от него ни одной обнадеживающей вести!

– Мадам д'Амран! – внезапно окликнули меня со спины.

Я как шла, так едва и не подпрыгнула на месте: уже перестала обращать внимание на то, кого встречаю на пути. Это теперь для меня обычное дело, стоит только погрузиться в воспоминания или размышления о Ренельде, разрази его гнев Первородных, де Ламьере. Моя вечная головная боль, этот несносный, непостижимый мужчина!

Я обернулась, уняв сбившееся дыхание: широким шагом меня нагонял посол Сьерво – герцог Эктор Балленас. Как и всегда, удивительно утончённый – при всей крепости фигуры и широте плеч. Сегодня он был в сопровождении не только нескольких придворных, но и незнакомого мне молодого мужчины, весьма заметно на него похожего. Неужто сына?

Мужчин рода Таури всегда можно отличить от других: такую густую родословную не спрячешь за примесью чужеземной крови.

– Ваша светлость... – Я кивнула послу, когда он приблизился.

– Просто невероятная радость и удовольствие видеть вас, графиня... – Эктор тоже приветственно наклонил голову.

А вот его молодой спутник сделал это гораздо более сдержанно. Как будто не мог даже на миг прервать внимательное изучение меня.

– Позвольте представить вам, – герцог взмахнул рукой, – мой старший сын Виктор.

Я коротко скользнула взглядом по его лицу, попутно отметив, что он весьма красив. Так же жгуче и выразительно, как и родитель. Чем-то они даже были похожи с Ренельдом. Вот только мой жених выглядел гораздо внушительнее него – может, в силу возраста.

Но то, что Виктор сильный маг, я даже не собиралась подвергать сомнению. Он едва не искрил, как будто не так давно познал свою мощь и не всегда умел полностью ей владеть. Впрочем, может, просто красовался. В конце концов, он будет главным соперником Ренельда в схватке за право стать преемником короля Ивена.

– Очень приятно, месье. – Я улыбнулась, стараясь не обращать внимание на острый и как будто слегка недоброжелательный интерес Виктора.

– Взаимно, мадам, – его голос оказался ровным, словно каменная столешница. – Поздравляю со скорой помолвкой. И благодарю за приглашение на праздник в честь неё.

– Это будет большая честь – видеть герцога и вас в такой важный для нас с... Ренельдом день.

Как же предательски я споткнулась на имени своего жениха! А ведь должна мурлыкать его, словно великую усадлу для своего слуха. Наверное... Влюблённая я невеста или кто, в конце-то концов?

– Жаль, что сейчас вы погружены в хлопоты, – вздохнул посол. – Но я надеюсь, что мы ещё обсудим с вами начатый вопрос по закупке вина. Хочу по возвращении в Сьерво преподнести подарок его величеству Тирсо Третьему. Он большой ценитель...

Виктор отчего-то едва заметно усмехнулся. И его взгляд вполне себе ощутимо скользнул по моей фигуре вниз и обратно – к лицу. Захотелось поёжиться, а ещё почему-то – хорошенько шлёпнуть его по щеке.

– Да, разумеется, ваша светлость! – бодро ответила я, едва не переминаясь на месте от острого желания скорее закончить это знакомство. – Но сейчас я, к сожалению, должна торопиться! Однако хочу вас уверить: для его величества я отберу вино из самой лучшей части урожая.

Видно, это посол и хотел услышать – что его король не останется без презента из-за моря. Потому что сразу после этого меня благополучно отпустили. Я уже сделала несколько шагов прочь, как до моего слуха донеслось приглушённое фырканье:

– Думал, она старше...

Вот же хлыщ надменный! Всегда считала, что Ренельду в этом нет равных, но, похоже, и тут Виктор Балленас намеревался его обскакать. Но ничего не попишешь, придётся терпеть

его на балу, улыбаться и делать вид, что в упор не вижу этих липких, словно прикосновение лягушачьей лапки, взглядов.

Бестолковая езда по городу немало меня утомила. Из головы всё никак не шла встреча с посланцем. И разговор Ивлины, теперь удручающе молчаливой, с этим Раулем Донжоном. Он как будто плеснул чернилами ей в душу.

Однако дома меня ждало ещё одно испытание. О котором меня и предупредила мадам Хибоу. Кажется, с очередным визитом герцога в этот дом она относилась к нему всё благожелательнее.

– Его светлость ждёт вас на террасе, – трепетным полупрошептом сообщила она. – Уже давно. И не уезжает. Как будто у него к вам важный разговор.

От сочетания слов “важный разговор” и “Ренельд де Ламьер” у меня мелко затряслось где-то под правым глазом. Ещё пара встрясок – и достанется его светлости дёрганая невеста.

Держа в руках коробку с ожерельем, я вышла через двери гостиной на тихую террасу и сразу заметила темноволосую макушку герцога над спинкой плетёного кресла. Затем – вытянутые лапы Лабьета, который лежал у его ног. Впрочем, на моё появление отреагировал только шинкорн. Вскинулся, встопорщил уши и тут же завилял хвостом, едва не пританцовывая на месте.

А вот Ренельд остался неподвижным. И только обойдя его сбоку и заглянув в его лицо, я поняла почему. Он попросту спал. Несколько напряжённо, словно в любой миг готовый вскочить и действовать. Я приложила палец к губам, посмотрев на Лабьета, и тот вопросительно склонил голову набок, переводя взгляд с напарника на меня и обратно.

– Обживаетесь, ваша светлость? – задушевно произнесла я на ухо месье дознавателю.

Первый раз вижу его таким умиротворённым – так и хочется пощекотать под заросшим короткой щетиной подбородком. Пожалуй, только ради этого можно просыпаться рядом с ним по утрам. А потом просто сбегать, пока он не открыл глаза.

Но на сей раз сбежать не удалось. Твёрдые, точно стальные, пальцы сомкнулись у меня на запястье. Короткий рывок – и я совершенно возмутительным образом шлёпнулась на колени Ренельда. Коробка с ожерельем вылетела из рук и едва не зашибла Лабьета, который заполошно подпрыгнул с места и отскочил в сторону.

“Конфета!” – вспыхнуло у меня в голове нечто совершенно абсурдное.

Какая конфета?! Что за?..

– Шутки шутите? – Дыхание герцога коснулось виска. – Осторожнее. С этим расследованием я становлюсь очень нервным.

– А всякую чушь вы, наверное, спросонья несёте? – Я вывернулась из его рук, хоть моему стремительно смягчающему тельцу этого не хотелось. – Как вы меня называли?

Проклятье, аж жарко стало – за какой-то ничтожный миг, что находилась с ним рядом. Ладно, не просто рядом – очень и очень близко!

– Как я вас назвал? – не понял герцог.

Но отпустил меня. Видимо, на всякий случай. Потому как либо у меня с головой уже не всё в порядке, либо у него язык живёт своей жизнью... Либо... А вот тут я едва удержалась от того, чтобы посмотреть на шинкорна, который сердито пытел позади. Такое уже было со мной. Да-да! Я прекрасно помнила. Но вот поверить в это было всё так же трудно.

Ну же, Лабьетик! Скажи ещё что-нибудь! Или как там... подумай, что ли.

Но пёс молчал – и это странное и совсем неуместное слово “конфета” ни капли для меня не прояснилось.

– Неважно. – Я махнула рукой. – Что-то же вы явно обо мне подумали.

– Да. Я подумал, что вам очень сложно угодить, – размеренно произнёс месье дознаватель и посмотрел куда-то мне под ноги.

Я проследила за его взглядом: коробочка с ожерельем лежала сейчас у края моего подола. Лабьет недовольно заурчал. Тихо так, осуждающе: мол, ай-яй-яй, нельзя так с дорогими вещами.

– Нечего было меня дёргать, как дверной колокольчик! – бодро парировала я, торопливо поднимая подарок.

– Не нужно было подкрадываться, – криво усмехнулся герцог.

– Просто вы очень органично смотрите в этом кресле, ваша светлость. Хотелось полюбоваться. Пожалуй, когда переберётесь в Эйл в качестве моего мужа, я постелю вам на террасе.

Ренельд задумчиво почесал Лабьета по макушке, чему-то улыбаясь. А пёс явственно закатил глаза, вздохнул, слегка тряхнув ушами, и многозначительно переглянулся с напарником. Мол, что с глупой женщины взять...

– Нет. Скормить меня садовым насекомым вам не удастся, Мари. Потому как вы переедете в Энесси. – Месье стою-на-своём дознаватель снова вперила меня леденящий малахит своих глаз.

Колдовской и какой-то особенно гипнотизирующий. Не удивлюсь, если его многогранная светлость обладает и такими умениями. В конце концов, возможности тёмных аур не до конца изучены.

– Вы с ума сошли? – взяв себя в руки, возмутилась я. – Здесь моя винодельня! Мои арендаторы! О том, чтобы уехать на много миль отсюда, не может быть и речи! Лучше нам остаться каждому в своём доме. Мы взрослые состоявшиеся люди. И встреч на выходные, чтобы подержаться за руки на публику, будет вполне достаточно.

Ренельд приподнял брови.

– Видно, вы плохо знакомы со светским обществом. По крайней мере, до испытаний на место преемника короля нам нужно будет изображать пылких супругов особенно убедительно.

– Любопытно, какую степень убедительности вы имеете в виду, если мы договорились о фиктивности брака?

– Вот в этом и вопрос, мадам. – Герцог вдруг встал и прошёлся мимо меня до перил террасы. – Об этом я и хотел с вами поговорить. В связи с тем закланием, что на вас действует, всё несколько усложняется.

– Ну да, я должна была догадаться, что приехали вы сюда не ради чая или даже бокала вина. – Мне хотелось смеяться и в то же время что-нибудь разбить. – Но позвольте прежде высказаться? Пока меня не утатило в дебри нашего наверняка занимательного разговора о супружеских обязанностях.

Я сунула руку в ридикюль, что лежал рядом на столике, и вынула оттуда записку от Рауля Донжона. Ренельд как будто сразу всё понял, забрал её и пробежался взглядом по строчкам. Его брови сошлись к переносице. Лабьет тоже сунул нос в послание, обнюхал его внимательно и неспешно. И вопросительно уставился на напарника.

– Откуда это у вас? – строго спросил герцог. – Кто передал?

– Сам Рауль. Подкараулил Ивлину, сказал, что хочет встретиться с вами срочно, а затем скрылся. Я могу позвать её, пока она не уехала на винодельню.

– Да, будьте добры... – задумчиво проговорил месье почуявший-след дознаватель. – Будьте добры передать ей, что я жду её в экипаже. Мы вместе поедem на то место, где она в последний раз видела Рауля. Возможно, Лабьет сумеет почуять какой-то след.

Ренельд уже направился было к двери в гостиную, но шинакорн вдруг резко сел и требовательно рыкнул – даже я вздрогнула.

– Ах да. – Герцог взмахнул запиской. – Сегодня я планирую поужинать с вами. Если вы пригласите, конечно.

– Не оставлять же вас голодным. – Я усмехнулась.

У моего повара сегодня прямо праздник! Сам герцог Энесийский решил-таки отведать его блюда.

– Нам и правда придётся обсудить очень важный вопрос, Мари. – Его светлость окинул меня неспешным взглядом. Добавил, подумав: – И я всё же очень хочу увидеть на вас это ожерелье.

Сказано это было таким тоном, будто, кроме ожерелья, он не хотел видеть на мне никакой одежды.

Ренельд

Рауль Донжон явно предполагал, что его попытаются найти. Либо Ренельд, к которому он, со слов мадемуазель дю Пойр, решил обратиться за помощью, либо тот, кто искал его в гораздо более недобрых целях.

Лабьет поначалу даже напал на слабый след. Но тот оказался слишком запутанным, будто Рауль нарочно добирался до места своего нынешнего обитания какими-то невероятными закоулками. К тому же этот шлейф так ни к чему и не привёл.

В какой-то миг шинакорн резко остановился, дёрнулся – и рванул обратно к Ренельду, завывая так, словно ему оттоптали хвост.

“Проклятье! – стонал он, чихая и вертя башкой. – Какая же вонь! Да бездная Клоака смердит не так сильно. Что это за дрянь?”

Оказалось, что Рауль решил сбить возможных ищеек с пути, разбрызгав вокруг раствор едкого сока Олентия Грамира. Такой вывод сделала аспирантка, принявшаяся на том месте, где шинакорна, собственно, и подбросило. Эта самая Олентия тоже была растением из Бездны. Похоже, там вообще ничего порядочного не росло – только яды и всё, что с ними связано.

Расстроенный пёс всю обратную дорогу до имения Эйла лежал на сиденье кареты, понуро опустив нос. То и дело он чихал, тёр морду лапой и вздыхал, откровенно страдая.

“Всё отдал бы, чтобы немедленно ткнуться мордой в колени мадам Конфетки”, – наконец мечтательно протянул он.

– У тебя ничего нет, – напомнил Ренельд. – Ну, кроме ошейника.

“Это ведь смотря какой ошейник. Мой тоже стоит немало. А уж тот, что ты подарил графинюшке... Но даже в благодарность за него она не позволит тебе уткнуться лицо в свои колени. А мне – позволит. Просто так”.

Он торжествующе покосился на напарника.

Не то чтобы Ренельд жаждал прильнуть к коленям Мариэтты, но это было бы неплохим завершением столь суматошного дня. Вон мадемуазель дю Пойр вообще дремала, прислонившись головой к стенке кареты. Все её планы на сегодняшний день рухнули. Солнце уже склонилось к закату, и на винодельню она не попала.

И что-то подсказывало Ренельду, что на ужин они тоже опоздали. А значит, можно только догадываться о том, насколько Мариэтта рассержена подобным пренебрежением.

Наконец уставшие лошади втащили экипаж в гору. Сухо распрощавшись с Ренельдом, Ивлиня отправилась в свою комнату, а вот ему пришлось остаться в гостинной. Хмурая экономка сразу отправилась докладывать хозяйке о том, что гости всё же прибыли.

“М-да... – заключил Лабьет, укладываясь на ковре у дивана. – Похоже, нам здесь уже не рады. Всё блохастому коту под хвост”.

Мариэтта, похоже, вообще не торопилась спускаться. Как сообщила мадам Хибоу, она уже собралась ложиться спать. Экономка сухо предложила Ренельду чаю, чтобы скрасить ожидание, хотя он не отказался бы от бокала хорошего вина.

– Признаться, я уже начала сомневаться, что поняла вас правильно, – голос графини наконец донёсся с лестницы и вырвал Ренельда из лёгкой задумчивости. – За ужином я размышляла: а может, вы сказали, что приедете завтра? Или через неделю...

Он повернул голову: Мариэтта неспешно спускалась в гостиную, уже одетая в домашнее платье и отороченную кружевом накидку поверх него. В чуть распушенном запахе виднелся белоснежный ворот тонкой сорочки.

В какой-то миг Ренельду стало абсолютно всё равно, что она говорит, пусть бы с её губ срывались даже бранные слова. Он пожалел, что ни разу не приехал в Эйль так поздно, чтобы застать Мариэтту вот такой: слегка уставшей, не столь строгой, как днём, не закованной в доспех корсетов, жёстких воротников и плотных, почти хрустящих тканей.

Она подошла, шурша коротким шлейфом накидки по ковру, и опустилась в кресло сбоку от дивана. Лабьет-подлиза тут же подскочил с места и, как и мечтал, обрушил свою тяжеленную голову ей на колени. Сладостно вдохнул, не забывая повиливать хвостом.

“О да... – Казалось, сейчас он закатит глаза. – Ну же, Конфета, ну, погладь меня. Я столько страдал!”

И Мариэтта погладила шинакорна по макушке, чем повергла его в состояние, близкое к эйфории.

– Прошу прощения, мадам, – проговорил Ренельд. – Но нас задержали поиски Рауля. Я рассчитывал, что мы всё же отыщем то место, где он сейчас живёт.

– И как? Нашли? – Графиня приподняла брови.

– К сожалению, нет.

Она хмыкнула.

– Я распоряжусь подать вам ужин в подготовленную для вас комнату, – её голос стал ещё холоднее. – А пока я готова выслушать вас. Ведь вы приехали сюда уже второй раз за день для очень важного разговора. Что-то связанное с сутью нашего брака? И нашими договоренностями? Потому не будем терять время. Мы все устали за день. Я не так давно вернулась с винодельни. И мне хочется отправиться спать. Завтра я должна присутствовать на Совете Санктура по стипендиатам Фонда д’Амран.

Ренельд выждал паузу, внимательно разглядывая совершенно ничего не выражающее лицо Мариэтты. Неужели и правда обиделась? Ведь ей, кажется, должно быть всё равно.

– С вашим заклятием всё не так просто, – принялся он объяснять без предисловий. – Гаспар начал разбираться в формуле, но многие её части скрыты, а значит, расшифровать её почти невозможно. Но есть иная возможность для скорейшего избавления от него. Если завершить предусмотренный заклятием ритуал. Тогда скрытые части формулы заклинания могут вскрыться – и Гаспару легче будет создать нейтрализующее заклятие.

“Ой, да в речи обвинителя на суде больше страсти, Рен! – возмутился Лабьет, приподняв голову с коленей графини. – Вот честное слово, в кого ты такой отбитый?”

– Что прикажешь делать? – огрызнулся Ренельд. – Броситься на Мари с поцелуями?

“Нет. Тут можно и отхватить весьма агрессивных ласк. По голове”.

– Другими словами, мне нужно лечь с вами в постель... – после задумчивого молчания проговорила графиня.

– Я просто излагаю вам ситуацию. И предлагаю решение.

Мариэтта вдруг встала и даже повернулась к лестнице, как будто собралась наверх.

– Поднимемся в спальню? – её слова показались каким-то обманом слуха.

“Не понял... – буркнул Лабьет, недоуменно глядя ей в спину. – Ты что-нибудь понимаешь, Рен?”

– Не совсем... – хмуро ответил тот. И обратился к Мариэтте: – Что, простите?

Та обернулась, растягивая губы в едкой улыбке.

– Поднимемся в спальню. Или предложите “раскрывать” заклятие и... всё остальное здесь? – Она потянула конец пояса, развязывая его, и запах накидки разошёлся в стороны. Ещё пару мгновений Ренельд пытался осознать это наваждение. Но на твёрдую землю его вер-

нула следующая фраза графини: – Такую мою реакцию вы представляли себе, когда ехали сюда на ночь глядя? Да, ваша светлость?

Это даже какое-то облегчение: мир не сошёл с ума.

– Нет. – Ренельд встал, одёрнул фрак, этим простым движением окончательно возвращая себе ощущение реальности. – Я как раз предполагал другую вашу реакцию.

Он подошёл к графине, не собираясь оставлять между ними преград кресла, стола с вазой, наполненной цветами, и даже толщи этого напряжённого воздуха.

– Я не знаю, что вы там себе вообразили. С этим вашим Гаспаром. – Мариэтта качнулась ему навстречу, и теперь во всей красе можно было увидеть, как разгорается пламенем негодования её взгляд. – Но если считаете, что я с радостью прыгну в омут привязки с... вами! Ради мутной надежды на избавление от неё... Вы очень сильно заблуждаетесь.

– Всё это не доставляет мне радости, мадам. Но я сам видел формулу – от неё и правда одни клочки, из которых трудно что-то собрать. Всё говорит о том, что заклятие на вас наложил сам Собиратель. Это не просто чья-то любовная шалость.

“Осторожнее, Рен, – предупредил Лабьет. – Кажется, она потянулась к вазе”.

– Не думайте, ваша светлость! Я осознаю все опасности. Но... Если королевский заклятийник требует от меня замкнуть привязку, чтобы – возможно! – избавиться от неё... То грош ему цена! – Мариэтта угрожающе повысила голос. – Знаете, у меня теперь есть одно очень любопытное преимущество! Я невеста племянника короля. И, кажется, вполне могу обратиться к его величеству со своими мыслями насчёт эффективности некоторых его магов. А после поискать другого. Так что, может, месье Конассьянсу стоит напрячься, а не пытаться облегчить себе участь за мой счёт? За счёт того, что я, а не он на неопределённый срок превратится в восторженную самку?

Она повернулась и начала подниматься по лестнице, похоже не собираясь продолжать разговор.

– Мари. – Ренельд вздохнул, провожая её взглядом. – Проклятье...

Она и правда просто ходячее проклятье. И довольно проворное: скрылась из вида, он и моргнуть не успел.

“Надеюсь, ты не дашь ей так закончить этот разговор? – ворчливо, словно старый наставник, буркнул Лабьет, прыжками взбираясь по ступеням следом за графиней. – Она ведь не убила тебя сразу”.

И Ренельд не стал отставать. Он успел перехватить Мариэтту ровно в тот миг, когда она уже закрывала дверь перед его носом. Короткий толчок ладонью – и створка вновь распахнулась. А графиня попятилась вглубь пустой гостиной.

– Пойдите прочь, ваша светлость! – прошипела она. – Или вы желаете поступить так, как всегда поступаете? Решить за меня, а затем развести руками со словами “так было лучше”?

– Значит, такого вы обо мне мнения? – Ренельд захлопнул за собой дверь. – Что я способен воспользоваться вашей слабостью...

– Скажете тоже... “Слабостью”, – едко фыркнула вдовушка, продолжая отступать.

Ренельд же шёл к ней, чувствуя, как ломит мышцы от желания просто сгрести её в охапку, встряхнуть, чтобы чуть ошарашить, а затем сделать что-нибудь, что заставит её обо всём забыть. Вариантов, признаться, было немного. Он наконец догнал улепётывающую графиню и поймал её лицо в ладони, не давая отвернуться. Заставляя слушать.

– Вы понимаете, что Собиратель может наконец объявиться и пожелать довести начатое дело до конца? Тогда вы станете *его* восторженной самкой. Даже не моей! – он не заметил, как сам начал говорить громче. – Тогда он сможет заставить вас делать всё, что пожелает. И не думаю, что ему от вас будут нужны постельные развлечения. Хотя, может, и это тоже.

– А что нужно вам? – голос Мариэтты чуть сел. – Ваша... светлость.

Она обхватила пальцами его запястья, сжала крепко, но осторожно. И явственные отпечатки её рук впились в кожу вместе с теплом ауры. Ресницы Мариэтты дрогнули, словно она хотела закрыть глаза и не видеть его так близко. Ренельд осознал, очень чётко и болезненно, что не должен её касаться, – и не мог не коснуться.

После случая с Оли – тогда, несколько лет назад – он старался ни о чём не жалеть. Старался быть уверенным в каждом своём решении. А сейчас – вновь жалел. Хотя бы о том, что не занялся избавлением Мариэтты от случайно активированной привязки раньше. Что задумал проучить – и в то же время наказал сам себя.

– Я хочу только вашей безопасности.

“Да ладно врать! – язвительно заметил Лабьет. – Её ты хочешь тоже”.

– Помолчи!

Вся эта ситуация с самого начала казалась Ренельду неправильной. И в Бездну всё – он уже не мог связать свои желания с обычным стремлением помочь. Всё это стало чем-то большим, чем-то личным – и это просто выводило из себя. Потому что Мариэтта смотрела на него с бесконечным непониманием. Таким сильным, что оно прорывалось даже через дымку наведённого заклятием притяжения.

– По большому счёту, мне всё равно, кто замкнёт привязку, вы или Собиратель, – вдруг произнесла она. Вырвалась из его рук и отошла на пару шагов. – Но я не хочу!.. – Подумала и вздохнула. – Не хочу, чтобы всё было так. Что бы мне ни грозило. Не думайте, я не идеалистка. И не ханжа. Но лечь в постель с мужчиной, не ощущая ничего, кроме силы этой мерзкой привязки... Да я себя буду ненавидеть после. Если всё это завершится, конечно... И вас тоже! Вас, понимаете? Я не хочу вас ненавидеть. Хотя вы многое для этого делаете, если честно. Нам, в конце концов, ещё придётся действовать сообща. А я не хочу поджарить вас от злости.

“Да. Лучше быть поджаренным от страсти, – хмыкнул Лабьет. – Ну, лично я предпочёл бы такой вариант. Если уж деваться некуда и надо обязательно запечься”.

– Я тоже не хочу быть поджаренным. – Ренельд выдохнул, ощущая наконец, как напряжение отступает. – Поверьте. И навредить вам тоже не хочу.

Высказанные слова словно отпустили накрученную до предела пружину внутри.

– Тогда давайте не будем больше говорить о “методе Конассьянса”. – Мариэтта огляделась в комнате, словно понять не могла, как вообще тут оказалась. Да ещё и с Ренельдом вместе. – Я готова подождать, пока он разберётся “естественным” способом. Если понадобится, обращусь к тому заклятийнику, которого мне советовала Жана Астер. Когда он вновь будет в городе. Или подниму бумаги Эдгара, в конце-то концов! Он многое знал. И буду осторожна. Никуда без охраны!

– Я настаиваю на королевской охране.

Вдовушка скривилась, запахивая чуть разъехавшуюся в стороны накидку.

– Скажите, вам самому не надоело постоянно “настаивать”? Такое напряжение...

Ренельд невольно опустил взгляд на её часто вздымающуюся грудь, округлую, вздёрнутую, ясно очерченную до самых интригующих выпуклостей даже под двумя слоями довольно плотной ткани.

“Глаза подними! – посоветовал шинакорн, всеми силами отвлекая внимание Мариэтты на себя. – Лицо мадам Конфетки выше”.

А это оказалось не так-то просто!

Но графиня, кажется, ничего не заметила благодаря мохнатому подлизе. Пёс потёрся боком о её бедро, и она наконец улыбнулась, зарывшись пальцами во встопорщенный гребень на его спине.

– Королевская охрана не только будет наблюдать за вами, но и, возможно, поможет следствию, – продолжил Ренельд. – Они научены замечать многое из того, что не заметят ваши обычные защитники. И если Собиратель окажется где-то рядом...

– Я поняла. – Мариэтта закатила глаза. – Хорошо. Пусть будет королевская охрана. Но только до момента, пока заклятие не будет снято.

“Рен, всё же ты иногда можешь, когда хочешь”, – торжествующе завилял хвостом Лабьет.

– Завтра они будут у вас. А мы... – Ренельд кашлянул. – Пожалуй, поедем.

“Что?! – взвился пёс. – Проклятье, Рен, если бы ты не был мужиком и я лично не видел твоих любовниц, то подумал бы, что ты девственница. На ночь глядя! Ну куда-а? Дайте мне умереть молодым, потому что до старости с тобой я сойду с ума”.

Трагичные завывания шинкорна эхом отдавались в голове – совершенно невыносимо.

– Ваша светлость... – с укором проговорила графиня. – Конечно, я не в восторге, что вы сейчас находитесь в моей спальне. Думаю, мадам Хибоу тоже не в восторге. Как и моя охрана. Но... Если вы останетесь на ночь в гостевой комнате и утром, отдохнувший, отправитесь в Жардин... Наверное, ничего не случится? Я лично слышала, как мой повар Жак плакал на кухне оттого, что вы игнорируете его усилия.

Мариэтта хитровато улыбнулась. Похоже, заклятие в ней снова брало верх над обидой и раздражением.

“Жак вообще отличный парень! – подтвердил Лабьет. – У меня скоро все кишки ссохнутся от голода, Рен!”

– Ну раз повар плакал... – Ренельд развёл руками.

Признаться, ему самому становилось нехорошо от мысли, что сейчас вновь придётся садиться в карету и трястись в ней до Марбра, куда они с Лабьетом вернутся уже глубокой ночью.

– Пойду успокою его. – Графиня коротким движением убрала за ухо тонкую прядку. – И заодно провожу вас в вашу комнату. Она немного в другой части дома.

“Думается, подальше от её спальни”, – не удержался от подколки Лабьет.

– Сегодня ночуешь у Мариэтты, – напомнил Ренельд, следуя за графиней.

“Естественно. Ты до её охраны ещё не дорос”.

Глава 7

– Вы один? – гулкий оклик из глубины холла заброшенной дилижансовой станции заставил Ренельда обернуться.

“Так зайкой можно сделаться, – буркнул Лабьет, угрожающе урча. – Не нравится мне тут: вонь такая же, как тогда... Меня это раздражает”.

– Я один! – громко ответил Ренельд, пытаясь рассмотреть хоть что-то среди пыльного полумрака пустой конторы.

Дилижансы здесь давно не ходили: станцию перенесли на другую оконечность улицы, когда расширился очередной район Жардина. Здание сменило несколько владельцев, но применения ему пока так и не нашли.

Повсюду на пыльном полу, присыпанном нанесённой в разбитое окно листвой, виднелись свежие следы. Судя по ним, человек был один. Если его сообщники не зашли с другой стороны.

Впрочем, Ренельд не был настолько безумным, чтобы соваться сюда в одиночку. Боевики тайной Службы короля наблюдали – пока снаружи. Сейчас они уже должны были подобраться ближе, выясняя, не ловушка ли вся эта встреча.

– Я выхожу, ваша светлость, – громко проговорил тот же бесплотный голос. – Я просто хочу поговорить.

Наконец впереди раздались неспешные шаги – из-за приоткрытой боковой двери вышел мужчина. Темноволосый, смугловатый, заросший недельной щетиной. При этом довольно молодой и неплохо одетый – на таких при случайной встрече не обратишь внимания.

“Рен, осторожнее, – всё же предупредил Лабьет. – Он может быть опасен”.

Ренельд и сам почувствовал это, когда Рауль приблизился: чёткий шлейф тёмной ауры, что расплзался от него во все стороны. Да и на лице Донжона, в его взгляде, можно было многое увидеть. Похоже, изменения структуры его магии произошли довольно давно. Он боролся – пока непонятно, каким способом, – чтобы не допустить пагубных влияний на свой разум и тело. Но, судя по всему, последние дни у него выдались не из лёгких.

Опасливо приближаясь, он поднял раскрытые ладони вверх, показывая, что не держит наготове никакого оружия.

– Я не нападал на Ивлину дю Пойр, – сообщил сразу. – Шипы Лилак Спинум были мои, да. Их у меня украл.

– Ты знаешь, сколько раз я слышал подобное? “Меня подставили”, “мне подбросили”, “у меня украли”, – скептически отозвался Ренельд.

Рауль остановился поодаль, то и дело поглядывая на замершего в напряжённой позе Лабьета. Шинакорн мог одним прыжком преодолеть это расстояние. Но выжидал – и сейчас был совершенно сосредоточен. А когда он сосредоточен – молчалив.

– Но я и правда не виноват, – вздохнул маг.

– И в отравлении виноградников графини д’Амран тоже? – Ренельд вгляделся в лицо мужчины, отмечая всё больше признаков пагубного влияния тёмной ауры. – А твоя знакомая, на которую ты якобы не нападал, утверждает, что это твоих рук дело.

– Только отчасти.

– Я жду подробностей.

“Пусть уберёт отсюда эту вонючку, что лежит у него в кармане, – буркнул Лабьет. – Иначе я не удержусь – оставлю ему пару напоминаний о себе. Долго будут заживать. Я в тот раз целый день почти ничего не чувял!”

Ренельд подтащил к себе один из стульев, что стояли вокруг в беспорядке.

– Прежде чем ты начнёшь, эту дрянь, которой ты сбиваешь нюх моему напарнику, лучше уничтожить. Его это нервирует.

Рауль вздохнул и огляделся вокруг. А затем медленно сунул руку себе за пазуху и достал оттуда мешочек с какими-то травами внутри. Запах от них стал резче – даже Ренельда пробрало. Пожалуй, если вдыхать его достаточно долго, не обойдётся без головной боли. Он сосредоточил взгляд на пахучей смеси – и через миг она вспыхнула прямо в руке Донжона. Тот вздрогнул и уронил пылающий комок себе под ноги.

– Давайте без подобных шуток, ваша светлость. – Не дождавшись ответа, Рауль уселся напротив и, собравшись с духом начал: – За тем заклинанием, что отравляло виноградники мадам д'Амран, ко мне обратился один мой знакомый. Сказал, есть работёнка, за которую прилично заплатят. Мне только нужно составить формулу заклятия и передать её заказчику.

– Кто он, ты не знаешь... – Ренельд откинулся на жёсткую спинку стула.

– Догадываюсь, – хмыкнул Донжон. – Газеты-то я читаю. Но лично ни разу не встречался: незачем. Ко мне и раньше обращались за такими вот мелкими пакостями. Вы лучше всех знаете, как используют магию. Если есть светлая сторона, всегда найдётся и тёмная. Так получилось, что я оказался не с той стороны. И потому теперь вынужден выживать. Но я никого не убиваю.

– Однако ты выращиваешь ядовитые растения из Бездны. Откуда тебе знать, что с их помощью никого не убили?

– Потому что я знаю, кому их продаю. Всегда, – слишком резко ответил Рауль.

“Какой нервный ботаник, – цыкнул Лабьет. – Теперь я не удивляюсь тому, что среди убийц так много садовников”.

– Допустим, – подогнал мужчину Ренельд. – Ближе к сути.

– Так вот заклятие я передал, – вздохнул тот. – Потом уже узнал, где именно его применили. А ещё позже – что в это вмешалась Ивлиная... Я не хотел ей зла. Решил просто поговорить, чтобы она не лезла, куда не надо. Но меня самого попытались убить. Дверь в мою квартиру взломали. Выкрали некоторые ингредиенты. И ещё вот...

Он вдруг вытащил из-под распахнутого ворота рубашки цепочку, на которой болтался продолговатый амулет. Чем-то он напоминал сосуд, но теперь – пустой.

– Что это? – Ренельд подался вперёд, пытаясь разглядеть.

Лабьет поднял с места мохнатый зад и деловито приблизился к Раулю, тот отпрянул, но, поняв, что его не собираются сжирать прямо сейчас, снял артефакт с шеи и отдал ему. Тот принёс его напарнику.

“Там остатки светлой ауры, – сообщил между делом. – Страшное месиво, ничего не отделить. Но коктейль сильный”.

И, приглядевшись, Ренельд сразу всё понял. Ещё понял, что раньше уже где-то видел подобный амулет. Может быть, чуть другой конструкции. Но пока не мог сказать точно, где именно.

– Это накопитель светлой энергии, – ботаник частично повторил его мысли. – Я пользуюсь ими почти весь последний год. С тех пор, как тёмная аура начала портить мне... жизнь.

– Откуда он у тебя?

Никому до Собирателя не удавалось создать устойчивый накопитель. Но и насчёт него уверенности до сих пор не было, потому как все следы похищенных аур обрывались задолго “до”.

– По связям, – пожал плечами Рауль. – Мне предложили... Опробовать.

– И ты не слышал о случаях похищения чужих аур? – Ренельд встал и неспешно пошёл к нему.

Лабьет угрожающей рысцой – следом.

– Слышал, – напрягся ботаник.

– И у тебя не возникло мысли, что та сила, которой ты латаешь свою ауру... – Ренельд осёкся, вдруг вспомнив.

Так отчётливо, ясно, что на несколько мгновений словно бы ослеп.

“Что такое, Рен? – заволновался шинакорн. – Эй! Что с тобой?”

– Я вспомнил, где видел подобное раньше, – ответил тот медленно, ещё стараясь переварить собственное осознание. Оглушающее и какое-то ядовитое – хуже сока Лилак Спинум.

“Где?”

– Потом... – Ренельд вновь посмотрел на замершего в испуганном ожидании Рауля. – Ты говоришь, что не убиваешь людей. Но, получается, несколько раз был причастен к весьма паршивым делам. На что ты рассчитываешь?

– На защиту, – серьёзно ответил Рауль. – Я помогу избавить виноградник вашей невесты от заразы окончательно. И расскажу, что знаю, об этом. – Он указал взглядом на амулет. – У меня было несколько. Их тоже выкрали. Остался только тот, что был на мне. А знакомый, через кого я их доставал, давно не выходит на связь. Можете посадить меня в кутузку. Но только не дайте меня убить. Я прошу вас, ваша светлость.

– Заметь, ты сам попросил. – Ренельд склонился к нему. – Хорошо. Я огражу тебя от покушений тех, кто за тобой охотится. Но вот защиту от себя – не обещаю.

Он махнул рукой – и в зал сразу вошли несколько боевиков.

– Заберите его. Мы поговорим по дороге в темницы Марбра.

“Рен, может, объяснишь, что случилось? – настойчиво напомнил Лабьет, пока они возвращались на улицу следом за мужчинами, что вели скрученного магкандалами Рауля. – Что ты понял?”

– Я видел... – Ренельд встряхнул зажатый в ладони амулет. – Такой же накопитель я видел у своего отца.

По пути в Марбр Рауль успел рассказать почти всё о тех, через кого получал накопители. Но при выяснении подробностей открылось, что он почти ничего не знает о том, где их можно найти теперь. И кем был тот, кто эти самые амулеты собирал.

Ещё в карете Ренельд разглядел сосуд в подробностях. И первое, что бросилось в глаза, – насечка на корпусе из тех знаков, что составляли ловушку аур и заклятие привязки Мари. Прядок был другой. Но если показать Гаспару, возможно, он сумеет вычислить систему, по которой символы расположены, и найти связь с другими формулами.

А пока добровольного пленника пришлось оставить в темнице Марбра – до выяснения ещё каких-то подробностей и завершения дела с отравлением виноградников Мариэтты.

У себя в кабинете Ренельд снял слепок фона, что исходил от накопителя: возможно, при детальном изучении получится отделить составляющие и понять, из чьих энергий состоит эта смесь.

“Тиблое дело, – мрачно заметил Лабьет, наблюдая за манипуляциями напарника. – Там этих энергий могут быть десятки. Теперь я вовсе не уверен в том, что Собиратель начал свои делишки с нападения на Леонору”.

– Скорей всего, мы просто чего-то не знаем, – не стал спорить Ренельд. – Но попробовать я всё же должен. Так мы хотя бы поймём, как давно он орудует, сколько магов успели пострадать.

“Жаль только, мы не поймём, почему они молчали о нападениях”.

Ренельд свернул сферу фиксирующего артефакта, пока не вникая в то, что на ней отпечаталось.

– Сейчас меня больше всего волнует, что мы не знаем, когда он нападёт снова. И каковы будут масштабы. Он явно пытался создать сеть ловушек. Может, ему удалось.

“Думаешь, во время помолвки может что-то случиться?” – Лабьет приподнял уши.

– Помолвки или во время свадьбы короля. Да в любой миг. Думаю, теперь Собиратель не будет размениваться по мелочам. – Ренельд помолчал. – Мариэтта всегда в опасности. Думаю, она – больше всего. Ещё эта треклятая привязка...

“Кто ж знал, что с ней всё окажется так сложно. Хотя... С Конфеткой всегда всё сложно. Повезло тебе, знаешь ли, с невестой”. Шинакорн осторожно повилял хвостом, глядя на напарника исподлобья.

– Знаешь, что мне интересно?

“Боюсь предположить. Все варианты какие-то неприличные”.

– Да я не о том. – Ренельд коротко закатил глаза. – Я всё думаю, отчего собиратель до сих пор не попробовал замкнуть привязку на себе.

“Твоя любознательность в этом вопросе меня пугает. Ты предпочёл бы, чтобы он попробовал?”

– Нет, конечно! Просто для него в таком случае всё стало бы гораздо проще.

“Ой, Рен! – фыркнул пёс, вновь опуская голову на лапы. – Я тебя-то не всегда понимаю. Что уж говорить о том, кому тёмная аура, возможно, прилично подпекает мозг. Может, он выжидает чего-то. Или передумал. Тянуть ауру на расстоянии безопаснее, чем лезть в пекло и пытаться замкнуть привязку. Тем более мадам Конфетка сейчас почти всегда под охраной”.

– Возможно, – протянул Ренельд.

Но рассуждения шинакорна его совсем не успокоили. С того утра, как он покинул имение Эйла после того, как провёл там ночь, мысли о Мариэтте никогда не покидали голову. Порой они полностью вытесняли другие – те, что по всей логике должны были казаться важнее. Но нет, стоило только спокойно сесть, чтобы о чём-то подумать, и все размышления неизменно возвращались к графине. Да, за ней присматривала самая лучшая и внимательная охрана. Но Ренельд предпочёл бы быть рядом лично. Или хотя бы оставить с ней Лабьета. Но шинакорн был ему нужен.

Закончив все срочные дела в Марбре, они спешно собрались в Энесси. Ренельд понял вдруг, что последний раз был там после бала в честь Ксавье. А после вынужден был почти постоянно находиться в королевской резиденции. Пожалуй, последний месяц герцог из него так себе. Впрочем, и дознаватель не слишком удачливый.

Однако он надеялся, что в родовом имении сумеет отыскать хоть какие-то ниточки. Или то, что связывает амулет-накопитель, который он видел однажды в ящике отцовского стола, с тем, что сейчас лежал у него в нагрудном кармане.

Мать и Ксавье уехали в Энесси раньше. Герцогиня заканчивала последние приготовления к балу, что должен был состояться уже через два дня. А Ксавье, кажется, бежал от любых встреч с Ренельдом. После той драки они больше не разговаривали толком. Но братец хотя бы перестал топить свою обиду и досаду в бокале с бренди.

В Энесси было ожидаемо суетно и людно. Как будто все слуги вдруг оказались при срочных делах. Молча отвечивая кивки на каждое приветствие, Ренельд дошёл до гостиной – там оказалось пусто. Зато через открытые на террасу двери доносились знакомые голоса. Бодрые, даже слегка взбудораженные. Судя по всему, разговор был вполне приятный и дружеский. Да и пусть бы: мать последние дни пребывала в таком приподнятом настроении, что не хотелось попусту тревожить её лишними заботами.

Потому Ренельд поднялся в кабинет отца и плотно закрыл дверь, когда Лабьет проскочил внутрь следом за ним.

“Что мы будем искать?” – осведомился тот на всякий случай.

– Всё, что связано с исследованиями отца по поводу моей ауры. – Ренельд прошёл к стеллажу с книгами – во всю стену – и, пробежавшись пальцами вдоль корешков, потянул один на себя. – Искать не нужно. Все бумаги отец хранил подальше от чужих глаз. Кажется, он однажды вообще про них забыл. Когда потерял надежду сделать меня “нормальным”.

В глубине полки сухо щёлкнуло, и чуть в стороне открылась небольшая, замаскированная под книгами дверца. За ней скрывалась ещё одна – в стене. Но едва Ренельд достал ключ, чтобы открыть небольшой несгораемый шкаф, как по ногам пробежался порыв сквозняка.

«О! – выдал Лабьет. – Твоя матушка пожаловала».

– Рени, – тут же раздался за спиной голос матери. – Я, конечно, всё понимаю, но ты хотя бы поздоровался, как приехал. У нас гости... Что ты делаешь?

Ренельд медленно обернулся. Мать стояла, хмуро его разглядывая. Тихо хрустнул веер, который она с неосознанной силой сжала обеими руками.

– Здравствуй, – Ренельд кивнул. – Знаешь, я не устаю удивляться тому, какие порой любопытные подробности открываются во время расследований. И одна из них привела меня сюда.

– Это очень странно. – Герцогиня вскинула брови. – Ты говоришь о деле с похищением аур?

– Именно. – Ренельд вновь отвернулся и всё же открыл дверцу. Вынул две толстые папки, что лежали внутри. Пошарил рукой в тёмном шкафчике, но там ничего больше не оказалось. – Скажи... Насколько далеко отец был готов зайти, чтобы исправить мою ауру?

Он прошёл до стола и с грохотом опустил на него увесистые стопки бумаг. Мать вздохнула, наблюдая за ним. Её глаза потемнели, а плечи чуть опали. Похоже, воспоминания не из приятных.

– Довольно далеко. Но всё это в итоге оказалось бесполезным. Так что там, – она указала взглядом на старый архив, – ты вряд ли найдёшь что-то полезное. Всё это только теория вперемишу с мечтами.

– И всё же. – Ренельд потянул завязку верхней папки. – Я помню, что он был увлечён этими исследованиями. И одно время был почти уверен, что всё получится. Кто ещё, кроме вас с отцом, Ксавье и короля, был в курсе того, что с моей аурой что-то не так? Кто помогал ему искать решение?

– Рени, – герцогиня покачала головой, – это давнее дело... И оно ничем не закончилось.

– Кто? – Ренельд повысил голос. – Ты понимаешь, что Мариэтта в опасности? Каждый маг, с которого Собиратель может что-то получить, в опасности! И в этом может быть замешан кто-то из нашей семьи.

– Что за чушь! – резко ответила мать. – Откуда ты вообще это взял? Со своим Собирателем ты скоро совсем сойдёшь с ума! Дома не появляешься, о своей невесте говоришь только в связи с расследованием. Она хоть как-то ещё тебя интересуется?

«Ваша светлость, – ехидно пропел Лабьет, снизу вверх глядя на герцогиню, – наши интересы к мадам Конфетке настолько обширны, что вам лучше об этом не думать. Голова разболится».

Ренельд только мысленно хмыкнул на его замечание.

– А должна? – Он приблизился к матери на пару шагов. – Кажется, вас с его величеством другие стороны моего интереса к Мари не волнуют. Только выгода. Говори! Всё, что знаешь.

Герцогиня вскинула было голову, собираясь упрямиться.

– Как ты вообще со мной разговариваешь? – она редко когда повышала голос. И обычно это означало самую высшую степень гнева. Но, не дождавшись ещё хоть слова от Ренельда, всё же продолжила: – Очень многое Сельен мне не рассказывал. Говорил, мол, это не то, о чём мне стоит тревожиться. Ведь я ничем не могу помочь. Но одно я знала точно: в те времена, когда он был одержим идеей изменить твою ауру, он во многом советовался с Эдгаром д'Амраном.

И это неудивительно. Ещё до поступления старшего сына в Санктур отец был дружен с ректором Академии. Но в какой-то миг их отношения дали трещину – причину Ренельд так и не смог выяснить толком. Да и, признаться, не слишком-то ей интересовался.

– Это могло быть разработкой графа д'Амрана? – Он поднял руку с висящим на цепочке накопителем прямо перед глазами герцогини.

Она вздрогнула было, но пригляделась внимательнее и чуть расслабилась.

– Эдгар, насколько я знаю, не был умелым артефактором. Его профиль – заклатья. Дочь пошла по его стопам – я так думаю. Но до отца так пока и не дотянулась. – Она с сожалением поджала губы.

– Значит, должен был быть и артефактор? – Ренельд убрал амулет обратно в карман.

– Говорю же: Сельен многое от меня скрывал. – Мать пожала плечами.

– Не доверял?

Герцогиня оскорблённо фыркнула.

– У нас были сложные времена. Каждый из нас хоть раз, но задумывался о том, как могло получиться, что ты родился с тёмной аурой. От кого это передалось... – Она помолчала и продолжила: – Сельен был подавлен. Ведь это ставило под удар право всего рода Таури занимать престол. Но в конце концов для недоверия между нами не осталось места. Просто... Я думаю, он считал, что это всё для меня слишком сложно.

“Или не хотел подвергать опасности, – вставил Лабьет, внимательно выслушав её. – Если твой отец, Рен, ввязался в какие-то игры с преобразованием аур, это могло обернуться скверными последствиями”.

– Вполне возможно, – согласился Ренельд, молча наблюдая за тем, как на лице матери разные эмоции сменяют друг друга.

Вспоминать о прошлом трудно. Особенно если в нём немало тёмных пятен.

– Хорошо, – проговорил он, так и не дождавшись от матери ещё хоть каких-то подробностей. – Значит, только Эдгар д’Амран?

– Это то, что я знаю. – /Герцогиня развела руками. – Рени... Всё это было давно. И тот, кто сейчас занялся этим, – она указала веером на лежащий в нагрудном кармане Ренельда амулет, – он мог прийти к этому совсем другим путём.

– Может быть, ты права. Но слишком уж многое сходится.

– Тогда не буду тебе мешать. – Мать натянуто улыбнулась. – Ты останешься на ужин? Или вновь помчишься в Марбр? Хоть о своей помолвке не забудь...

“Я тебе забуду! – буркнул Лабьет. – Будешь ходить за Конфеткой весь день. А как на шаг отойдёшь, буду кусать... Сам выбери за что”.

– Кто у нас сегодня в гостях? – рассеянно уточнил Ренельд, перебирая документы отца. – Ты сказала, у нас гости.

Герцогиня, уже уходя, остановилась у двери.

– А! – взмахнула рукой. – Герцог Балленас с сыном решили приехать пораньше и провести пару дней до бала на природе. Они собираются поохотиться и устроить несколько прогулок верхом.

“Чудная жизнь... – вздохнул шинакорн. – Отчего я не посол? Гонял бы себе сейчас уток на пруду, а не мотался бы за тобой, не нюхал бы всякую дрянь. Бр-р. Как вспомню...”

– Я спущусь, чтобы поздороваться. Позже. – Ренельд взглянул на мать, и та, ещё раз осуждающе скривив губы, всё же вышла.

Оказалось, в бумагах отца и правда не нашлось ничего особо полезного. Пара писем, не относящихся к делу, какие-то выписки из книг – по теории строения аур и взаимодействия тёмной и светлой частей. А ещё несколько странных чеков, на чьё имя – не указано. Да и в книге расходов, которую тоже пришлось поднять, потратив на это немало времени, они не числились. Их Ренельд отложил в сторону. Возможно, в банке Жардина что-то удастся выяснить.

Во второй папке документы оказались интереснее – более конкретные рассуждения по структуре ауры Ренельда. Подробный разбор, который делал, судя по всему, как раз Эдгар д’Амран. Заметки на полях оказались большей частью непонятными. Формулы, что были записаны на десятке скреплённых между собой листов, только иногда содержали символы древне-магического языка. Но никаких особо утешительных выводов из них не следовало.

“Ну? – наконец поинтересовался Лабьет, зевнув так широко, что можно было пересчитать все его зубы. – Что-то нашёл?”

На свою жизнь пёс жаловался зря: пока напарник перебирал бумаги, он совершенно спокойно дремал. Порой даже принимался постанывать во сне и дёргать лапами, изрядно его тем отвлекая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.